

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 1(47)

2016

Москва 2016

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
В.П. Зиновьев, Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая,
А.В. Костров, А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев,
А.М. Пашков, В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов,
В.Л. Успенский, О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина,
В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Ответственный секретарь **М.Ю. Черниченко**
Переводчик **О.Н. Судакова**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вестник, 2016
© Российский государственный гуманитарный университет, 2016

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe,
O. Khlevnyuk, T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov,
T. Krasovitskaya, A. Krushelnitsky, N. Kulinich, V. Minaev,
A. Pashkov, V. Piskun, V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky, V. Zinovev**

Executive Secretary **M. Chernichenko**
Translator **O. Sudakova**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© by Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2016
© by Russian State University for the Humanities, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Колосовская Т.А.* «Руководствоваться многолетнею опытностью предшественников»: Д.А. Милютин и изучение истории российской политики на Кавказе (1840-е годы).....6
- Белова А.В., Мицюк Н.А.* Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе (от «великих реформ» до «великих потрясений»).....20
- Агапов В.Л.* Полицейские, проститутки и газетчики: Служебные будни Никольск-Уссурийской полиции накануне Первой мировой войны.....36
- Колесниченко К.Ю.* Налаживание межведомственного взаимодействия в Приморском крае в условиях Великой Отечественной войны.....54

Россия и мир

- Соколов А.Р.* Александр I и образование Краковской республики.....71

Антибольшевистская Россия

- Волков Е.В., Ирвин Д.Д.* А.В. Колчак как политик: Образы и оценки верховного правителя в британской прессе (1918 – 1920 годы)....87

У книжной полки

- Ростиславлева Н.В.* Бисмарк, Германия и Россия: Размышления о новейших немецких изданиях к юбилею Отто фон Бисмарка ...101
- Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* К изучению мотивации социального поведения русского генералитета в 1917 – 1920 годах: О книге В.Ж. Цветкова «Генерал Алексеев».....116
- Крыжан А.В.* Из истории изучения местных советских учреждений юстиции 1920 – 1930-х годов: Взгляд на монографию П. Соломона.....126

CONTENTS

Russian Statehood

- Kolosovskaya T.* “One Should Be Guided by Predecessors’ Many Years Experience”: D.A. Milyutin and Research on the History of Russian Policy in the Caucasus (1840s).....6
- Belova A., Mitsyuk N.* Russian Noblemen’s Sex Education in the Family, Educational Institutions and Society (from “Great Reforms” to “Great Upheavals”).....20
- Agapov V.* The Police Officers, Prostitutes and Newsmen: Routine Practices of Municipal Police in Nikolsk-Ussuriisk on the Eve of the First World War.....36
- Kolesnichenko K.* The Arrangement of Interdepartmental Cooperation in Primorye during the Great Patriotic War.....54

Russia and the World

- Sokolov A.* Alexander I and the Foundation of the Republic of Krakow.....71

Anti-Bolshevik Russia

- Volkov E., Irvin D. A.* Kolchak as a Politician: Images and Appraisals of the Supreme Ruler in the British Press (1918 – 1920).....87

Book Reviews

- Rostislavleva N.* Bismarck, Germany and Russia: Reflections on the Latest Editions to Mark Otto von Bismarck’s 200th Anniversary.....101
- Chicheryukin-Meyngardt V.* On Motivation of the Russian Generals’ Social Behaviour in 1917 – 1920: About V. Tsvetkov’s Book “General Alexeev”116
- Kryzhan A.* From the History of Research of Local Soviet Institutions of Justice (1920s – 1930s): A Look at P. Solomon’s Monograph.....126

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ Russian Statehood

Т.А. Колосовская

«РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ МНОГОЛЕТНЕЮ ОПЫТНОСТЬЮ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ»: Д.А. МИЛЮТИН И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КАВКАЗЕ (1840-е годы)*

T. Kolosovskaya

“One Should Be Guided by Predecessors’ Many Years Experience”: D.A. Milyutin and Research on the History of Russian Policy in the Caucasus (1840s)

История Российской империи связана с расширением границ и включением в ее пределы новых территорий. Одной из таких неотъемлемых частей страны стал Кавказ. Несмотря на то, что уже в начале XIX в. Россия уверенно перешагнула через Кавказский хребет, в течение полувека новая окраина оставалась во всех отношениях terra incognita. Многие сочинения и даже официальные донесения страдали неопределенностью сообщаемых данных¹.

Более того, благодаря господствовавшим в литературе модным тенденциям о «романтическом» и «экзотическом» Кавказе, в российском общественном сознании утвердилось представление о нем как о «разбойничьем гнезде». Один из «старых кавказцев» сетовал в своих мемуарах на то, что многие тогда представляли себе регион «чуть ли не в виде одной большой крепости, окруженной черкесами, с которыми наши войска изо дня в день перестреливаются...»².

Недостаток достоверных сведений мешал адекватно оценить складывающуюся на Кавказе обстановку и приводил к появлению различных, порой совершенно противоположных, мнений относительно самого образа действий в крае. Военное министерство было буквально завалено разнообразными, даже «экзотическими» проектами «умиротворения» региона. «Предлагали действовать против

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв.», проект № 14-01-00251.

горцев, продвигаясь не с равнины к горам, а с гор к ровным местам, – пишет современник, – строить крепости на хребтах и наблюдательные посты на горных шпилях; рвать горы порохом; против хищников растягивать проволочные сети по берегам Терека и Кубани». Подобные предложения, основанные на стереотипных представлениях о Кавказе и его жителях, без учета специфики его отдельных частей, не устраивали военных. Большинство подобных проектов отправлялось «в архивную пропасть» на рассмотрение «мышам и бумаготочивым насекомым»³. Поскольку достоверной информации было крайне мало, оставалось одно средство – «изучение на месте»⁴.

В эпоху Николая I задача ознакомления с краем входила в обязанности офицеров Генерального штаба, отправляемых на Кавказ для участия в военных экспедициях и получения боевого опыта⁵. В этом отношении исключительный интерес представляет деятельность Дмитрия Алексеевича Милютина (1816 – 1912) – известного реформатора и военного министра Александра II. В 40-е гг. XIX в. его судьба оказалась неразрывно связана с Кавказом: сначала в качестве офицера Генерального штаба, отправленного туда в служебную командировку, затем начальника штаба войск Кавказской укрепленной линии и Черномории и, наконец, профессора Военной академии, преподававшего курс военной статистики Кавказа.

Кавказская проблематика в творческом наследии Милютина затрагивалась историками лишь фрагментарно⁶. Предпочтение отдавалось освещению его реорганизации русской армии, итогом которой стал отказ от устаревшей рекрутской системы и переход к армии европейского образца⁷. При этом, на наш взгляд, его мысли об образе действий России на Кавказе представляются в настоящее время не менее актуальными, чем содержание и ход осуществленной им военной реформы.

В настоящей статье рассмотрена роль Д.А. Милютина в изучении Кавказа и показано влияние его идей на формирование российской политики в регионе. Источниками послужили работы самого Милютина: его планы и программы исследований, записки и описания Кавказского края, рукописи которых в настоящее время хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российской государственной библиотеке (РГБ).

* * *

Что представлял собой Кавказ в конце 30-х гг. XIX в., когда Д.А. Милютин впервые попадает в край? Каково было положение российской власти в различных его частях? Ответы на эти вопросы находим в составленном Милютиным пояснении к административной карте Кавказа 1839 г.⁸

В то время высшая власть во всем Кавказском крае сосредотачивалась в руках командира Отдельного Кавказского корпуса, но-

сившего также и звание Главноуправляющего гражданской частью в Грузии, Кавказской и Армянской областях. Местопребыванием его был г. Тифлис. Корпусному командиру были подчинены: 1) командующий войсками Кавказской укрепленной линии и Черномории, он же начальник Кавказской области (местопребывание – Ставрополь); 2) начальник Черноморской береговой линии (местопребывание – Керчь) и 3) командующий войсками в Северном Дагестане (местопребывание – Темир-Хан-Шура).

Административное устройство Закавказья, по оценке Милютин, находилось в «зачаточном состоянии»⁹. По мере присоединения новых областей в них устанавливалось временное управление в самых разнообразных формах.

Еще более шатким было положение русской власти на северной стороне Кавказского хребта. «На всем протяжении Северного Кавказа, за исключением лишь центральной части, только ближайшая к кордонной линии часть туземного населения, – писал Милютин, – могла признаваться покорной и подчинялась русскому военному начальству. Остальное население, не только горное, но и на лесистых равнинах, было враждебно нам»¹⁰. Кавказская линия и лежащее впереди нее пространство с населением, политические настроения которого были весьма неустойчивые, делились на несколько отделов. На начальника отдела, в чине генерала, возлагалась охрана линии, принятие мер к удержанию в повиновении местного населения и организация военных действий против «враждебных племен».

В таких условиях главной целью российского командования было обеспечение спокойствия на линии и безопасности сообщений с Закавказьем. Военные меры носили характер оборонительный, и если предпринимались наступательные действия, то они имели значение устрашения местного населения. Милютин так оценивал эти действия и их результаты: «Отряды наши, под предлогом наказания тех или других аулов за враждебные их действия, вторгались в доступные местности, преимущественно в зимнее время, разоряли страну, рубили просеки в лесах и уходили без всякого положительного результата, оставляя за собой раздраженное, озлобленное население»¹¹.

Участие в военных действиях, в первую очередь в экспедиции к аулу Ахульго в 1839 г., позволило Милютину увидеть все своими глазами и составить свое собственное представление о недостатках образа действий против горцев. По итогам своей командировки он подготовил проект об улучшении фортификационного строительства на Кавказе и записку о мерах, «необходимых для лучшего устройства действующих против горцев отрядов»¹².

Другим важным последствием первого пребывания Милютин на Кавказе стало его убежденность в том, что для выработки верной стратегической линии необходимо заняться изучением предшествующего исторического опыта. Впервые свои соображения на этот

счет он представил на рассмотрение командира Отдельного Кавказского корпуса генерала Е.А. Головина в октябре 1839 г. Это была программа «Истории русского владычества на Кавказе», черновой автограф которой в настоящее время хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ¹³.

«История этого края чрезвычайно запутана и почти вовсе еще не разработана: древность представлена нам в самом густом тумане баснословных преданий и неразгаданных тайн, – отмечено в программе. – Еще запутаннее картина судьбы Кавказа в средние времена, когда здесь, у пределов древнего мира, была сцена непрерывных движений, перемещений, борьбы и столкновений стольких народов и племен самых разнородных. Наконец новый шаг истории Кавказа под скипетром России – остается до сих пор совершенно неприкосновенным, неизвестным»¹⁴.

Как автор предполагаемого исследования он планировал ограничиться только «новой» историей Кавказа и показать судьбу этого края в контексте развития российско-кавказских отношений: «... История русского владычества на Кавказе соединяет в себе историю военную с историей политической, повествование о блистательных военных подвигах русского оружия, с картиной постепенных, хотя весьма медленных успехов в гражданском и правительственном устройстве края. С одной стороны, на каждом шагу мы встретим дивные примеры истинного героизма, твердости и неутомимости русского воинства, терпение, с которым войска наши переносили все трудности, лишения и бедствия, неразлучные с войной в неприступных горных ущельях. С другой же стороны, мы увидим, как трудно было благонамеренному русскому правительству бороться с теми преградами, которые оно встречало на каждом шагу, стремление к улучшению состояния края, к сближению его с Россией, к водворению мира и спокойствия»¹⁵.

Изложение событий в предполагаемом сочинении должно было начинаться с конца XVIII в. Более ранние материалы, начиная с истории Закавказья в древности и заканчивая Персидским походом Петра I, планировалось представить во введении.

Убежденный сторонник имперской политики расширения государственных границ, Милютин нисколько не сомневался в целесообразности территориальных приобретений России на Кавказе. Более того, планируемое историческое сочинение должно было подчеркнуть важность этих приобретений не только для страны, но и для самих кавказских народов: «Если с одной стороны Россия искала новых приобретений на Кавказе к собственной своей пользе, для обеспечения своих пределов, для усиления своего веса на Востоке, то с другой стороны, успехи нашего владычества на Кавказе имели и благотворное влияние на самый край: они представляют человечеству утешительную и беспримерную картину бескорыстного, великодушного стремления метрополии к благу и пользе нового своего

приемыша. Россия может гордиться не только славою своих побед над соседями, громкими подвигами своего оружия в ущельях гор, — но что еще славнее, может гордиться материнской своей заботливостью о благе такой страны, которую она в праве была считать своей добычей, кровью приобретенною. Россия не хотела быть в отношении к Кавказу тем, что были Испания, Португалия и сама Англия для своих колоний в Африке и в Америке»¹⁶.

Наконец, новое сочинение должно было сформировать адекватное представление о том, что на самом деле происходило и происходит на Кавказе: «Оно послужит к тому, чтобы лучше ознакомить русских с Кавказом, ибо чтобы иметь истинное понятие о настоящем положении дел, о нуждах и потребностях края, необходимо знать вполне минувшую судьбу его и предшествовавшие обстоятельства. Не говорю уже о том, что примеры прошлого могут и должны служить уроками для настоящего и будущего»¹⁷.

Еще более последовательно идея изучения исторического прошлого Кавказа с целью его «умиротворения», нашла отражение в составленной Милютиным записке, рукопись которой в настоящее время хранится в фондах РГВИА¹⁸. На существование этого документа обратил внимание еще известный военный историк Л.Г. Бескровный, но подробного анализа этого источника в его трудах не дается¹⁹.

Точная дата составления на самой записке не указывается. По ее содержанию можно предположить, что произошло это в начале 40-х гг. XIX в., когда обстановка на Кавказе изменилась не в пользу российских властей. Вместо ожидаемого падения Шамиля, власть его в горах еще более укрепилась: на его сторону перешли не только жители Чечни, но и тех частей Дагестана, которые давно считались покорными. Несмотря на крупные подкрепления, полученные русской армией на Кавказе, военные действия не поправили дел. Шамиль, не довольствуясь только переходом на его сторону части горцев, стал осуществлять дерзкие набеги до Моздока, Кизляра и Военно-Грузинской дороги. Для того чтобы лично разобраться в сложившейся ситуации, летом 1842 г. на Кавказ отправился сам военный министр А.И. Чернышев. Результатом его поездки стала смена высшего военного командования в крае. В таких условиях Военному министерству ничего не оставалось, как вновь пересмотреть свои подходы к образу действий на Кавказе.

Записка Милютина включала в себя две части: в первой давался «исторический обзор войны России на Кавказе, с самого ее начала до наших времен», во второй излагались «меры для успешного покорения Кавказа и для прочного водворения спокойствия». «Мысли мои по этому предмету я основываю на сущности событий, совершившихся на Кавказе в течение почти трехсотлетней борьбы нашей с кавказскими племенами, — подчеркивал Милютин, — и полагаю, что вековая эта опытность должна нам служить руководством для

определения мер и средств, к покорению Кавказа необходимых»²⁰.

Не имея достаточных материалов, чтобы «представить полное историческое обозрение успехов наших против горцев, с той подробностью как бы это требовала важность предмета»²¹, Милютин ограничился обзорным описанием основных исторических событий, опираясь на свою память и те выписки, которые сделал в архивах. Сами события излагались Милютиным в строгой хронологической последовательности в рамках выделенных им четырех «эпох»: Эпоха I. С царствования царя Иоанна Васильевича IV до императора Петра Великого, с 1559 г. до 1711 г.; Эпоха II. От времен императора Петра Великого до Екатерины II, с 1711 г. до 1763 г.; Эпоха III. От времен императрицы Екатерины II до царствования Павла Петровича, с 1763 г. до 1800 г.; Эпоха IV. От царствования императора Павла Петровича до наших времен, с 1800 г. до 1841 г. В сферу внимания Милютина попала история основания первых российских укреплений на р. Терек, посольства кабардинских князей в Москву, военные экспедиции в Дагестан и их результаты, устройство Кавказской линии от Каспийского до Черного морей и строительство Военно-Грузинской дороги, положение на Кавказе в условиях русско-персидских и русско-турецких войн первой трети XIX в. В целом, воссозданная Милютиным историческая картина позволяла проследить последовательное распространение русского влияния на Кавказе, начиная с XVI в. и заканчивая временем правления Николая I.

«Вникая в события на Кавказе, совершавшиеся во время долговременной борьбы и в разные меры для покорения одного употреблявшиеся, равномерно в успехи или неудачи от них происходивших», Милютин пришел к выводам:

«1) что Кавказ очень основательно уподобляли весьма сильной крепости, чрезвычайно твердой по местоположению, искусно огражденной укреплениями и обороняемой многочисленным гарнизоном; что одна только безрассудность может предпринять эскалду против такой крепости, что благоразумный полководец увидит необходимость прибегнуть к искусственным средствам: заложит параллели, станет подвигаться сапою, призовет на помощь мины и овладеет крепостью»,

«2) что ход сей атаки не был предварительно начертан для поступательного руководства, и что сущность вещей вынудила приступить к сему образу действий, от чего хотя происходили частые отклонения от истинного пути, замедлявшие общий успех, но именно действия эти образовали правильную атаку...»²².

Исходя из этого, Милютин сделал заключение о необходимости составления подробной военной истории Кавказа: «...Полная и подробная история владычества нашего на Кавказе и за Кавказом была бы для нас весьма поучительна и желательно не для одного любознания, но для пользы и выгод правительства, чтобы история

эта была составлена. Начальники, как главные, так и частные, могли бы во многом руководствоваться многолетней опытностью своих предшественников»²³.

Предложение Милютина было поддержано на самом высоком уровне. В 1849 г. он получил распоряжение приступить к подготовке «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии»²⁴. Для сбора необходимого материала в помощники ему был назначен капитан Д.Х. Бушен²⁵.

Что касается второй части записки, в которой Милютин изложил свои практические рекомендации об образе действий на Кавказе, в том числе по вопросам применения силы оружия, переселенческой политики, образования внутреннего управления, то они также не остались незамеченными. Новый командующий Кавказской линией и Черноморией генерал В.О. Гурко, назначенный на эту должность в 1842 г., перед отъездом на Кавказ ознакомился с предложениями Милютина, высоко оценил их содержание и выразил желание слушать с их автором²⁶.

В 1843 – 1844 гг. Милютин занимал должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории. Это позволило ему продолжить изучение края на месте. Он просматривал документы архива штаба войск Кавказской линии и Черномории²⁷, анализировал переписку своих предшественников, знакомился со статистическими и этнографическими материалами о местном населении²⁸.

Основные итоги своего изучения региона Милютин изложил в курсе военной статистики Кавказа, который преподавал в Военной академии Генерального штаба с 1845 г. Лекции по этому курсу опубликованы не были, с ними мог ознакомиться лишь узкий круг военных специалистов. В наши дни их литографированная рукопись хранится в фондах РГБ²⁹.

Разработанный Милютиным курс включал в себя общий обзор Кавказа в географическом, топографическом, этнографическом отношении и характеристику отдельных его частей, в том числе Кавказской линии, Дагестана, Черноморской береговой линии и Закавказского края. Как подчеркивал сам Милютин, «изучая край специально с точки зрения военной», в первую очередь он обращал внимание на то влияние, которое разнообразие местности на Кавказе оказывало на «положение частей Кавказского края в отношении к спокойствию, устройству гражданскому и степени покорности к России»³⁰. При этом само изложение органично включало краткие исторические экскурсы о распространении российского влияния в регионе, объясняющие, «каким образом Россия была постепенно вовлечена в упорную борьбу с кавказскими народами», и показывающие, «что борьбы этой избежать было невозможно, как для самого спокойствия на линии, так и для обеспечения сухопутных сообщений с Закавказским краем»³¹.

Значительная часть работы Милютина посвящалась анализу раз-

личных способов сближения с горцами, предлагаемых в то время в проектах по «умиротворению» Кавказа. Не отрицая значения развития мирных и торговых отношений, он, тем не менее, не придавал им ведущего значения, рассматривая их лишь как «мечтательную утопию». По мнению Милютина, их слабая эффективность определялась тем, что предметами торговли не могли быть те статьи, которые в глазах горцев имели наибольшую важность: «Россия не может им сбывать ни оружия, ни пороха, и не может принимать от них в обмен – невольников и невольниц. Поэтому сношения, которые и заведены доселе с туземцами на меновых дворах и в укреплениях, вообще весьма ничтожны, как и самые потребности горцев и производительность их»³². Милютин рассматривал развитие торговли с горцами как одно из ведущих направлений российской политики уже после успокоения края.

Еще один рассматриваемый Милютиным способ сближения с горцами – это создание в кавказской среде русских поселений, по аналогии с казачьими станицами на кордонных линиях. Как и торговый обмен, он считал их «средством к окончательному занятию края уже покоренного, но отнюдь не средством к покорению страны враждебной»³³. Свою позицию он аргументировал так: «... Казачье поселение распространялось постепенно; оно и существовать может само собой тогда только, когда занимает сплошную полосу земли, прикрытых от враждебных племен кордоном, а еще лучше – какой-либо естественной оборонительной линией. Напротив того, пока кордон не устроен, пока казаки занимают только отдельные пункты, окруженные народонаселением враждебным, они не могут завести хозяйства, и даже защита станиц требует помощи регулярных войск. Вот почему русское поселение среди народонаселения туземного вовсе не могло бы иметь того же значения и тех же последствий, как водворение казачьего населения на линии: оно не только не имело бы влияния на туземцев, но само было бы в затруднительном положении и благосостояние поселенцев вполне зависело бы от расположения окружающего населения»³⁴.

Третий рассматриваемый Милютиным способ – это развитие путей сообщений: строительство дорог и рубка просек в лесах. Не отрицая его пользы, он оценивал это средство исключительно как вспомогательное: «... Проложение дорог в стране горной или лесистой – весьма медленно и требует очень много рук; для поддержания дорог от разрушительного действия природы и покушения самих жителей нужно постоянное присутствие войск»³⁵.

Так, Милютин постепенно подводил к мысли о том, что «водворение в крае спокойствия и порядка есть цель, которой невозможно достигнуть путем мирным, не прибегая вовсе к силе оружия. Особенно ныне, когда борьба уже так разгорелась, отказаться от употребления оружия – было бы даже совершенно невозможно»³⁶. При этом Милютин подчеркивал, что сила оружия должна употре-

бляться «надлежащим образом», то есть «сообразно с особенными условиями местными и следуя определенному плану, начертанному впредь на будущее время. Покорить весь Кавказский край одним ударом – есть предположение несбыточное. Надобно искать средств не столько для покорения всех частей края, сколько для постоянного удержания в покорности частей уже занятых»³⁷.

Традиционно средством распространения российского влияния в регионе и гарантом спокойствия служили укрепления. С их помощью осуществлялось ближайшее наблюдение за соседними народами, поддерживались с ними мирные отношения и, при необходимости, отслеживались «неприятельские партии», нападавшие на линию. У стен этих укреплений основывали свои поселения те горцы, которые переходили под покровительство России. Наконец, передовые укрепления служили военными и продовольственными базами для предпринимаемых российским командованием военных экспедиций в горы.

Проанализировав предшествующий исторический опыт, Милютин доказывал, что существовавшая на Кавказе кордонная система имела целый ряд недостатков: «... Не всегда возведение укреплений на Кавказе было сообразно с истинным их назначением; число их умножалось непомерно в некоторых частях края: иные укрепления возводились при аулах, в виде цитаделей, для удержания их в покорности; другие – составляли целые линии для оцепления всего покоренного края от соседних, враждебных племен, или для охранения сообщений между линией и передовыми укреплениями и взаимно между ними последними; наконец – думали даже, что устройством подобных линий из малых укреплений вдоль подошвы гор, можно запереть все выходы из ущелий и отрезав плодородную плоскость от тесных и бесплодных гор, принудить самих горцев к покорности от недостатка средств пропитания»³⁸. Увеличение числа укреплений приводило к тому, что они становились небольшими, с гарнизоном в одну или две роты, а иногда и на один взвод. Такие укрепления в лучшем случае могли отбиваться от нападавшего на них противника, совершенно не оказывая влияния на окружающую их территорию.

Во избежание распыления сил Милютин настаивал на постройке крупных передовых укреплений, впереди кордонной линии, преимущественно перед выходами из главных ущелий. Они должны были стать опорными и складочными пунктами, а содержащиеся в них подвижные резервы могли использоваться, по мере необходимости, для проведения внезапных военных экспедиций. Последние должны были осуществляться по усмотрению местных военных начальников, обладающими кроме общих военных дарований «совершенным знанием края и обстоятельств»³⁹.

Разобрав все средства и системы действий на Кавказе, Милютин приходит к следующему общему заключению: «Ни одна система не может быть принята исключительно для всех частей края и

во всех случаях; но каждое средство может быть с пользой употреблено в своем месте, сообразно с местными условиями и обстоятельствами... С тех пор, как русские войска занимают Кавказский край, сделаны были, можно сказать, опыты всех почти способов и систем действий для достижения предположенной цели, поэтому уроки прошедшего во многом могут здесь служить полезным предостережением. Они вполне убеждают в том, что сущность дела заключается не столько в выборе системы, сколько в умении каждый способ применить в своем месте и своевременно. Каждый местный начальник должен вникнуть основательно и во всей подробности в свойства края, в дух племен, следить за всеми событиями среди них, даже за личными отношениями, иметь хороших лазутчиков и людей верных в самих горах, – и находиться всегда в таком положении, чтоб иметь под рукой средства не только расстроить всякое враждебное покушение горцев, но и в случае нужды перейти в наступление, чтобы тем держать окрестные племена всегда в положении оборонительном; выждав для того благоприятный момент, исполнить это решительно, внезапно и с верным расчетом. Вот сущность всей войны Кавказской: основания ее, как видим, весьма простые, но в самом исполнении она требует искусства особого рода – доступно, конечно, не всякому»⁴⁰.

* * *

Таким образом, Милютин настаивал на гибкой политике, основанной на знании прошлого и местной специфики отдельных частей Кавказа. Под влиянием его идей в военной среде утвердилось понимание того, что без учета предыдущего исторического опыта и настроений местного населения разрешение кавказского вопроса невозможно. Многие из выпускников Военной академии, изучивших милютинский курс военной статистики Кавказа, затем отправлялись в регион и становились теми самыми «местными начальниками», от которых в конечном итоге зависел исход Кавказской войны. Среди них – Л.П. Николаи, П.Д. Зотов, братья Комаровы и многие другие офицеры⁴¹.

Собранные и проанализированные Милютиным материалы позволили не только создать адекватное представление о Кавказе, но и способствовали формированию верной стратегической линии, позволившей разрешить военный конфликт с горцами. Главная идея Милютина – не покорение, а удержание в повиновении разумной политикой, основанной на глубоком и всестороннем знании специфики региона и опыта предшественников, стала применяться в полной мере в период наместничества на Кавказе М.С. Воронцова.

Примечания

- ¹ *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. С. XIII.
- ² *Зиссерман А.Л.* 25 лет на Кавказе. Ч. 1. СПб., 1879. С. 329.
- ³ *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 53–54.
- ⁴ *Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война. М., 2004. С. 197.
- ⁵ *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. 2. СПб., 1894. С. 202.
- ⁶ *Гордин Я.А.* Реформатор и Кавказ // Кавказская Атлантида: 300 лет войны. М., 2014. С. 371–382; *Захарова Л.Г.* Кавказ в «Воспоминаниях» генерал-фельдмаршала Д.А. Милютин // Северный Кавказ в истории России: XIX в. М., 2004. С. 106–117.
- ⁷ *Зайончковский П.А.* Д.А. Милютин: Биографический очерк // *Милютин Д.А.* Дневник Д.А. Милютин, 1873 – 1875. Т. 1. М., 1947. С. 5–72; *Захарова Л.Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // *Милютин Д.А.* Воспоминания, 1816 – 1843. М., 1997. С. 5–31; *Осипова М.Н.* Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005; *Петелин В.В.* Жизнь графа Дмитрия Милютин: Историческое повествование. М., 2011.
- ⁸ *Милютин Д.А.* Приложения к воспоминаниям о Кавказе за 1839 – 1840 гг.: Пояснение приложенной карты А // *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютин. Т. 1. Томск, 1919. С. 272–286.
- ⁹ Там же. С. 272.
- ¹⁰ Там же. С. 279.
- ¹¹ Там же. С. 278.
- ¹² *Габелко Д.Е., Перепелицын А.В.* Первые кавказские военно-теоретические записки Д.А. Милютин (ноябрь 1839 – январь 1840 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 132–137.
- ¹³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169. Карт. 81. Ед. хр. 1. Милютин Д.А. Программа его труда «История русского владычества на Кавказе». 6 л.
- ¹⁴ Там же. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 1об., 2.
- ¹⁶ Там же. Л. 1об.
- ¹⁷ Там же. Л. 5, 5об.
- ¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 96. Милютин Д.А. «Исторический обзор войны России на Кавказе с 1559 по 1841 г.» 40-е гг. XIX в. 80 л.
- ¹⁹ *Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 140.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 96. Л. 2, 2об.
- ²¹ Там же. Л. 2об.

²² Там же. Л. 48об.–49об.

²³ Там же. Л. 79.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 169. Кар. 51. Ед. хр. 23. Л. 3.

²⁵ *Колосовская Т.А.* К вопросу об археографии военной истории Кавказа: По материалам деятельности Д.Х. Бушена // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 19–30.

²⁶ *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютин. Т. 1. Томск, 1919. С. 427.

²⁷ *Колосовская Т.А.* Из истории сохранения и использования документов военных архивов Северного Кавказа последней четверти XIX – начала XX в. // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 3–11.

²⁸ *Милютин Д.А.* Воспоминания, 1843 – 1856. М., 2000. С. 86.

²⁹ *Милютин Д.А.* Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: Из лекций полковника Милютин в Императорской Военной академии. СПб, 1848.

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ Там же. С. 95.

³² Там же. С. 96, 97.

³³ Там же. С. 98.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 98, 99.

³⁶ Там же. С. 99.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 101.

³⁹ Там же. С. 113.

⁴⁰ Там же. С. 116.

⁴¹ Офицеры, окончившие курс Императорской военной академии и Николаевской академии Генерального штаба: с 1834 по 1882 г. // *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 32–205.

Автор, аннотация, ключевые слова

Колосовская Татьяна Александровна – канд. ист. наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)
kolosowskay@yandex.ru

В статье рассматривается вклад Д.А. Милютин в изучении Кавказа в 40-е гг. XIX в. Источниками послужили работы самого Милютин, которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. С позиций интеллектуальной истории анализируется влияние его идей на формирование российской политики на Северном Кавказе в условиях военного противостояния с горцами. Делается вывод, что Милютин настаивал на гибкой политике, основанной на глубоком и всестороннем знании истории и специфических условий отдельных частей Кавказа. Под влиянием его

идей в военной среде утвердилось понимание того, что без учета предыдущего исторического опыта и настроений местного населения разрешение кавказского вопроса невозможно. Собранные и проанализированные Мюлтиным материалы позволили не только создать адекватное представление о Кавказе, но и способствовали формированию верной стратегической линии, позволившей умиротворить горские народы Северного Кавказа.

Северный Кавказ, Кавказская война (1817 – 1864 гг.), Военное министерство, Кавказская укрепленная линия, Кавказское линейное казачье войско, горские народы, военная топография, военно-статистическое описание, военная история, Д.А. Милютин

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Gabelko D.E., Perepelitsyn A.V. Pervye kavkazskie voenno-teoreticheskie zapiski D.A. Milyutina (noyabr 1839 – yanvar 1840 gg.). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2011, no. 19 (114), vol. 20, pp. 132–137.

2. Kolosovskaya T.A. K voprosu ob arkhografii voennoy istorii Kavkaza: Po materialam deyatelnosti D.Kh. Bushena. *Vestnik arkhivista*, 2015, no. 4, pp. 19–30.

3. Kolosovskaya T.A. Iz istorii sokhraneniya i ispolzovaniya dokumentov voennykh arkhivov Severnogo Kavkaza posledney chetverti XIX – nachala XX v. *Otechestvennye arkhivy*, 2015, no. 4, pp. 3–11.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Gordin Ya.A. Reformator i Kavkaz. *Kavkazskaya Atlantida: 300 let voyny* [Caucasian Atlantis. 300 Years of War]. Moscow, 2014, pp. 371–382.

5. Zakharova L.G. Dmitriy Alekseevich Milyutin, ego vremya i ego memuary *Milyutin D.A. Vospominaniya, 1816 – 1843* [Milyutin D.A. Memories, 1816 – 1843]. Moscow, 1997, pp. 5–31.

6. Zakharova L.G. Kavkaz v “Vospominaniyakh” general-feldmarshala D.A. Milyutina. *Severnyy Kavkaz v istorii Rossii: XIX v.* [The North Caucasus in Russian History: 19th century]. Moscow, 2004, pp. 106–117.

7. Zayonchkovskiy P.A. D.A. Milyutin: Biograficheskiy ocherk. *Dnevnik D.A. Milyutina, 1873 – 1875* [D.A. Milyutin's Diary, 1873 – 1875]. Moscow, 1947, vol. 1, pp. 5–72.

(Monographs)

8. Beskrovnyy L.G. Ocherki voennoy istoriografii Rossii [Essays on the Military Historiography of Russia]. Moscow, 1962, p. 140.

9. Osipova M.N. Velikiy russkiy reformator feldmarshal D.A. Milyutin [The

Great Russian Reformer Field Marshal D.A. Milyutin]. Moscow, 2005, 320 p.

10. Petelin V.V. Zhizn grafa Dmitriya Milyutina: Istoricheskoe povestvovanie [The Life of Count Dmitry Milyutin: Historical Narrative]. Moscow, 2011, 639 p.

Author, Abstract, Key words

Tatyana A. Kolosovskaya – Candidate of History, Senior Lecturer, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
kolosovskay@yandex.ru

The article investigates D.A. Milyutin's contribution to research on Caucasus in the 1840s based on his own works which are kept in the Russian State Military History Archive and Manuscript Department of the Russian State Library. From intellectual history perspective, the author analyses the impact of Milyutin's ideas on Russia's policy in North Caucasus during the confrontation with highlanders. It is concluded that Milyutin insisted on a flexible policy based on profound and comprehensive knowledge of the history and specific conditions of particular areas of North Caucasus. His concept brought the understanding among the military that settling the Caucasian issue is impossible without due regard for previous historical experience and the local population's sentiments. Milyutin's research led to the true picture of Caucasus and, moreover, facilitated the formation of the right strategy which resulted in the pacification of peoples in North Caucasus.

North Caucasus, Caucasian War of 1817 – 1864, Military Ministry, Caucasus Defence Line, Caucasus Line Cossacks, highland peoples, military topography, military statistical description, military history, D.A. Milyutin

А.В. Белова, Н.А. Мицюк

**СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ РУССКОЙ ДВОРЯНКИ
В СЕМЬЕ, УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ И ОБЩЕСТВЕ
(от «великих реформ» до «великих потрясений»)***

A. Belova, N. Mitsyuk

**Russian Noblewomen's Sex Education
in the Family, Educational Institutions and Society
(from "Great Reforms" to "Great Upheavals")**

Вопросы половой культуры, полового просвещения и воспитания – ключевые для понимания повседневной жизни разных слоев российского общества, прежде всего женской повседневности¹. Их изучение позволяет уточнить, как соотносятся представления о взаимоотношении полов, общественные ожидания и предписания половой морали с индивидуальными эмоциональными опытами конкретных людей в базовой области репродуктивного поведения. Обретение половой идентичности в процессе гендерной социализации – существенный итог как личностного взросления, так и конструируемых обществом гендерных различий. Разумеется, эти фундаментальные проявления частной сферы, стандартных этапов жизненного цикла людей не могут не зависеть от ключевых трансформаций общественной жизни и видимых преобразований исторической реальности.

Цель настоящей статьи – выявить изменения в сфере полового просвещения и представлений об интимной жизни дворянок в связи с капиталистической модернизацией российского общества в пореформенное время.

Половое просвещение и представления об интимной жизни девочек из дворянских семей – сложный предмет исследования, что обусловлено ограниченностью круга исторических источников и противоречивостью отраженных в них сведений. Статья основана на анализе как опубликованных текстов (мемуаров, дневников), так и женских писем, девичьих дневниковых записей, хранящихся в многочисленных отечественных архивах.

* * *

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы» (№ 14-31-01217) и «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI – XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ» (№ 16-01-00136).

От исторического периода, предшествовавшего буржуазной модернизации, практически не сохранилось девичьих дневников с подробными описаниями интимных переживаний. Это может быть связано как с объективными факторами их плохой сохранности (личным записям девушек родственники не придавали значения и уничтожали их за ненужностью, или они гибли вследствие социальных катаклизмов), так и с субъективным обстоятельством внутреннего стеснения девочек, которым не приходило в голову доверять бумаге сокровенные или пугавшие даже их самих переживания. В первой четверти XIX в. личный дневник юные дворянки вели по-французски, местами переходя на русский, и называли «mon journal». Зачастую дневниковые записи давали читать близким родственницам или подругам и даже оформляли в виде обращения к ним. Отсюда – призыв «Ne te moque pas de mon journal!» («Не смеяйся над моим журналом!»)².

В дневнике княгини М.Ю. Оболенской, в замужестве графини Толстой, за 1823 г. можно обнаружить и скрываемую ею девичью влюбленность, и явное нежелание выходить замуж: «<...> Я совсем замуж не хочу – он сказал – какие пустяки, ты вить не по сердцу говоришь! а сама вить влюблена, вить я все знаю – Moi j'ai commencé à lui voir, quelle folie! [Я начинаю смотреть на него, как на сумасшедшего!] <...> верно он про Мансурова знает, кто бы ему мог сказать!»³. В свете подобных откровений не стоит исключать и возможность сознательного избавления от «компрометирующих» излишеств в преддверии замужества.

Своеобразной альтернативой дневнику могло служить ведение альбома. Альбомные стихи, вошедшие в моду в XVIII в. и ставшие неизменными спутниками девичества⁴, были дополнены в XIX в. тетрадами со своими⁵ или чужими понравившимися⁶ стихами. Мемуаристка Е.Н. Водовозова, урожденная Цевловская (1844 – 1923), вспоминала о «поэтическом творчестве институток» как о «писании стихов в альбомы подругам», в то же время упоминая и об «институтских дневниках»⁷. Несмотря на то, что зачастую девушка «находила одну отраду искренно высказаться на страницах своего дневника»⁸, записи эти, как и стихи, были вполне невинными.

Напротив, существенные изменения в эмоциональных переживаниях отражались в девичьих эго-документах, получивших широкое распространение во второй половине XIX в. Если накануне «взросления» девочки рассуждали о детских проблемах (игрушках, дружбе, родителях, праздниках), их занимали внешние проявления жизни, то с наступлением возраста полового созревания страницы дневников наполнялись рефлексивными размышлениями⁹. Появлялись «томления», «сомнения», желания романтических чувств, трепетные размышления об объекте влюбленности.

Юная Маргарита Сабашникова (1882 – 1973), впервые взявшись за перо, писала: «Затем я купила себе толстую черную тетрадь для

дневника и принялась писать – чтобы ни одно переживание моей внезапно ставшей для меня столь интересной персоны не было потеряно для мира»¹⁰. Девочки-подростки зачастую не могли осознать природу этих переживаний. 13-летняя Мария Башкирцева (1860 – 1884) писала в своем дневнике за 29 ноября 1873 г.: «...Мне ничего не выразить из моих чувств и страданий. Если бы я могла описать, что творится у меня в душе – но я не знаю, что там творится, знаю только, что мне очень больно, что меня временами что-то терзает и жжет. И все, что я говорю, – это все не то, и я не могу высказать, со-той доли того, что чувствую»¹¹. 13-летняя Оля Сваричовская (1892 – 1986) замечала: «Откуда-то со всех концов моего тела поднимались новые чувства, рождались новые страсти, собирались в груди, толпились, готовые вырваться наружу»¹².

Ситуация осложнялась тем, что девочки не имели возможности поделиться новыми захлестнувшими их ощущениями ни с родителями, ни с подругами, так как подобные темы, как и в первой половине XIX в., запрещались общественной моралью. Дневник зачастую оставался единственным собеседником, которому девочки изливали противоречивые мысли: «...Когда я вижу герцога, сама не знаю, ненавижу я его или люблю...»¹³.

Зачастую бессознательные эротические желания не предполагали объекта влюбленности. Девушки мечтали об абстрактной любви к несуществующему персонажу. 15-летняя Оля Слезкина размышляла: «Я чувствую, что душа моя полна любви, я должна влюбиться... Как ни стыдно мне в этом сознаться, но я должна сказать, что мне пришлось время влюбиться»¹⁴. Ее сверстница рассуждала: «...Все мои жажды ласки не были просто потребность ребяческой ласки, а были жажда страсти, это наступала моя пора...»¹⁵. В этих откровениях и языковом выражении, наряду с прорывающейся сексуальностью, нельзя однако не усматривать некоторого влияния русской классической литературы, хорошо известной дворянским девушкам («Пора пришла, она влюбилась. <...> Давно ее воображенье, Сгорая негой и тоской, Алкало пищи роковой; Давно сердечное томленье Теснило ей младую грудь; Душа ждала... кого-нибудь...»).

Гендерная идентификация девушки-дворянки через усвоение литературных образов, мыслей, чувств, переживаний провоцировала в них эмоции, которые они начинали считать своими.

Половое созревание обостряло внимание к телу. Оно становилось важным объектом девичьих размышлений, несмотря на то, что «семья, культура и общество всячески препятствовали превращению их “детских” тел в “сексуальные”»¹⁶. Во второй половине XIX в. девочки впервые стали интересоваться собственными формами, которые они сравнивали с эталонными понятиями о красоте: «Я не уродина, я даже хорошенькая, да, пожалуй, хорошенькая. У меня прекрасная фигура, прямо как у статуи...»¹⁷. Тело становилось одновременно объектом изучения и предметом стыда. Как и в

предшествовавший период, у девушек сохранялось представление о телесном и сексуальном как о «постыдном»¹⁸. Созерцание античной «статуи Аполлона» могло «привести в смущение молодую девушку, к счастью, слишком неопытную, чтобы восхищаться совершенством искусства за счет стыдливости»¹⁹.

Стыдной, запретной темой считалась и менструация, поэтому в источниках личного происхождения, как и в предыдущий период, не удалось обнаружить ни одного указания на ее начало и переживания по этому поводу.

В гендерной социализации девочек присутствовали явные противоречия. С одной стороны, родители ограничивали их общение с противоположным полом, а, с другой, – подогревали их кокетство, чувствительность, в том числе посредством светских мероприятий. В частности, важным мероприятием для половой социализации девочек-подростков были так называемые детские балы и первые «взрослые» балы, на которые они попадали в 16 лет²⁰. Так, 13-летняя девочка, собираясь на первый (детский) бал в своей жизни, писала: «Завязываю волосы и надеваю гребешки не без..., скажу всю правду, не без некоторого кокетства. Но разве это преступление, что девочка хочет быть мило причесанной и одетой на своем первом балу? Нет, все женщины кокетливы, и девочки тоже, когда им тринадцать лет»²¹.

Подобные мероприятия преследовали конкретную цель – предвзительно приискать «партию» для дочери. Детские балы приоткрывали юным аристократкам завесу светской жизни, становясь площадкой для демонстрации навыков изысканных манер, кокетства и основ флирта²². Мария Башкирцева в 13 лет писала о себе: «... Кокетничать умею неплохо – знаю, как вести себя с мужчинами»²³.

Девочек учили этому, наряжали в изысканные соблазнительные наряды, готовили к роли «хороших жен», при этом их сексуальность всячески сдерживалась. То же противоречие было характерно и для XVIII – первой половины XIX в.: хотя дворянским девушкам внушались идеи замужества и деторождения как женского предназначения, в них воспитывали взгляд на себя как на объект мужского внимания, в том числе и сексуального, «в них сознательно сдерживалось обретение и развитие собственной сексуальности»²⁴. Юные создания мечтали о романтической любви («тургеневской»), не имея представлений о сущности половых отношений. «Мама со своим взглядом о любви и семейном назначении женщины развила в нас психологию барышни-невесты. Неясные мечты о любви, интерес к молодым людям – вот что наполнило мою душу»²⁵, – с досадой вспоминала В.П. Багриновская (1864 – 1953). Она признавалась, что грезилась о замужестве, будучи ни физически, ни психически к нему не готовой: «Я была сильная, румяная, абсолютно здоровая девушка с горячим сердцем и романтически настроенным воображением. Но для замужества я была не готова. Смутные грезы, мечты, неясные

настроения наполняли мою голову»²⁶.

За сто лет, прошедшие с тех пор как 13-летняя А.Е. Лабзина, урожденная Яковлева (1758 – 1828), воспитанная в строгих правилах и не подозревавшая о существовании половых отношений («Я тогда не знала другой любви...»²⁷), была выдана замуж, мало что изменилось в уровне сексуальной просвещенности российских дворянок. Тогда роль сексуальных наставников в юношеских опытах с девушками-дворянками неизменно отводили себе мужчины. Д.И. Фонвизин не без иронии вспоминал, как сам, еще только осваивая «науку любви», не забывал взять на себя и привычную для интеллектуалов XVIII в. функцию «просветителя» в отношении «объекта» своего телесного экспериментирования: «...Я начал к ней ездить, казал ей книги мои, изъяснял эстампы, и она в теории получила равное со мною просвещение. Желал бы я преподавать ей и физические эксперименты, но не было удобства: ибо двери в доме матушки ее, будучи сделаны национальными художниками, ни одна не только не затворялась, но и не притворялась»²⁸.

Некоторые мужья не считали зазорным «просвещать» своих юных неискушенных жен, предаваясь у них на глазах любовным утехам с другой женщиной, в том числе служанкой. О.Е. Глаголева называет забавы А.М. Карамышева, первого мужа А.Е. Лабзиной, со служанкой, при которых он заставлял присутствовать жену, щадя ее молодость и не вступая с ней самой в интимные отношения, «наглядным уроком», причем «вполне укладывавшимся в нормативные рамки морали той эпохи»²⁹.

Большой разрыв в характере сексуальной социализации мужчин и женщин сохранялся и во второй половине XIX в. Нередко потенциальные женихи все так же «по книжкам» просвещали своих невест. Подобный сюжет был обнаружен в личной переписке и на страницах дневников Екатерины Кравченко (1860 – 1933) и Анатолия Половцова (1849 – 1905). За несколько месяцев до свадьбы жених решил вручить Екатерине книгу о физиологии брака. Он долго сомневался, стоит ли это делать, о чем писал в дневнике: «Мои колебания, дать ли книгу Катюше... Решил дать, полагая, что ей это может принести пользу, и она многого не знает»³⁰. Прочитанная книга А. Дебэ «Физиология брака. Естественная и медицинская истории мужчины и женщины с самыми интересными подробностями» произвела огромное впечатление на девушку. Она, ничего не понимая в сути плотских отношений, пришла в ужас от содержания книги. Несколько дней девушка была задумчива, отказывалась от общения с женихом. Она признавалась, что любит его, но не может себе позволить подобной «грязи» в их отношениях. Состояние невесты Половцов характеризовал как период тяжелейших мучений и терзаний. Екатерина с нетерпением ждала свадьбы, но, узнав, что ее ожидает в первую после бракосочетания ночь, пришла в растерянность. Этот случай – одно из многочисленных свидетельств сексуальной инфан-

тности дворянских девушек накануне брака, демонстрирующих, как сложно им приходилось смиряться с мыслью о новом телесном опыте.

Двойственность ситуации приводила к возникновению разного рода проблем и отклонений в психоэмоциональном и половом развитии девочек-подростков. Часто они были связаны с выбором объекта первой влюбленности. Учитывая ограниченность общения девочек со сверстниками противоположного пола, в их поведении нередко прослеживались неразборчивые влечения к мужчинам, принадлежавшим к иным возрастным (гораздо старше) и социально-статусным группам. Юная В.П. Багриновская рассуждала: «Я думаю, что маленький страшилка был мне физически противен, но я соглашалась, что я его люблю»³¹.

Распространенным явлением на протяжении всего XIX в. было увлечение учениц своими приглашенными учителями и докторами, так как на протяжении периода полового созревания они были единственными взрослыми мужчинами, окружавшими девочек³². Девочки-подростки на себе ощущали всю неоднозначность положения. Реализовать свои страстные желания они не имели возможности, поэтому их состояние все больше напоминало истерию: они не спали ночью, постоянно нервничали, теряли аппетит, раздражались и плакали по любому поводу, могли упасть в обморок.

В то время как юноши активно развивали свое половое чувство (обществом это никак не возбранялось), девочки должны были подавлять в себе бессознательно возникающие эротические желания. Без ума влюбленные девочки отказывались от своих чувств, если вообще осознавали характер потенциальных отношений. В итоге выстраивалась цепочка: страсть – ее подавление – «истерика» (случай для врача-душевных болезней). В состоянии подавленного, нереализованного сексуального чувства девушки могли находиться вплоть до замужества, а иногда и после него.

Подавленная сексуальность³³ проявлялась в частых нервных расстройствах и истериях. Противоречивость своего положения, невозможность, ввиду неприличия, признаться в первых чувствах, описывала в дневнике юная Оля Сваричовская: «Мы остановились у двери моей комнаты, и он спросил опять: “Значит, невозможно быть откровенной?”. Мне показалось, что мое сердце рвется от его слов, слезы навернулись на глаза, я сделала страшное усилие, чтобы не упасть в истерику, даже сказать, что я его люблю, я не могла»³⁴.

Девочки грезили о плотской любви, не позволяя в реальной жизни выйти за пределы дозволенного. Оля Лопухина (1891 – ?) описывала свои частые эротические сновидения: «...Все это кончается тем, что учитель влюбляется в меня, я чувствую, как он подходит ко мне все ближе и ближе, и я уже слышу его дыхание, и вдруг он обнимает меня и целует. Тут я испытываю всю прелесть его любви, вполне отдаюсь ему... и просыпаюсь. Чудный сон, хотя и греш-

ный»³⁵. Т.Л. Сухотина-Толстая (1864 – 1950), вспоминая девические годы, признавалась, что интерес к сексуальной сфере отношений, отсутствие ответов на интересующие вопросы, мысли о самоубийстве переплетались в единый клубок³⁶.

Сексуальная культура юных аристократок на протяжении всего XIX в. была на чрезвычайно низком уровне. Для подавляющего большинства девушек интимные отношения связывались исключительно с трепетными ухаживаниями, невинными поцелуями и романтическими свиданиями. Они грезили о «принце», мечтали быть рядом с возлюбленным, держаться за руки и вести с ним душевные беседы. Пределом допустимого считался страстный поцелуй или объяснение в любви. Девушки подробнейшим образом описывали свой первый поцелуй и испытанные при этом эмоции, в то время как рассказы о переживаниях первого полового акта напрочь отсутствуют в женской мемуаристике.

В конце XVIII – первой половине XIX в. сексуальные отношения, называемые юношами «обыкновенными натуральными действиями»³⁷, «наслаждением натуральным», девушки, сохранявшие иногда и после замужества «детскую невинность и во всем большое незнание», именовали «скотской любовью», «скотством»³⁸. В девичьем восприятии во второй половине XIX – начале XX в. половые отношения, если о них вообще имелось представление, назывались не иначе, как «всякая грязь», «мерзость», «позор», «животное наслаждение», «скверность», «неведомая сила», «двойная жизнь», «половая похоть», «надругательство над душой»³⁹. В самом факте физического сближения виделось что-то «животное», «гадостное», «свинское». Девушки с трепетом ожидали любовных отношений, ухаживаний, свиданий, но со страхом думали о первой брачной ночи. Подавляющее большинство дворянок, вступавших в брак, имели скудные знания о половых отношениях и деторождении⁴⁰.

В личном фонде смоленского помещика, публициста С.Ф. Шаропова (1855 – 1911) хранятся собранные им записи бесед со знакомыми мужчинами, которые в один голос рассказывали о фактическом насилии над собственными молодыми женами, не имевшими никакого представления об интимных отношениях между супругами, в первую брачную ночь. Он цитировал слова одного графа, который рассказывал о том, что его жена в «первую ночь» «в одной рубашке и босиком убежала к матери», при этом она кричала, что молодой муж с ней «что-то отвратительное делает»⁴¹.

Невесты могли очень сильно любить своих женихов, однако сама мысль о возможности полового контакта приводила их в отчаяние⁴². В то время как для девушек, впервые вступавших в брак, физические отношения были новы, мужчины зачастую уже имели богатый опыт интимных связей. Причина столь негативного восприятия сексуальных отношений девушками коренилась в противоречивом характере их домашнего воспитания: сокрытии от них достоверных сведений

о взаимоотношениях полов, отсутствии оценочно-нейтрального просвещенческого диалога на эту тему, внушении негативного восприятия всего, что связано с телом и сексом, при одновременной идеализации интимной сферы жизни, употреблении при ее описании ничего не объясняющих эвфемизмов.

Дневниковые записи девочек-подростков, а также воспоминания уже зрелых, замужних женщин в абсолютном большинстве демонстрируют драматичную картину их приобщения к сексуальной культуре. Почему физиологический процесс начала половых отношений переживался настолько тяжело и зачастую имел трагическую развязку? Важнейшая причина крылась в запрете на обсуждение в семье любых вопросов, связанных с половыми отношениями. Т.Л. Сухотина-Толстая в 18 лет записала в дневнике за 28 мая 1882 г. типичные родительские объяснения деторождения: «Потом вдруг начинаешь узнавать, что совсем бог ни в чем не причастен, что не ангел божий меня принес на землю, как меня учили, и что совсем не потому дети рождаются, что муж с женой в церковь съездили»⁴³. Мать-аристократка не принимала непосредственного участия в сокровенной жизни собственных детей, между ними не было эмоциональной близости. Девочки никогда не обсуждали с родительницами вопросы интимного характера, мир девичьих эмоций «не интересовал» их матерей, которые осознано отстранялись от подобных разговоров. Вообще, излишняя откровенность детей в общении с родителями не приветствовалась. Мать становилась «доступной» для подобных тем в общении с дочерью только после ее полового созревания и выхода замуж.

Зажатость рамками социальных норм, многочисленные эмоциональные запреты, непонимание тех физиологических явлений, которые с ними происходили в период полового созревания, смутные представления и страхи, связанные с будущей детородной функцией (подавляющее большинство юных дворянок полагало, что ребенок появляется от поцелуя, от длительного совместного нахождения с мужчиной или благодаря длительным молитвам⁴⁴), – все это делало девушек нервными, болезненными и чрезмерно чувствительными. «Женская истерика» в начале XX в. становилась массовым явлением. Патриархальная семья требовала от девушки традиционного поведения в вопросах половых отношений, в то время как в обществе началось «освобождение» в сфере половой морали, преодоление существовавших ранее запретов.

В условиях начавшейся капиталистической модернизации России взаимоотношения между матерями и их дочерьми в дворянских семьях стали существенно меняться. Мать становилась активной участницей воспитания собственных детей. В то же время вопросы сексуального просвещения продолжали оставаться вне ее забот: общественная мораль по-прежнему накладывала ограничения на сексуальное просвещение благовоспитанных девушек. Отсутствие

эмоциональной близости между матерью и дочерью, стихийность психосексуального развития ребенка и невмешательство родителей в процесс полового воспитания девочек – все это могло стать скрытой причиной конфликта между взрослеющей дочерью и матерью⁴⁵, проявлением которого в предшествовавший исторический период было своеобразное «сексуальное “соперничество” оказывавшихся одновременно в пределах детородного периода далеко не пожилой матери и ее взрослой дочери»⁴⁶. Нередко девочки, узнав «правду» о характере интимных отношений между полами, давали себе обещание не выходить замуж, оставаться девственницами и позже взять на воспитание сироту⁴⁷. Конкретные знания о половых отношениях считались свидетельством дурного воспитания девушки. Даже чтение любовных стихов считалось плохим тоном⁴⁸.

Первые попытки в начале XX в. ввести в курс женских гимназий преподавание основ анатомии и физиологии были встречены враждебно многими родителями. Много шума наделали медицинские осмотры девочек-гимназисток врачами-мужчинами. Подобные случаи добровольного отказа девушек от своевременного обращения за медицинской помощью из опасения того, что «перед доктором придется обнажить грудь»⁴⁹, известны и в XIX в., особенно среди институток.

В начале XX в. девочки черпали знания о сексуальных отношениях в медицинских книгах, где помещались картинки с женскими и мужскими половыми органами, из сообщений подруг, а также из художественной литературы. Для девушек 1860 – 1870-х гг. отыскать подобную литературу было непростым делом. В этом смысле начало XX в. отмечено разительными переменами в сексуальной «просвещенности» дворянок, в частности институток. Т.Г. Морозова (1904 – 1997) вспоминала: «Вблизи меня в проходе столпилась небольшая группка моих одноклассниц. Между ними идет какой-то таинственный тихий разговор: “После свадьбы? Муж и жена? Что делают? Как это? Рождаются дети?” <...> Аня помолчала, как бы испытывая какое-то затруднение. Потом сложила пальцы левой руки в неплотный кулачок и, убрав все пальцы правой руки, кроме среднего, быстро сунула выставленный палец в кулачок левой. “Понимаешь?” Я поняла. <...> Я спросила Олю: “Аня говорит... Как ты думаешь, это правда?” “Правда, Васенька, – ответила Оля. – Моя мама акушерка. У нее есть такая книга... Я прочла...”»⁵⁰.

Между тем российские авторы книг по физиологии, акушерству и гинекологии обходили вопросы, связанные со сферой сексуальных отношений. Эти сведения содержались в переводных медицинских изданиях, продажу которых в России можно объяснить только чудом или невнимательностью цензоров. Так, несколько раз издавались работы известного французского врача, популяризатора полового воспитания А. Дебэ. В одной из них – «Брак и безбрачие во всех половых и моральных проявлениях. Гигиена, физиология и

философия брака и безбрачия» (М., 1872) – он подробным образом освещал вопросы, о которых не принято было говорить в «приличном» обществе: среди названий глав его книги – «Девственность», «Онанизм», «Сладострастные излишества, распутства», «Супружеские обязанности», «Брачные удовольствия».

В художественной литературе 1860 – 1870-х гг. также преобладала романтизация любви, половое чувство оставалось за рамками повествования. Сам того не подозревая и не желая, «скрытую» революцию в сексуальном просвещении девочек совершил Л.Н. Толстой, написав «Крейцерову сонату». Многие женщины признавались, что это произведение оказало существенное влияние на формирование их девичьего мировоззрения⁵¹. Это произведение в буквальном смысле переворачивало все девичьи представления о любви, чувствах и отношениях между мужчиной и женщиной, мужем и женой.

Прорыв в сексуальном просвещении молодежи произошел в начале XX в., накануне и особенно после Первой русской революции. Послереволюционная проза «открыла» тему половых отношений. Все чаще девушек привлекали не восторженные романы и грезы о платонической любви, а произведения, авторы которых затрагивали вопросы эротике и телесности (А. Куприн «Яма», М. Арцыбашев «Санин», Л. Андреев «В тумане», А. Вербицкая «Ключи счастья» и другие). Вводимые официальные или инициированные родителями запреты на чтение той или иной литературы производили обратный эффект, способствуя росту живого интереса у юных читательниц⁵². На протяжении 1900 – 1910-х гг. эротика становилась важнейшей составляющей повседневной жизни. Газеты пестрели объявлениями с предложениями интимных знакомств. Новые театральные постановки содержали откровенные, эротические сцены. В кинематографе, согласно рекламным объявлениям, преобладали любовные сюжеты. В магазинах наравне с детскими игрушками стали продаваться «игрушки для взрослых»⁵³.

Однако благовоспитанные девушки должны были всячески скрывать свою просвещенность в сфере половых отношений. Многочисленные истории, свидетельствующие о противоречивости требований к поведению благовоспитанных девушек и их реальной жизнью, раскрывались в «случаях из врачебной практики». Сведения об особенностях интимной жизни представительниц «слабого» пола также относилась к разряду запретных. Повсеместно появлялись девочки из интеллигентных семей, восстававшие против предписанной старой сексуальной культуры. Их поведение приобретало различные формы нарушения норм и запретов – от свободных сексуальных добрачных отношений до побегов из семьи или, напротив, фиктивных браков с целью избежать замужества и продолжить образование. Врачи стали фиксировать многочисленные проявления чрезвычайной девичьей сексуальности, продолжая рассматривать ее как отклонение от нормы и патологию, требующую лечения⁵⁴.

Итак, вплоть до начала XX в. в российском обществе сохранялось двойственное отношение к девичьей сексуальности. Девушкам предписывалось демонстрировать свою непорочность и непросвещенность в вопросах секса, при этом умело кокетничать и флиртовать. Дворянки XIX в. в подавляющем большинстве грезил о романтической любви, но ничего не знали о половых отношениях, о деторождении и материнстве. Ввиду половой безграмотности и неосознанности сексуальных желаний для многих из них интимная близость не была желанной.

В условиях существования в дворянской среде многочисленных запретов на проявление подростковой сексуальности, ограничения общения девочек с представителями противоположного пола в девичьем поведении имели место однополая привязанность, невроты на сексуальной почве, неразборчивость в выборе объектов первой влюбленности. Анализ девичьих эго-документов демонстрирует инфантильность их создательниц и крайнюю степень непросвещенности в вопросах полового развития и сексуальных отношений. Половое просвещение девочек внутри семьи имело стихийный характер и никак не регулировалось государством. Это приводило к тому, что переход из девичества во взрослое состояние сопровождался тяжелейшими эмоциональными потрясениями. Сложности и противоречия психосексуального развития девочек оказывали влияние на их дальнейшие самоощущения, в том числе и в качестве жены и матери.

В начале XX в. вопросы половых отношений постепенно вышли из-под общественных запретов. Девочки располагали все большими возможностями для получения сексуального просвещения вне семьи. Однако родители продолжали защищать традиционную половую мораль и дистанцироваться от вопросов сексуального просвещения подростков. Во многом это являлось причиной появления конфликтов поколений.

Таким образом, сфера сексуальных отношений оставалась наиболее консервативной областью социализации дворянок, наследием патриархальных норм и представлений. Видимые изменения в сфере сексуального просвещения и интимных представлений дворянок в России начали происходить в связи с капиталистической модернизацией. Синхронно с ними, по мере проведения буржуазных реформ 1860-х гг., развивались процессы женской эмансипации и легализация «женского вопроса» в общественно-политической жизни.

Однако новые факторы – идейная либерализация, изменение многих традиционных устоев социальной и семейной жизни дворянства, более широкое распространение специальной медицинской литературы, декадентство в культуре, манифестация половой раскрепощенности – способствовали появлению новых опытов в

сфере сексуального взросления дворянских девочек, их более достоверной осведомленности в вопросах взаимоотношения полов и большей готовности к ним. В то же время существенных изменений в массовом сознании и сфере половой морали не происходило. Революция в сексуальном поведении затронула прежде всего бомонд. Девочки-подростки и девушки, особенно провинциалки, оставались в неведении по многим вопросам полового воспитания.

Примечания

¹ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1280. Оп. 1. Д. 134. Л. 43об.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1115.

⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 939.

⁶ ГАТО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 66.

⁷ Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 312.

⁸ Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки... С. 82.

⁹ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 70; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159; РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1061. Оп. 1. Д. 7; Сабашникова М.В. Зеленая змея: История одной жизни. М., 1993. С. 40–50.

¹⁰ Сабашникова М.В. Зеленая змея... С. 50.

¹¹ Башкирцева М. Дневник // Фотография женщины: Мария Башкирцева. Дневник; Елизавета Дьяконова. Дневник. СПб., 2005. С. 34.

¹² Центральный государственный архив города Москвы, Отдел хранения документов после 1917 года (ЦГА Москвы, ОХД после 1917 года). Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 19, 20.

¹³ Башкирцева М. Дневник... С. 30.

¹⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 85, 92об.

¹⁵ ЦГА Москвы, ОХД после 1917 года. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 19, 20.

¹⁶ Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4(41). С. 57.

¹⁷ Башкирцева М. Дневник... С. 24.

¹⁸ Лабзина А.Е. Воспоминания: Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 66.

¹⁹ Головина В.Н. Мемуары. М., 2005. С. 19, 20.

²⁰ Колесникова А.В. Бал в России: XVIII – начало XX века. СПб., 2005; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1987. С. 17.

- ²¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 462. Л. 32об.
- ²² Там же.
- ²³ *Башкирцева М.* Дневник... С. 24.
- ²⁴ *Белова А.В.* Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4(41). С. 56, 57.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 115об., 116.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Лабзина А.Е.* Воспоминания... С. 67.
- ²⁸ *Фонвизин Д.* Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Русская литература XVIII века. Т. 1. М., 2004. С. 570.
- ²⁹ *Глаголева О.Е.* Горькие плоды просвещения: три женских портрета XVIII века // Социальная история: Ежегодник, 2003: Женская и гендерная история. М., 2003. С. 318.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7. Л. 15
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 109, 110, 127.
- ³² РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 14; Д. 400. Л. 4–7; РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 49; *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. Л., 1929. С. 15–17.
- ³³ *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 279.
- ³⁴ ЦГА Москвы, ОХД после 1917 года. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 23об.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 498. 1891. Л. 148, 148об.
- ³⁶ *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1980. С. 159.
- ³⁷ *Загряжский М.П.* Записки (1770 – 1811) // Лица: Биографический альманах. Т. 2. М.; СПб., 1993. С. 92.
- ³⁸ *Лабзина А.Е.* Воспоминания... С. 46, 60, 66.
- ³⁹ ЦГА Москвы, ОХД после 1917 года. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 84; *Пастернак Ж.* Хождение по канату. М., 2010. С. 54, 46.
- ⁴⁰ *Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л.* Домашние роды в российских дворянских семьях (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 167–183.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1040. Л. 45.
- ⁴² РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
- ⁴³ *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. С. 26.
- ⁴⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1. Л. 144; *Пастернак Ж.* Хождение по канату. С. 54; *Дьяконова Е.А.* Дневник Елизаветы Дьяконовой. М., 1912. С. 132, 133; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. С. 75.
- ⁴⁵ ЦГА Москвы, ОХД после 1917 года. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 84об; НИОР РГБ. Ф. 752. К. 1. Д. 1.
- ⁴⁶ *Белова А.В.* Конкуренция матери и старшей дочери в российской дворянской культуре XIX века: конфликт идентичностей // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столе-

тия – Серебряный век. М., 2011. С. 110.

⁴⁷ ЦГА Москвы, ОХД после 1917 года. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 84об.; РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1549. Л. 14.

⁴⁸ *Сабашникова М.В.* Зеленая змея... С. 50, 51.

⁴⁹ *Водовозова Е.Н.* На заре жизни... С. 297.

⁵⁰ *Морозова Т.Г.* В институте благородных девиц // Институтки... С. 422, 423.

⁵¹ ЦГА Москвы, ОХД после 1917 года. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 222, 258об.; *Ахматова А.* Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М., 2014. С. 3.

⁵² НИОР РГБ. Ф. 801. К. 3. Д. 59. Л. 36.

⁵³ *Дрентельн Е.С.* Этюды о природе женщины и мужчины. М., 1908. С. 184.

⁵⁴ *Дрентельн Е.С.* Этюды о природе женщины и мужчины. М., 1908. С. 179, 180; *Покровская М.И.* О внеклассном надзоре за учащимися // Женский вестник. 1912. № 1. С. 18–20.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Белова Анна Валерьевна – докт. ист. наук, профессор Тверского государственного университета
belova_tver@rambler.ru

Мицюк Наталья Александровна – канд. ист. наук, старший преподаватель Смоленского государственного медицинского университета
Mitsyuk.natalya@gmail.com

В статье на основании ранее неизвестных документов государственных архивов рассматриваются изменения в сфере сексуального просвещения дворянок в условиях капиталистической модернизации российского общества. Впервые в отечественной историографии вводятся в научный оборот дневники девушек-дворянок, раскрывается сложный процесс их сексуального взросления с конца XVIII до начала XX вв. Авторы пришли к выводу, что сфера сексуальных отношений оставалась наиболее консервативной областью социализации дворянок, наследием патриархальных норм и представлений. Во второй половине XIX в. росли осведомленность дворянских девочек в вопросах взаимоотношения полов и готовность к ним. В то же время существенных изменений в массовом сознании и сфере половой морали не происходило. Революция в сексуальном поведении в начале XX в. затронула прежде всего бомонд. Девочки-подростки и девушки, особенно провинциалки, оставались в неведении по многим вопросам половых отношений.

Российская империя, капиталистическая модернизация, дворянство, девичество, семейные отношения, сексуальность, сексуальное просвещение, половая социализация, поведенческая норма, гендерная история

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Belova A.V. Devichestvo rossiyskoy dvoryanki XVIII – serediny XIX veka: telesnost, seksualnost, gendernaya identichnost. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2006. no. 4(41), pp. 56, 57.
2. Belova A.V. Devichestvo rossiyskoy dvoryanki XVIII – serediny XIX veka: telesnost, seksualnost, gendernaya identichnost. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2006. no. 4(41), p. 57.
3. Belova A.V. Zhenskaya povsednevnost kak predmet istorii povsednevnosti. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 4, pp. 85–97.
4. Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L. Domashnie rody v rossiyskikh dvoryanskikh semyakh (konets XIX – nachala XX v.). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 5, pp. 167–183.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Belova A.V. Konkurentsia materi i starshey docheri v rossiyskoy dvoryanskoy kulture XIX veka: konflikt identichnostey. *Konstrukty natsionalnoy identichnosti v russkoy kulture: vtoraya polovina XIX stoletiya – Serebryanny vek* [The Constructs of National Identity in Russian Culture: The second half of the 19th century – the Silver Age]. Moscow, 2011, p. 110.
6. Glagoleva O.E. Gorkie plody prosveshcheniya: tri zhenskikh portreta XVIII veka. *Sotsialnaya istoriya: Ezhegodnik, 2003: Zhenskaya i gendernaya istoriya* [Social history: Yearbook, 2003: Women's and Gender History]. Moscow, 2003, p. 318.

(Monographs)

7. Belova A.V. “Chetyre vozrasta zhenshchiny”: Povsednevnyaya zhizn russkoy provintsialnoy dvoryanki XVIII – serediny XIX v. [“Four Ages of Women”: Everyday Life of Russian Provincial Noblewomen, 18th – middle of 19th century]. St. Petersburg, 2010, p. 279.
8. Kolesnikova A.V. Bal v Rossii: XVIII – nachalo XX veka [A Ball in Russia: 18th – the beginning of 20th century]. St. Petersburg, 2005, 304 p.

Authors, Abstract, Key words

Anna V. Belova – Doctor of History, Professor, Tver State University (Tver, Russia)
belova_tver@rambler.ru

Natalya A. Mitsyuk – Candidate of History, Senior Lecturer, Smolensk State Medical University (Smolensk, Russia)
Mitsyuk.natalya@gmail.com

On the basis of previously unknown documents from state archives, the article analyzes transformations that occurred in sexual education of noblewomen as the Russian society was going through capitalist modernization. For the first time historical study focuses on aristocratic young girls' diaries, the complicated process of their sexual education from late 18th to early 20th century. The authors arrive at the conclusion that sexual relationships remained the most conservative segment in noblewomen's socialization, which was the legacy of patriarchal norms and perception. The noble young girls' awareness of inter-gender relationships and preparedness for them increased in the second half of the 19th century. However, there was no essential change in mass consciousness about sexual behavior. The early 20th century saw a revolution in sexual behavior primarily of 'beau monde' whereas young girls, particularly, those from the province, stayed ignorant of many aspects of sexual relations.

Russian Empire, capitalist modernization, nobility, maidenhood, family relationships, sexuality, sexuality education, sexual socialization, behavioral norm, gender history

**ПОЛИЦЕЙСКИЕ, ПРОСТИТУТКИ И ГАЗЕТЧИКИ:
СЛУЖЕБНЫЕ БУДНИ НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКОЙ
ПОЛИЦИИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

V. Agarov

**The Police Officers, Prostitutes and Newsmen:
Routine Practices of Municipal Police in Nikolsk-Ussuriisk
on the Eve of the First World War**

В начале XX в. Дальний Восток был не похож на европейские части Российской империи. Космополитичный край, с наполовину азиатским населением, находящийся ближе к Китаю и Японии, чем к центрам исторической России, он сочетал в себе черты европейской и азиатской культур с атмосферой фронта, напоминающего о легендах американского Дикого Запада, только с хунхузами вместо индейцев.

Служба на Дальнем Востоке щедро оплачивалась государством: так, два дня сахалинской службы засчитывались за три дня, три дня приморской – за четыре, офицеры и чиновники имели право на прогонные деньги и солидные прибавки к жалованию за каждые 5 лет службы в отдаленных местностях. Но обстановка окраины цивилизованного мира создавала для служивших здесь «государевых людей» трудные вызовы. Малокультурность и пограничность края, широкое распространение пьянства и высокий уровень преступности, в том числе этнической, требовали от администраторов совершенно выдающихся качеств. При этом удаленность от столиц вызывала чувство вседозволенности, следствием чего становилось самоуправство, а соблазн легкой наживы вдали от столиц провоцировал взяточничество и казнокрадство. Полицию и Приморское областное правление сотрясали разного рода скандалы и конфликты, становившиеся известными благодаря местной прессе, чье влияние в это время, после революционного 1905 г. и манифеста 17 октября, значительно возросло¹.

История, в которой оказались замешаны полицмейстер города Никольск-Уссурийского Шадрин и его подчиненный околоточный надзиратель Серик, произошла больше 100 лет назад, накануне первой мировой войны. Кажется, она не имела большого общественного резонанса, хотя в результате оба фигуранта лишились своих должностей. Участников и очевидцев тех давних событий давно уже нет, да и их деятельность не оставила заметного следа в исторической памяти потомков. Но бывает, как в этом случае, что, когда молчат люди, за них начинают говорить архивные документы...

Согласно послужному списку, который сохранился в «Деле о службе полицмейстера Никольск-Уссурийска коллежского асессора Ивана Шадрина», хранящемся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока², Иван Михайлович Шадрин родился 15(27) августа 1864 г. в семье «сельских обывателей Вятской губернии», православного вероисповедания.

Службу Шадрин начал 20 августа 1880 г., когда поступил казенно-коштным воспитанником в Ижевскую оружейную школу. 7 августа 1884 г. был зачислен на действительную службу с производством в оружейные мастера 2-го разряда унтер-офицерского звания в 7-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Отправлен по назначению 7 сентября 1884 г. и прибыл в батальон через четыре месяца, 17 января 1885 г.

Прослужил в батальоне около 10-ти лет. 28 сентября 1886 г. был переименован из 2-го в 1-й разряд оружейные мастера. Спустя 8 лет приказом по военному ведомству от 14 августа 1894 г. получил чин коллежского регистратора (XIV класс Табели о рангах). В августе-сентябре 1895 г. находился в отпуске. Уволен в запас с 8 декабря 1895 г.

После ухода с военной службы в карьере 31-летнего Ивана Михайловича Шадрина произошел крутой поворот: 11 декабря 1895 г. приказом военного губернатора о. Сахалин он был назначен помощником начальника Рыковской тюрьмы. Прибыл на Сахалин 22 января 1896 г. и вступил в должность 27 января.

На Сахалине Шадрин прослужил 12 лет, с 1896 по 1908 гг. – в самую сложную историческую эпоху для этого острова, совпавшую с последними годами каторги, Русско-японской войной и потерей половины острова, перешедшей к Японии по Портсмутскому мирному договору 23 августа (5 сентября) 1905 г. С 1 сентября 1899 г. Шадрин был помощником начальника Дербинской тюрьмы. Неоднократно исполнял обязанности начальника этой тюрьмы с одновременным заведованием Мало-Тымовской богадельней (до ее упразднения). С 1 марта 1902 г. был начальником Онорской тюрьмы.

Заслуги Ивана Михайловича были по достоинству оценены начальством. Он был награжден серебряной медалью в память императора Александра III (1896 г.) и темно-бронзовой медалью за труды по переписи населения (1897 г.). 11 декабря 1900 г. получил чин коллежского секретаря (X класс) со старшинством с 14 августа, 5 декабря 1903 г. – чин титулярного советника со старшинством с 14 августа, 12 мая 1907 г. – чин коллежского асессора (VIII класс) со старшинством с 14 августа 1906 г.

Служба Шадрина на Сахалине завершилась 22 февраля 1908 г., когда он был назначен в более цивилизованное место – исполняющим обязанности начальника Владивостокской тюрьмы. Утвержден

в должности высочайшим приказом от 3 мая 1908 г. 27 ноября 1908 г. выслужил право на вторую 5-летнюю прибавку жалованья за «продолжение в отдаленных местностях» в течение 10-ти лет 375 руб. в год. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени за отличную службу (1909 г.). По достижении возраста 45 лет, как числящийся в запасе армии, был официально уволен в отставку 13 сентября 1909 г.

17 декабря 1910 г. Шадрин был назначен временно исполняющим должность Никольск-Уссурийского полицмейстера. 23 декабря военный губернатор Приморской области просил Приамурского генерал-губернатора «для пользы службы» обменять местами начальника Владивостокской тюрьмы Шадрина и полицмейстера Никольск-Уссурийского Георгиевского, добавляя, что «означенные лица за время своей службы отличались исполнительностью и знанием службы»³.

Никольск-Уссурийский (современный Уссурийск) был третьим (после Владивостока и Хабаровска) по численности населения городом Приморской области. По данным областного статистического комитета на 1913 г., в нем проживало 35 тыс. человек⁴. В городе были театры и кинотеатры, гостиницы и кафе-шантаны, издавалось несколько газет. Большой процент населения составляли инородцы – китайцы и корейцы.

Трудно сказать, самому ли военному губернатору Приморской области генерал-майору И.Н. Свечину или кому-нибудь из чинов Приморского областного правления пришла в голову мысль, что из бывшего оружейника и тюремщика со стажем может получиться хороший полицейский. Так или иначе, 29 декабря 1910 г. и.д. Приамурского генерал-губернатора подписал приказ об этом обмене⁵. В следующем году высочайшим приказом Иван Шадрин был уволен по тюремному ведомству от должности начальника Владивостокской тюрьмы. К исполнению обязанностей полицмейстера он приступил 14 января 1911 г.⁶

Судя по всему, он пользовался расположением приморского начальства. 17 января 1911 г. исполняющий должность военного губернатора Н.В. Мономахов в представлении Приамурскому генерал-губернатору просил ходатайствовать о присвоении коллежскому асессору Шадрину чина надворного советника⁷. 26 января это ходатайство было направлено в канцелярию императора⁸. 18 октября 1911 г. Никольск-Уссурийскому полицмейстеру был присвоен чин надворного советника (VII класс) со старшинством с 14 августа 1910 г. Это была высшая ступень в его карьере.

В послужном списке, составленном 31 августа 1912 г. говорится, что Иван Михайлович Шадрин получает жалованья 1 750 руб., столовых 1 750 руб. и прибавочных за 10 лет службы в отдаленных местностях 375 руб., а всего 3 875 руб. в год. Согласно документу, Шадрин был женат на дочери коллежского регистратора Вятской губернии Юлии Ивановне, у них были сыновья Валентин (1885 г.

рождения), Александр (1887-го), Николай (1888-го), Павел (1889-го), дочери София (1891-го) и Вера (1895-го).

О том, как новоиспеченный полицмейстер справлялся со своими обязанностями, можно судить по тому, что в Никольск-Уссурийском Шадрин скоро стал героем многочисленных публикаций в местной ежедневной газете «Уссурийская окраина». Так, 23 февраля 1911 г. газета написала, как Шадрин не разрешил открыто праздновать в городе 50-летие отмены крепостного права 19 февраля⁹. 24 февраля в заметке «К аресту редактора нашей газеты К.И. Лепина» «новым полицмейстером, бывшим начальником тюрьмы, Шадриным», «Уссурийская окраина» выразила мнение, что «помимо сообщенного беззакония, г. Шадрин в этом деле показал свое полное незнание не только с элементарным знанием закона, но как и человека упрямого, мстительного, несправедливого...»¹⁰.

27 февраля в заметке «Законно и целесообразно?» критиковалось уменьшение полицмейстером жалованья городским кому до 25 руб., а кому и до 20-ти: «Жить на жалованье 20 руб. в месяц на своем содержании невыносимо, и эта мера, кроме деморализации агентов полиции – другого не даст...»¹¹

10 марта в заметке «Удобно ли?» подвергалась сомнению пригодность полицмейстера к выполнению своих обязанностей: «Неоднократно нами приводились примеры, красноречиво доказывающие, что бывший начальник тюрьмы, а ныне полицмейстер Шадрин совершенно не осведомлен о своих правах и обязанностях полицмейстера. За отсутствием у г. Шадрина даже элементарных знаний закона, его действия носят случайный характер...» Завершая характеристику начальника полиции, хроникер газеты восклицал: «Неужели так мало кандидатов, опытных, образованных людей на ответственную должность полицмейстера, что приходится ее замещать гг. Шадринскими?!»¹²

Анекдотичный случай описывала газета 11 марта в заметке «Неосведомленность». Некий Б. разыскивал через адресный стол чиновника Ивана Михайловича Шадрина, оружейного мастера 7-го батальона, и получил справку, что означенный Шадрин выбыл и в списках горожан не значится. Однако, как писал автор заметки, всем в городе известно, что полицмейстер Шадрин с семьей проживает в здании городской управы. Поэтому он делал вывод, что Шадрин нарушил обязательное постановление Приамурского генерал-губернатора и не вписал себя в домовую книгу, иначе в адресном столе нашли бы его данные. Дальше следовали рассуждения о том, чего стоит представитель закона, который сам же его и нарушает¹³. 13 марта в заметке «Стрелочник виноват» газета сообщала, как полицмейстер, очевидно, испугавшись грозящего ему, согласно постановлению, штрафа в 500 руб., пытается свалить вину за невнесение записи в домовую книгу на подчиненного Н.¹⁴

Эта история послужила материалом для фельетона «Не заме-

тил», опубликованного владивостокской газетой «Океанский вестник» 15 марта 1911 г. В нем рассказывалось, как однажды утром, придя на работу, полицмейстер Иван Михайлович Шадрин нашел на своем столе справку адресного стола в том, что разыскиваемый кем-то чиновник Иван Михайлович Шадрин не найден. Полицмейстер решил, что это разыскивают «какого-то прохвоста», потому что искать его самого через адресный стол нет нужды: «Я уже довольно прославился и всем известен»¹⁵.

Артист Константин Херувимов в письме в редакцию, опубликованном «Уссурийской окраиной» 15 марта, жаловался, что Шадрин запретил играть пьесу «Каин», назвав причиной начало «крестопклонной недели» и сославшись на духовную цензуру. При этом цирк и маскарад в этот день были разрешены¹⁶. Проведенное газетой расследование показало, что полицмейстер сначала разрешил в этот день театр, цирк и маскарад, а потом, уже в 10 час. вечера, послал полицейских запретить. Те, естественно, донесли, что не успели, в результате не состоялся только спектакль¹⁷.

Затем в кампании против Шадрина наступил перерыв, в том числе вызванный арестом и заключением в тюрьму на месяц (с 27 апреля по 27 мая 1911 г.) редактора «Уссурийской окраины» Лепина¹⁸.

В дальнейшем газета возобновила борьбу с полицмейстером. В заметке «Выговор» 10 сентября сообщалось: «Бывшему начальнику тюрьмы ныне полицмейстеру Шадрину военным губернатором сделан строгий выговор за то, что частная жалоба арестанта Левентаса пролежала без движения около двух лет. Жалоба была, оказывается, подшита к делу, т.е. попросту похерена»¹⁹.

Доставалось от «Уссурийской окраины» и подчиненным Шадрина. Газета писала, что в полицейском управлении из карманов пальто секретаря прокурора пропали деньги, которые, видимо, украл кто-то из «сыщиков»²⁰, что неизвестные воры ночью забрались в уездную полицию и вытащили денежный сундук²¹, что в полицейском участке был избит чинами полиции мещанин Аким Чумак, от которого требовали признаться в участии в грабеже²².

В общем, пребывание Шадрина в должности Никольск-Уссурийского полицмейстера уже в первый год стоило ему немалой нервозности.

Конфликт с околоточным надзирателем Сериком произошел тоже в самые первые месяцы нахождения Шадрина в новой должности. Его суть изложена в документах «Дела о производстве следствия по жалобе околоточного надзирателя Серикова на злоупотребление служебным положением полицмейстера г. Никольск-Уссурийска Шадрина и др. чинов полиции».

Платон Иосифович Серик, сын казака села Харитоновки Березовской волости Прилукского уезда Полтавской губернии, православного вероисповедания, родился 18(30) ноября 1884 г.²³, успешно окончил курс учения в Харитоновском начальном народном учили-

ще, о чем получил свидетельство 21 июля 1898 г.²⁴

С 15 октября 1903 г. Серик служил в Харбинской конторе Российского транспортного страхового общества артельщиком по приему грузов. В аттестате, выданном 20 января 1905 г., сказано, что «возлагаемые на него всевозможнейшие поручения исполнял строго и аккуратно, во всем отличаясь трудолюбием и строгим соблюдением интересов общества, был строго трезв и ни в чем решительно предосудительном замечен не был». Отмечено также, что доверяемые Сериком конторой денежные суммы доходили до 25 тыс. руб.²⁵

В 1906 г. в возрасте 21 года Платон Серик был призван на военную службу²⁶, которую проходил в 3-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. Его бывший командир полковник И. З. Одишелидзе горячо рекомендовал Платона Серика на всякую должность «как крепкого и верного человека, как честного неподкупного служаку, как отличного и неутомимого работника», добавляя, что «со мною он служил с честью и с большим успехом»²⁷. Новый командир полка полковник Шарпантье также выдал Сериком при его увольнении с военной службы в запас 10 ноября 1909 г. отличную аттестацию:

«Дана от командира 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковому писарю Платону Иосифовичу Серик в том, что он, исполняя должность полкового писаря, отличался своей аккуратностью, исполнительностью и полным знанием своего дела, и всегда защищал интересы полка, был справедлив, честен и трудолюбив. К своим обязанностям относился с большим старанием, никогда не задумываясь над сложной работой. По всей переписке был отличным помощником полкового адъютанта. В команде писарей был строго требователен и настойчив в соблюдении Устава внутренней службы. Нравственных качеств отличных. Спиртных напитков не употребляет, и ни в чем предосудительном замечен не был»²⁸.

В другом аттестате сказано, что нестроевой старшего разряда Серик, поступивший на службу 1 января 1907 г., признан выдержавшим испытание на право назначения в военное время на классную должность. Он получил следующие баллы: чтение – 10, письмо – 8, арифметика – 9, письмоводство и делопроизводство – 8, законы – 9; в сумме 44 балла, средний балл 8,8²⁹.

Оставшись после отбытия военной службы в Никольск-Уссурийском, Серик 7 января 1910 г. был сначала принят временно городовым, а 10 января назначен письмоводителем адресного стола 2-го участка с жалованьем 40 руб. в месяц³⁰.

Службу в никольск-уссурийской полиции Платон Серик начал до Шадрина, еще при предыдущем полицмейстере.

Этот предыдущий полицмейстер, Лев Тауц, прославился тем, что, будучи с 1906 г. полицмейстером в Хабаровске, разогнал профессиональные полицейские кадры и набрал в полицию уголовников-рецидивистов, с которыми вступил в сговор с целью личного обогащения. Возмущенные хабаровчане обращались к властям с петициями

об отстранении Тауца и заключении его в тюрьму. Вместо этого ретивого полицмейстера в 1909 г. перевели в Никольск-Уссурийский, где он продолжал столь же успешно «бороться с преступностью». В мае 1910 г. Тауц был переведен полицмейстером в Николаевск-на-Амуре (впрочем, согласно «Памятной книжке Приморской области на 1913 год», должность полицмейстера Николаевска-на-Амуре занимал Павел Михайлович Таут³¹), к большому облегчению жителей Никольск-Уссурийского, которые, если верить заметке, опубликованной 7(20) мая 1910 г. в московской газете «Утро России», даже устроили 6 мая по этому случаю большой праздник. Сообщив, что «по улицам следуют процессии с пением, всюду слышны поздравления», газета рассказала, что «полицейстер Тауц – личность историческая, герой громких дел, против которого уже начато следствие Владивостокским прокурорским надзором»³².

Сообщники Тауца после этого неоднократно попадались на соучастии в разных преступлениях в Никольск-Уссурийском³³. А когда в 1913 г. прошел слух о назначении Тауца полицмейстером в Благовещенск, «Уссурийская окраина» написала, что «несомненно, благовещенцев приходится лишь пожалеть, т.к. г. Тауц зарекомендовал себя перед местной областной администрацией за совершенно неспособного администратора. При г. Тауце, как известно, в Никольске была целая эпидемия преступлений, в которых видное место занимали его сотрудники-сыщики»³⁴.

При преемнике Тауца Шадрине карьера Платона Серика складывалась неплохо. 24 февраля 1911 г., после года службы, он стал околоточным надзирателем 1-го участка. И почти сразу же он был отстранен от должности за причинение «оскорбления действием крестьянину Тимофею Егоровичу Кузнецову». Сообщив в рапорте военному губернатору от 2 марта, что Кузнецов был пьян, первым оскорбил околоточного, начал хвататься за его оружие и т.п., Шадрин, тем не менее, ходатайствовал «об исключении Серика с государственной службы»³⁵.

Ознакомившись с рапортом, военный губернатор ответил, что вины Серика он не видит и считает, что уволить полицейского в этом случае – чрезмерное наказание³⁶. Однако на службу околоточный так и не был возвращен. Тогда он стал писать жалобы (фактически доносы) на тех людей, по вине которых, как он считал, оказался в крайне затруднительном положении.

В прошении от 9 марта 1911 г. Серик писал: «...Вообще же чины никольск-уссурийской городской полиции враждебно ко мне относились и относятся, так как я принят на службу бывшим полицмейстером Тауц, благодаря которому чины наружной полиции были почти все уволены за неблагоприятные поступки, а затем вновь были приняты и продолжают заниматься теми же грязными делами...»³⁷.

В рапорте приставу 2-й части от 8 апреля 1911 г. он доносил, что секретарь никольск-уссурийской городской полиции Кинчий за

деньги выдает паспортные книжки на любые фамилии, похищает из полицейского управления вещественные доказательства, выдал «ложное удостоверение Елизавете Тищенко в том, что ей 19 лет, тогда как таковой было только 14 лет, чем дал возможность жить ей в доме свидания, она же не могла поступить в этот дом, минуя секретаря, ввиду того, что он же является секретарем и членом распорядителем врачебно-полицейского комитета...» Обвиняя Кинчия, Серик старался обелить Шадрину. По мнению Серика, Кинчий желает очернить его в глазах начальства. «Это было угодно сделать только некоторым лицам, а не г. полицмейстеру, так как полицмейстер введен в заблуждение ими»³⁸.

Однако ничего не помогало. В течение двух месяцев Серик не был официально уволен, однако фактически был отстранен от несения службы и, соответственно, не получал и жалованья. Тогда он прибег к последнему средству: 7 мая написал прошение военному губернатору Приморской области И.Н. Свечину. В этом прошении он описывал тяжесть своего положения, состояние дел в никольск-уссурийской полиции и просил ускорить решение его дела:

«Безвыходное, критическое и трудное положение, постигшее меня вследствие отстранения от несения полицейской наружной службы и не получения более двух месяцев никакого содержания, вынуждает обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой... ускорить мое дело о Кузнецове, по которому я отстранен от несения службы с 2 марта 1911 года... Благоволите... не отказать назначить меня на службу по наружной части в один из городов... области... В городе же Никольск-Уссурийском продолжать службу вследствие не подлежащих даже описанию причин не представляется возможным, а более потому, что некоторые лица, состоящие в данное время на службе в городской полиции, занимаются только лишь подстрекательством на ложные доносы, доносами всякой грязи, обливающей на бумаге и введением в заблуждение начальства».

Снова околоточный пытался снять ответственность с полицмейстера, утверждая, что Шадрин ни в чем не виноват, что он введен в заблуждение подчиненными и т.п. Серик писал, что г. Шадрина в городе «прямо так и травил газетой, что могут освидетельствовать статьи газеты “Уссурийская окраина”, бывший пристав 2 части г. Кривошея, исполняющий обязанности пристава 1 части Введенский, исполняющий обязанности полицейского надзирателя 2 участка Новицкий и многие другие... Эти лица настолько соединены, что они умеют брать, чуть ли не в свои руки, даже их начальников, и эти же лица, того же чиновника, который на их ложные доносы отвечает правдой, называют доносчиком и жалобщиком на своих начальников, какое название у них получил и я, этим они сумели ввести в заблуждение настоящего г. полицмейстера...»³⁹

Узнав об этом прошении, Шадрин 10 мая подал военному губер-

натору рапорт, в котором писал, что Серика ни в чем верить нельзя, и просил перевести того в другой город. На этот рапорт губернатор, назначивший Шадрин полицеймейстером, наложил резолюцию: «Уволить от службы Серика, так как переводить такое лицо в другую часть не можем... 23 мая 1911 г.»⁴⁰

В тот же день, 23 мая 1911 г., был выпущен приказ об увольнении Платона Серика по 788-й статье Устава о службе без объяснения причин, без мундира и пенсии и без права поступления на государственную службу⁴¹.

Это решение потрясло бывшего околоточного. В прошении на имя военного губернатора от 31 мая он писал, что считает это наказание за драку с крестьянином-алкоголиком слишком строгим, уверял, что губернатор «введен в заблуждение полицмейстером, благодаря подстрекательствам некоторых чинов...» Снова Серик не преминул донести на некоторых чинов полиции: «Между прочим, лица, служившие со мной в одних званиях по вольному найму околоточными надзирателями: Якимов, Горошкевич и Пигулевский, — были уличены во взяточничестве и других неблагоприятных делах и за это были уволены б. полицмейстером Тауц, как не соответствующие своему назначению, но почему-то эти лица служат вновь до настоящего времени и то не заслужили увольнения по этой статье, а наоборот за эти грязные дела получили повышение и служат себе спокойно...»⁴².

Сознавая суть 788-й статьи, Серик писал, что после увольнения по этой статье он не сможет поступить ни на какую службу, и просил отменить приказ. Военный губернатор остался непреклонным, и 12 августа ходатайство Серика было отклонено⁴³.

После позорного увольнения Платон Иосифович Серик продолжал проживать в Никольск-Уссурийском на съемной квартире по адресу: улица Унтербергеровская, дом 76⁴⁴. В том же году он женился на 19-летней Марии Тихоновне, в 1912 г. у пары родился сын Леонид. В 1914 г. Платон Серик работал писцом Южно-Уссурийского съезда крестьянских начальников. Однако наладить жизнь он так и не успел, потому что с началом мировой войны был призван из запаса в армию⁴⁵. Дальнейшая судьба Платона Серика пока не известна.

Что касается полицмейстера Шадрин, то его служба сопровождалась многочисленными скандалами, войнами с прессой и городской думой и служебными расследованиями.

17 февраля 1912 г. на заседании городской думы Никольск-Уссурийского обсуждался вопрос о создании венерической больницы для проституток. Гласный доктор К.П. Васильев, врач городской больницы, нашел «особо ненормальной постановку врачебно-полицейского надзора и лечения проституток в Никольске». «Делами сейчас заведует какой-то врачебно-полицейский комитет, два врача которого назначили себе хорошие оклады и сосут проституток, обложив их налогом по 10 рублей в месяц с каждой, это настоящий

денной грабеж и терпеть его дольше нельзя...». На это заявление городской голова дал справку о врачебно-полицейском комитете, согласно которой содержание комитета в месяц обходится: жалование двум врачам — 400 руб., фельдшеру — 75, добавочному полицейскому надзирателю — 75 и разных расходов 287, а всего 832 руб.⁴⁶

Материалы заседания были опубликованы в никольск-уссурийской газете «Приморский край». Шадрин публично (через ту же газету) ответил, что врачебно-полицейский комитет не «какой-то», а создан по приказу начальства для наблюдения за проститутками, что слухи о коррупции неосновательны, «никаких незаконных поборов и грабежей с проституток и содержательниц домов ни врачи, ни члены комитета не производили и не производят»⁴⁷.

Местная пресса широко использовалась для взаимного сведения счетов. Поэтому несколько дней спустя газета написала: «Изо дня в день в больнице творятся такие факты, которые понятны и допустимы лишь при взгляде врача Васильева, проповедующего своим сослуживцам, что больных надо не лечить, а уничтожать». Автор статьи красочно расписывал, как главврач не пускает в больницу тяжело больных, чтобы не портить статистику, заботу о пациентах сваливает на фельдшеров и медсестер, привозит в больницу проституток и устраивает оргии, и требовал от думы «немедленно назначить ревизию дел больницы и одновременно отстранить Васильева от должности»⁴⁸.

Такие войны компроматов были характерны для дальневосточной прессы начала XX в. Газеты не стеснялись публиковать проплаченные статьи, защищать интересы отдельных лиц и групп лиц и не брезговали открытым шантажом⁴⁹. По этой причине к газетным разоблачениям тех лет нужно относиться с некоторой осторожностью.

Есть более объективные источники. 19 сентября 1912 г. заведующий Никольск-Уссурийским розыскным пунктом ротмистр Отдельного корпуса жандармов П.С. Козловский доносил, что «медицинским комитетом, в котором состоит Председателем Полицейстер г. Никольск-Уссурийского, допускаются разные злоупотребления: 1) допускаются в дома терпимости проститутки моложе установленных лет, 2) для сокрытия указанного в первом пункте злоупотребления проституткам выдаются временные виды на жительство местным полицейским управлением за подписью полицмейстера г. Никольск-Уссурийского. Многие проститутки содержатся без видов на жительство... У многих проституток лета прописаны со слов, 6) вообще Комитет не принимает мер для установления возраста поступающих проституток, а, наоборот, видимо, способствует сам сокрытию действительных лет поступающих проституток, 7) многие злоупотребления и беспорядок сего комитета изложены в рапорте Пристава 1-й части на имя полицмейстера от 16 августа с.г.»⁵⁰

В анонимном письме, полученном Козловским примерно в то же время, рассказывалось, что «Полицейстер Шадрин покрывал кар-

тежную игру в соединенном собрании, за что получал порядочную мзду. Для шменди-фера [Шмен-де-фер (франц.) – карточная игра. – В.А.] станок стоит и до сих пор открыто. Я помню, как-то зимой, как ему было губернатором поручено поймать игру, он застал нас играющих, как насколько припомню, был Кузнецов, заведующий местным лашаретом, казначей местного казначейства и много других, так он вместо того, чтобы конфисковать игровые предметы, конфисковал в свой карман 300 рублей и ушел. Еще картина: однажды он напился пьяным и попал на Японской улице в помойную яму, но солдаты его извлекли... Особая дружба с Ханомировым содержателем шантана...»⁵¹.

Автор письма утверждал, что дружба Шадрин с содержателем кафе-шантана «Гранд-Отель» Ханомировым полностью основана на незаконном допущении полицмейстером в этом шантане азартных игр и проституции. Ротмистр Козловский сопроводил указанный донос комментарием, в котором написал, что сведения анонима согласуются с его собственными наблюдениями.

Дело не получило ход. По одной из версий, это произошло потому, что Шадрину покровительствовал назначенный 8 сентября 1912 г. новый вице-губернатор Приморской области В.И. Лодыженский, большую часть 1913 г. исполнявший обязанности военного губернатора области. Он неоднократно бывал по разным делам в Никольск-Уссурийске, который расположен только в 100 км от Владивостока. Как сказано в одном более позднем анонимном памфлете, Лодыженский очень «любил посещать проституток, особенно малолетних, и облюбовал один такой домик, где его всегда можно было застать»⁵².

Как говорит народная мудрость, «сколько веревочке ни виться, а конец будет». Для Ивана Михайловича Шадрин началом конца стала докладная записка чиновника Особых поручений Приморского областного правления коллежского секретаря П.Я. Полетика, представленная военному губернатору Приморской области 20 декабря 1913 г. Записка содержит подробности деятельности Шадрин как председателя Никольск-Уссурийского врачебно-полицейского комитета. «Всем делопроизводством ведал секретарь полицейского управления г. Никольск-Уссурийского, он же секретарь комитета, Болтенков... Все делопроизводство, за время состояния секретарем комитета Болтенкова, с 1 июня 1911 г. по 1 июня т.г., найдено мной в совершенно невозможном виде, особенно нужно сказать это о денежной отчетности. Перед отъездом Шадрин в отпуск, заступавший его место помощник полицмейстера Тютюнников настоял на том, чтобы... Болтенков, которого он подозревал в нечистоплотном ведении дела, подал прошение об отставке». «Секретарем комитета был назначен отставной подполковник Станкевич, рекомендованный на службу в полицию г. военным губернатором Приморской области. Делопроизводство комитета приведено в порядок».

«Однако, – отмечает далее Полетика. – фактический надзор за

домами терпимости поставлен по-прежнему слабо». Ревизии Домов терпимости «почти совершенно не проводилось», полицейские чины сами вовлекают девиц в занятия проституцией и получают с них доход⁵³.

В объяснении, представленном Полетика в этом же месяце, Шадрин писал, что с самого начала нашел в делах Врачебного комитета беспорядок. Удалению беспаспортных проституток мешали врачи, получавшие вознаграждение за их лечение. Подчиненные, которых он плохо знал и с которыми не смог поладить, травил его местной прессой (об этом ранее писал и Серик), что сделало его бессильным. На общем фоне благоприятное впечатление на него произвел Болтенков, державшийся в стороне от других и имевший вид дельного и способного человека. Поэтому Шадрин назначил Болтенкова секретарем врачебного комитета и, полностью доверяя ему, упустил из рук все дело. Полицмейстер признался, что он лично не проводил ревизии, а доверял отпискам секретаря.

Далее полицмейстер рассказал, что «Болтенков в пьяном виде имел свидание с сотрудником газеты “Текущий день”, последствием чего и была помещена заметка в названной газете под заглавием “Кошмарная сказка жизни”... Болтенков обещал давать корреспонденту “Текущего дня” выдержки из следственного дела о Белоусове и Тивоненко для помещения в названной газете». Сутенер Белоусов был обвинен (как оказалось, ложно) одной проституткой в том, что он лишил ее девственности и вовлек в проституцию. Городовой Тивоненко, в свою очередь, обвинялся в соучастии в «коммерции» Белоусова. Сам Шадрин считал, что это – правда, но проведенное Полетика расследование показало, что Тивоненко, хоть и брал с домов терпимости доход, но всячески скрывал это и в деле непосредственно не участвовал⁵⁴.

Ознакомившись с запиской Полетика и объяснением Шадрин, исполняющий обязанности военного губернатора В.И. Лодыженский написал Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти представление, датированное 9 января 1914 г.:

«Ознакомившись с данными произведенной Чиновником особых при мне поручений ревизии деятельности Никольск-Уссурийского врачебно-полицейского комитета, я усматриваю, что Никольск-Уссурийский полицмейстер Шадрин, исполняя должность Председателя Никольск-Уссурийского врачебно-полицейского комитета, привел дело надзора за проституцией к совершенному развалу своей бездеятельностью с одной стороны и беспрестанными превышениями власти с другой.

В домах терпимости были женщины моложе 21 года, проживали они в этих домах без регистрации и без документов о личности, содержательницы домов терпимости не имели установленного возраста, фактическими хозяевами домов терпимости были сутенеры и другие преступные типы.

Делопроизводство комитета, в том числе особенно казначейская часть, находилось всецело в руках секретаря комитета и не было подчинено какому-либо контролю со стороны Председателя Комитета и найдено за время председательствования в комитете Шадрина в состоянии полнейшего хаоса»⁵⁵.

В своем представлении Лодыженский признал полное «несоответствие г. Шадрина занимаемой им должности Никольск-Уссурийского полицмейстера»:

«Я признаю, что Шадрин, занимая должность Полицмейстера в столь важном пункте, как г. Никольск-Уссурийский, в котором всегда скапливается масса преступного люда, совершенно не знаком ни с задачами, ни с обязанностями полицейской службы и негоден для осуществления первых и несения последних.

Малообразованный, малосведущий в законах, плохо разбирающийся в правилах этики, лишенный такта, г. Шадрин не может держать на должной высоте авторитета занимаемой им должности.

Преступность в г. Никольск-Уссурийском за последние годы достигла большого развития, и большинство выдающихся преступлений, благодаря нераспорядительности и неопытности полицмейстера, не открыто...

Наружная полиция... поставлена из рук вон плохо...

Среди чинов Никольск-Уссурийской полиции при Полицмейстере г. Шадрине развились партийность, взаимные интриги, клеветы и доносы».

Интересно окончание этого документа: «Признавая подобный порядок недопустимым, – пишет Лодыженский. – а полицмейстера г. Шадрина неспособным установить должный порядок, и принимая во внимание, что 29 апреля т.г. он выслуживает полную пенсию, я прошу разрешения Вашего Высокопревосходительства предложить г. Шадрину подать прошение об отставке не возбуждая против него судебного преследования за допущенное им бездействие власти, так как дальнейшая служба г. Шадрину не даст никаких новых преимуществ, а для пользы дела будет безусловно вредна». Документ подписан Лодыженским и Полетика⁵⁶.

Видно, что вице-губернатор старался «отмазать» Шадрина от серьезной ответственности, обеспечить ему путь отступления. Между тем негативные факты о деятельности полицмейстера Никольск-Уссурийского накапливались. 28 января 1914 г. Полетика представил Лодыженскому рапорт, в котором были подтверждены обвинения против Шадрина в связи с незаконным бизнесом хозяина «Гранд-Отеля» Ханомирова. Чиновник писал, что «сыскной кредит расходуется полицмейстером Шадриним неправильно», что «среди расписок, представляемых при отчетах, имеются фиктивные», и заключал: «Принимая во внимание, что все эти факты рисуют полицмейстера Шадрина с самой отрицательной стороны, считаю долгом службы довести о них до сведения Вашего Превосходительства»⁵⁷.

Поняв, что все кончено, Шадрин согласился уйти в отставку по болезни. Для этого 26 февраля 1914 г. было проведено медицинское освидетельствование.

Акт медицинского освидетельствования, подписанный никольск-уссурийским городским врачом и никольск-уссурийским уездным врачом Сущинским в присутствии никольск-уссурийского уездного начальника Куржанского, гласит:

«Г. Шадрин, 49 лет, роста выше среднего, питания удовлетворительного, на службе с 1884 года.

По словам свидетельствуемого, он в детстве перенес скарлатину, потом юношей 14 лет тяжелую болотную лихорадку... В 1892 году сильно страдал грудью, принимал креозот... Около этого же времени заболел и острым сочленовым ревматизмом. С 1903 года начали проявляться боли в области сердца, сопровождающиеся сердцебиением, одышкой и пр... Состояние здоровья ухудшается при малейшем волнении и доходит иногда до истерики. Кроме того, г. Шадрин жалуется на частые головные боли в затылочной области, запоры и геморрой... Объективные данные... Со стороны легких ничего ненормального не обнаружено. Границы сердца увеличены... Тоны сердца глухи... Стояние и хождение при закрытых глазах затруднительно, хотя в общем со стороны нервной системы особых отклонений от нормы не обнаружено... Живот вздут газами...». В заключении говорилось, что «Г. Шадрин страдает хроническим суставным ревматизмом, общим малокровием и неврастенией... Состояние сердца, его значительная гипертрофия указывает на давность и серьезность ревматизма»⁵⁸.

Решение об отставке Шадрина было принято в марте 1914 г.⁵⁹ 3 апреля Шадрин подал военному губернатору Приморской области ходатайство об отпуске на один месяц с увольнением с 1 июня 1914 г. в отставку и о назначении пожизненной пенсии за выслугу более 35 лет в отдаленных местностях⁶⁰. 15 апреля Лодыженский послал представление генерал-губернатору⁶¹. 1 мая Шадрин был отправлен в отпуск⁶² (в этот же день край покинул и его покровитель Лодыженский), а 1 июня уволен в отставку, согласно прошению, по болезни⁶³.

Переписка о назначении Шадрину просимой пенсии тянулась почти целый год. Расчет службы делался следующим образом: с 7 августа 1884 г. по 1 июня 1914 г. Шадрин прослужил 29 лет, 9 месяцев, 23 дня; сахалинская служба (1895 – 1908 гг.) считалась 2 дня за 3, что добавляло 6 лет, 1 месяц, 5 дней; приморская служба (1908 – 1914 гг.) считалась 3 дня за 4, добавляя еще 2 года, 1 месяц, 2 дня. Итого у Шадрина получалось 38 лет службы, за которые и полагалось начислить пенсию⁶⁴.

13 октября 1914 г. Министерство финансов согласилось выдавать бывшему полицмейстеру Амурскую пенсию 875 руб. в год⁶⁵. 22 января 1915 г. циркуляром Департамента общих дел Министерства внутренних дел Шадрину была дополнительно назначена еще

и пенсия в усиленном размере 1 500 руб.⁶⁶ Последний документ, в котором упомянута фамилия Шадрина – это справка, свидетельствующая о том, что «Шадрин проживает в г. Хабаровске в квартире помощника полицмейстера Петрова». Справка датирована 8 марта 1915 г.⁶⁷

* * *

Неизвестно, праздновали ли жители Никольск-Уссурийского избавление от полицмейстера Шадрина, как они праздновали «освобождение» от его предшественника полицмейстера Тауца. Но вряд ли он оставил по себе добрую память. История Шадрина и Серика является яркой иллюстрацией быта и нравов дальневосточной полиции и всего дальневосточного общества начала XX в. Одного коррумпированного полицмейстера сменял другой. Чины полиции, вместо того, чтобы бороться с преступностью, стремились обогатиться, воруя казенные деньги, покрывая проституцию несовершеннолетних, азартные игры и т.п. Попытки добросовестных и честных полицейских восстановить справедливость заканчивались их увольнением, а коррупционеры продолжали творить свои темные делишки, поскольку пользовались покровительством вышестоящего начальства.

Примечания

¹ Позняк Т.З. «Азиатские кварталы» Владивостока и коррупция полиции в начале XX в. // Владивосток: история и современность. Владивосток, 2011. С. 100–108; Позняк Т.З. Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века // Ойкумена. 2011. № 3(18). С. 80–89.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 27–34.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Население Приморской области // Приморский край (Владивосток). 1913. 28 июля. С. 3.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 2.

⁶ Новый полицмейстер // Уссурийская окраина (Никольск-Уссурийский). 1911. 15 янв. Приложение к № 11.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Рефлектор. К юбилею освобождения крестьян // Уссурийская окраина. 1911. 23 февр. С. 2.

¹⁰ К аресту редактора нашей газеты К.И. Лепина // Уссурийская окраина. 1911. 24 февр. С. 2.

¹¹ Законно или целесообразно? // Уссурийская окраина. 1911. 27 февр. С. 2.

¹² Удобно ли? // Уссурийская окраина. 1911. 10 марта. С. 2.

¹³ Неосведомленность // Уссурийская окраина. 1911. 11 марта. С. 2.

¹⁴ Стрелочник виноват // Уссурийская окраина. 1911. 13 марта. С. 2.

¹⁵ Rit. «Не заметил» // Океанский вестник (Владивосток). 1911. 15 марта. С. 2.

¹⁶ Письмо в редакцию // Уссурийская окраина. 1911. 15 марта. С. 3.

¹⁷ Странное распоряжение // Уссурийская окраина. 1911. 19 марта. С. 2.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2640. Л. 21, 37.

¹⁹ Выговор // Уссурийская окраина. 1911. 10 сент. С. 3.

²⁰ Кража в полиции // Уссурийская окраина. 1911. 23 февр. С. 2.

²¹ Кража в полиции // Уссурийская окраина. 1911. 14 сент. С. 2.

²² Застенки бесправия ужасов // Уссурийская окраина. 1911. 26 окт. С. 2.

²³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1211. Л. 12.

²⁴ Там же. Л. 13.

²⁵ Там же. Л. 11а.

²⁶ Там же. Л. 15.

²⁷ Там же. Л. 9.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 12.

³⁰ Там же. Л. 16–19.

³¹ Памятная книжка Приморской области на 1913 год. Владивосток, 1913. С. 110.

³² Освобождение от полицмейстера // Утро России (Москва). 1910. 7 мая.

³³ Наконец-то // Уссурийская окраина. 1911. 11 февр. С. 2.

³⁴ К назначению // Уссурийская окраина. 1913. 26 февр. С. 2.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1211. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 2, 3.

³⁷ Там же. Л. 36, 39.

³⁸ Там же. Л. 15, 20.

³⁹ Там же. Л. 7, 8.

⁴⁰ Там же. Л. 21.

⁴¹ Там же. Л. 47.

⁴² Там же. Л. 49.

⁴³ Там же. Л. 52.

⁴⁴ Там же. Л. 48.

⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Л. 106, 107.

⁴⁶ Заседание городской думы (Собрание 17 февр.) // Приморский край (Никольск-Уссурийский). 1912. 19 февр. Приложение к № 40. С. 3.

⁴⁷ В редакцию газеты «Приморский край» // Приморский край. 1912. 26 февр. С. 4.

⁴⁸ Городская больница // Приморский край. 1912. 29 февр. С. 2, 3.

⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1368. Л. 7–18.

⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 52, 53.

⁵¹ Там же. Л. 55.

- ⁵² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2205. Л. 116.
⁵³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 44–50.
⁵⁴ Там же. Л. 37–42.
⁵⁵ Там же. Л. 35, 62.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Там же. Л. 61.
⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2390. Л. 3.
⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 64.
⁶⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 65; Ф. 1. Оп. 2. Д. 2390. Л. 1.
⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 66.
⁶² Там же. Л. 68, 69.
⁶³ Там же. Л. 70.
⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2390. Л. 20.
⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2333. Л. 78.
⁶⁶ Там же. Л. 77.
⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2390. Л. 36.

Автор, аннотация, ключевые слова

Агапов Вадим Львович – канд. ист. наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
agapov_vl@mail.ru

В статье, основанной на неопубликованных документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, рассказывается об истории, которая произошла в городе Никольск-Уссурийский Приморской области накануне Первой мировой войны. В 1911 г. полицейский П.И. Серик, известный своей добросовестной службой, был отстранен от исполнения своих служебных обязанностей начальником городской полиции И.М. Шадриним. После этого полицейский подал начальству Приморской области несколько жалоб, в которых пытался добиться справедливости. При этом он сообщил немало сведений о преступлениях по должности начальника полиции и чинов полиции Никольск-Уссурийского: о коррупции, покровительстве проституции и азартным играм. Правдивость сообщенных им сведений во многом подтверждалась статьями в местных газетах. Однако Шадрину удалось убедить военного губернатора Приморской области, что Серик – клеветник, которому нельзя верить. Полицейский был уволен по позорной 788-й статье Устава о службе без пенсии и права поступления на государственную службу. Спустя два года расследование подтвердило многие факты, о которых сообщал полицейский Серик. Однако начальник полиции Никольск-Уссурийского не был отдан под суд. Шадрин был признан не соответствующим занимаемой должности, и в 1914 г. получил почетную отставку и полную пенсию. Так коррупция восторжествовала над честным исполнением служебного долга.

Российская империя, Дальний Восток России, Приморская область,

Никольск-Уссурийский (Уссурийск), полиция, коррупция, проституция, азартные игры, расследование, периодическая печать, журналистика

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Poznyak T.Z. Kitayskie immigranty i korrumpirovannost chinovnikov na rossiyskom Dalnem Vostoke v nachale XX veka. *Oykumena*, 2011, no. 3(18), pp. 80–89.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Poznyak T.Z. “Aziatskie kvartaly” Vladivostoka i korruptsiya politzii v nachale XX v. *Vladivostok: istoriya i sovremennost* [Vladivostok: History and Modernity]. Vladivostok, 2011, pp. 100–108.

Author, Abstract, Key words

Vadim L. Agapov – Candidate of History, Senior Lecturer, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
agapov_vl@mail.ru

The article, based on unpublished documents from the Russian State Historical Archive of the Far East, narrates a story that occurred in the town of Nikolsk-Ussuriisk, Primorsky region (Primorye), before World War I. In 1911 policeman P.I. Serik, known for his good service, was discharged of his duties by I.M. Shadrin, head of the municipal police. Following that the policeman filed several complaints to the regional authorities striving for justice. Moreover, he reported a number of criminal activities in which the police head and some other ranks were involved in Nikolsk-Ussuriisk, such as corruption, patronizing prostitution and gambling. The truthfulness of his information was reaffirmed by the local press. However, Shadrin managed to persuade the military governor of Primorsky region that Serik was a libeler and the one not to be trusted. As a result, the policeman was sacked according to disgraceful Article 788 of the Service Regulation, without any pension and with a ban for employment in public service. Two years later an investigation proved many of the facts reported by policeman Serik. Nevertheless, the head of police in Nikolsk-Ussuriisk was never prosecuted. Shadrin was deemed inadequate for his position and in 1914 he retired with honors and a full pension. Thus, corruption triumphed over honest service.

Russian Empire, Russian Far East, Primorsky region (Primorye), City of Nikolsk-Ussuriisk (Ussuriisk), police, corruption, prostitution, gambling, investigation, periodical press, journalism

НАЛАЖИВАНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. Kolesnichenko

The Arrangement of Interdepartmental Cooperation in Primorye during the Great Patriotic War

В годы Великой Отечественной войны организация межведомственного взаимодействия являлась важнейшим условием решения хозяйственно-экономических и военных задач, вставших перед Приморским краем во время Великой Отечественной войны.

В 1941 – 1945 гг. структура органов власти Приморского края была представлена краевым, областным, районными, городскими Советами депутатов трудящихся, но основную роль в управлении играли исполнительные комитеты (исполкомы) советов соответствующего уровня: Приморский краевой, Исполком Уссурийской области, 5 городских, 26 районных, 6 городских райисполкомов. Приморский крайисполком возглавляли Б.К. Чубаров, с ноября 1943 г. – А.Ф. Блощаненко.

Практически же вся полнота власти была сосредоточена в партийных органах – Приморском краевом комитете ВКП(б) (далее – Примкрайком), который с октября 1937 по 1947 гг. возглавлял первый секретарь Н.М. Пегов. Опираясь на сеть партийных организаций (областной, городской, районные комитеты), Примкрайком контролировал деятельность всех учреждений, принимая решения по ключевым вопросам развития края. Первый секретарь крайкома формально и по сути был представителем ЦК ВКП(б), отвечая за состояние и развитие Приморского края. Организационно Примкрайком включал особое бюро и отделы: кадров, пропаганды и агитации, инструкторский, сельского хозяйства, военный, промышленности, транспорта¹.

Одной из важнейших особенностей развития Дальнего Востока СССР и Приморского края в 1930-е гг. было постоянное наращивание находившейся здесь военной группировки, сопровождавшееся масштабным оборонительным строительством и развитием военной инфраструктуры². К началу Великой Отечественной войны в Приморье дислоцировались 1-я Краснознаменная и 25-я армии Дальневосточного фронта, а также ряд других частей. В июле 1941 г. была сформирована 35-я армия, а в августе 1942 г. – 9-я воздушная армия. Таким образом, из шести общевойсковых армий, входивших в состав Дальневосточного фронта в 1943 г., три дислоцировались в Приморье. С января 1941 по апрель 1943 гг. войсками Дальнево-

сточного фронта командовал И.Р. Апанасенко, а с апреля 1943 до начала августа 1945 гг. – М.А. Пуркаев³.

Основная часть сил Тихоокеанский флота также базировалась в Приморье: во Владивостоке находились Главная военно-морская база и штаб флота. В 1941 г. Тихоокеанский флот включал две бригады надводных кораблей, три бригады подводных лодок, бригаду торпедных катеров, две авиационные бригады, ряд отдельных дивизионов кораблей и катеров, части береговой обороны и тыла. Общая списочная численность личного состава в июне 1941 г. составляла 117 тыс. С марта 1939 до 1947 гг. флотом командовал И.С. Юмашев⁴.

Как следствие, в 1941–1945 гг. численность военнослужащих на территории Приморского края была сопоставима с численностью гражданского населения: в крае проживало около 1 млн человек, а в 1943 – 1945 гг. около 900 тыс., при этом общая численность военнослужащих в середине 1944 г. составляла более 500 тыс. человек, а к середине 1945 г. – около 650 тыс.⁵

Еще одной особенностью развития Приморья с начала 1930-х гг. было масштабное использование труда заключенных в военном и гражданском строительстве, промышленном производстве, сельском хозяйстве. Владивостокский исправительно-трудовой лагерь НКВД (Владлаг) был создан в апреле 1939 г.⁶, и первоначально подчинялся Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК) Управления НКВД по Хабаровскому краю. В 1940 г. Владлаг был реорганизован в Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК) УНКВД по Приморскому краю и подчинен непосредственно ГУЛАГ НКВД СССР, а с первого декабря 1941 г. подчинялся УИТЛиК Управления НКВД по Приморскому краю. В январе 1941 г. в УИТЛиК УНКВД числилось 36 459 заключенных, в начале 1942 г. – 23 624, к 1943 г. – 14 485, в июле 1944 г. – 8 866⁷.

Кроме того, Приморский железнодорожный ИТЛ (образован в 1939 г.) Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР осуществлял строительство железных дорог, а после его расформирования в 1940 г. железнодорожное строительство продолжалось силами других ИТЛ. В Приморье также дислоцировались управление ИТЛ и Строительства № 263 НКВД (постройка порта и судоремонтного завода в поселке Советская Гавань)⁸.

В предвоенные годы и в период войны заключенные работали на строительстве важнейших объектов, в сельском хозяйстве и на лесозаготовках, а в сфере оборонительного строительства занимались постройкой шоссейных дорог, аэродромов, зданий и сооружений. Для организации работ в этих сферах в структуре УНКВД по Приморскому краю функционировали Управления авиационного и дорожно-шоссейного строительства, получавшие рабочую силу из Владлага.

* * *

Характеризуя механизмы взаимодействия партийных, советских органов власти и военных учреждений в Приморье, следует отметить, что они строились с учетом стратегического положения края, определившего приоритет развития оборонного потенциала перед остальными задачами. В соответствии с постановлениями высших органов партийной и государственной власти (Государственного Комитета Оборона (ГКО), ЦК ВКП(б) и других) Советы и исполкомы всех уровней решали широкий круг задач по обеспечению обороноспособности стратегически значимых районов, включая строительство оборонительных рубежей, аэродромов, выделение ресурсов для нужд военных (топливо, продовольствие, строительные материалы, транспорт), обеспечение воинских частей и штабов электроэнергией и теплом, использование местных объектов и выделение земель, ремонт дорог и объектов транспортной инфраструктуры местного значения, военную подготовку местного населения. Ответственность за выполнение принимавшихся решений, равно как и контроль за их исполнением территориальными органами власти, предприятиями и организациями, учет и распределение ресурсов, а также урегулирование взаимоотношений различных ведомств в Приморье (Дальневосточный фронт, Тихоокеанский флот, НКВД, Наркомат путей сообщения, краевые организации, предприятия наркоматов) осуществлял Примкрайком.

На региональном уровне формировалась система сдержек и противовесов, позволявшая поддерживать состояние соперничества и конкуренции военной и гражданской элит.

С момента образования Приморского края в октябре 1938 г. 1-й секретарь Примкрайкома Н.М. Пегов являлся членом Военных советов 1-й Краснознаменной армии и Тихоокеанского флота. В свою очередь, командующий Тихоокеанским флотом Н.Г. Кузнецов (с марта 1939 г. – И.С. Юмашев) и командующий 1-й Краснознаменной армией Г.М. Штерн входили в состав бюро Примкрайкома ВКП(б).

Как отмечает Г.А. Ткачева, система управления, существовавшая на региональном уровне, не предусматривала создания комитетов или комиссий по вопросам взаимодействия с командованием Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. В результате отсутствия единых законодательных норм и неточности формулировок подзаконных актов ведомственного уровня создавали правовую неопределенность в действиях должностных лиц⁹.

Важную роль в налаживании межведомственного взаимодействия, включая контрольную функцию, играло Управление НКВД по Приморскому краю. В 1938 – 1941 гг. УНКВД по Приморскому краю возглавлял М.Г. Гвишиани, в 1943 – 1950 гг. он занимал пост начальника Управления НКГБ–МГБ по Приморскому краю. С февраля по август 1941 г., а затем с мая 1943 г. и до 1946 г. Управление НКВД возглавлял А.С. Закусило.

Кроме того, контрольные функции выполняли аппарат уполномо-

ченного Наркомата государственного контроля по Приморскому краю и аппарат уполномоченного Госплана СССР по Приморскому краю (создан в 1944 г.). Центральное место в системе контролирующих органов занимала комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). В Приморском крае функционировал аппарат уполномоченного Комиссии партийного контроля, осуществлявший проверку не только партийной работы, но и выполнение постановлений ЦК ВКП(б), СНК СССР, ГКО.

В ряде случаев вопросы взаимодействия военных учреждений и партийных органов на Дальнем Востоке выносились на уровень высшего руководства страны: так, тревогу гражданских властей вызывала начавшаяся летом 1941 г. эвакуация семей комсостава из приграничных районов.

Секретарь Приморского крайкома ВКП (б) Н.М. Пегов в своих мемуарах так отметил эту ситуацию: «По указанию Москвы из Владивостока в глубинные районы страны были эвакуированы семьи военнослужащих и железнодорожников. Эта эвакуация не осталась, конечно, незамеченной и вызвала в крае, особенно в городах, тревогу и кривотолки»¹⁰. По данным начальника тыла Тихоокеанского флота на 2 декабря 1941 г. из Приморского края было эвакуировано 4 506 жен и 5 336 детей военнослужащих¹¹.

С началом войны экономика Дальнего Востока перестраивалась с учетом условий военного времени: оккупация части наиболее экономически развитой территории СССР, эвакуация промышленных предприятий на Восток страны летом – зимой 1941 г. при постоянно возрастающих потребностях действующей армии привели к резкому сокращению централизованного снабжения, уменьшению объемов гражданского строительства, при этом промышленность и транспорт переориентировались на выполнение военных заказов.

Потеря значительного количества вооружения, техники, имущества, продовольствия, топлива летом – осенью 1941 г. вызвали необходимость их масштабного изъятия из стратегических резервов и мобилизационных запасов в восточных регионах страны, что привело к серьезному сокращению снабжения военной группировки на Дальнем Востоке. В этих условиях обеспечить минимальные потребности военных можно было лишь за счет максимального использования местных ресурсов. При этом объемы стоящих задач в условиях острого дефицита создавали потенциал конфликтности в сфере межведомственного взаимодействия.

В 1939 – 1940 гг. объем освоенных капитальных вложений по наркоматам в Приморском крае составлял около 770 млн руб. в год, в 1941 г. – около 640 млн, а в 1942 – 1943 гг. лишь 335 и 158 млн руб. соответственно. При этом в 1942 г. на долю Наркоматов обороны, Военно-морского флота, путей сообщения и НКВД пришлось более 147 млн освоенных средств, на Наркоматы вооружений, судостроительной промышленности, авиапромышленности, вооружения и

боеприпасов, связи – около 30 млн руб., а в 1943 г. – 73,4 и 29,7 млн руб. соответственно¹².

Всего же за пять лет (с 1939 по 1943 гг.) в общем объеме освоенных капиталовложений по Приморскому краю на долю Наркоматов обороны и Военно-морского флота пришлось 15,6 % и 15,4 % соответственно (кроме того, 1,6 % – на долю Военно-строительного управления Главвоенстроя по Тихоокеанскому флоту), НКВД – 11,5 %, НКПС – 8,6 %, Наркомсудпром – 7,1 %, Наркомавиапром – 4,4 %, Наркомат вооружения и боеприпасов – 2,2 %. Таким образом, на создание оборонно-экономического потенциала края в указанный период расходовалось более 65 % всех капиталовложений¹³.

Мобилизация военнообязанных граждан, техники и оборудования существенно осложнила работу промышленности и сельского хозяйства.

В отчете Примкрайкома отмечалось, что в 1941 – 1942 гг. «основная масса строителей была призвана в РККА... число рабочих на отдельных стройках сократилось в 5-7 раз, тогда как планы этих строек остались в полном объеме»¹⁴. С ведущего судоремонтного предприятия Дальнего Востока – завода № 202 «Дальзавод» (г. Владивосток) – в 1941 – 1943 гг. было призвано около 2 600 рабочих, из них 1 500 кадровых с квалификацией от 4-го разряда и выше¹⁵. Призванные рабочие заменялись женщинами, подростками и лицами старших возрастов. В результате в годы войны большинство предприятий Приморья постоянно имели некомплект рабочих: в 1944 г. на заводе № 202 количество рабочих составляло 89,6 % от плана, на Спасском цементном заводе – 77,5 %, на снаряжательном заводе № 515 Наркомата боеприпасов – 91 %¹⁶.

Частично нехватка рабочей силы на стройках и производстве компенсировалась использованием труда военнослужащих: например, военно-строительное управление Дальневосточного фронта выделяло личный состав для строительства комбикормового завода в г. Ворошилов-Уссурийский и снаряжательного завода № 515 в пос. Семеновка. Военнослужащие железнодорожных войск принимали участие в сборке вагонов, поставляемых по ленд-лизу в г. Ворошилов-Уссурийский, личный состав Тихоокеанского флота использовался в погрузочно-разгрузочных работах в порту Владивостока¹⁷. Распоряжением ГКО от 28 января 1944 г. командующий Дальневосточный фронт обвязывался к 30 января передать из состава войск фронта 1 000 военнослужащих, годных к нестроевой службе, для работы во Владивостокском порту, со снятием их со всех видов довольствия¹⁸.

Схожая ситуация складывалась в деле мобилизации транспорта и техники: в начале 1941 г. в крае имелось 5 896 автомашин (из них 4 826 грузовиков) и 61,3 тыс. лошадей, к сентябрю 1942 г. для нужд фронта было мобилизовано 2 775 автомашин, 665 тракторов, 14 986 лошадей¹⁹ (более 50 % всех автомашин и более 20 % лоша-

дей, имевшихся в крае). Изъятие автомобилей из автопарка Приморья проводилось и в дальнейшем: постановлением ГКО от 12 апреля 1943 г. Хабаровский и Приморский крайкомы в течение месяца обвязывались изъять из автохозяйств (за исключением автохозяйств предприятий союзных наркоматов) и передать Дальневосточному фронту соответственно 900 и 600 грузовых автомашин, требующих капитального ремонта²⁰.

Дальневосточное государственное морское пароходство передало Тихоокеанскому флоту ряд судов для использования в качестве военных транспортов: 34 судна пароходства приняли участие в перевозке воинских грузов и доставке десантов в период боевых действий против Японии в августе 1945 г.²¹.

В большинстве случаев приказы о мобилизации работников и выделении техники и транспорта гражданские организации и местные органы власти выполняли в установленные сроки.

Еще одним важнейшим вопросом было развитие оборонной промышленности в крае, включая ввод в строй предприятий оборонного значения, реконструкцию имевшихся к началу войны предприятий, организацию производства военной продукции на непрофильных предприятиях.

С началом войны были законсервированы строившиеся в Приморье заводы по производству точных приборов, химический, судоремонтный, по ремонту артиллерийских систем, по производству жидкого топлива, а также вторая очередь Спасского цементного завода, существенно затянулась реконструкция завода № 202.

Производство продукции военного назначения было организовано на всех крупных промышленных предприятиях края вне зависимости от специализации. В условиях дефицита квалифицированной рабочей силы, ресурсов и материалов, масштабы стоящих перед промышленностью задач регулярно отмечались случаи неисполнения обязательств предприятиями и организациями края. Так, в 1942 г. Инженерное управление Дальневосточного фронта обращалось к краевым властям с просьбой оказать воздействие на Дальневосточное управление морского флота, которое не справилось с планом по изготовлению двух комплектов деревянных мостовых парков ДМП-42, ссылаясь на отсутствие леса, металла и т.д.²² Строительные недоработки не позволяли полноценно эксплуатировать новое нефтеранилище Дальневосточного фронта в пос. Новосысоевка, нехватка рабочей силы не позволила выполнить план строительства складов горючего Тихоокеанского флота во Владивостоке «Владнефтестроем» и т.д. Тем не менее, планы по выпуску оборонной продукции имели приоритет, что позволяло частично решать многочисленные проблемы: в 1944 г. оборонные предприятия Приморья выполнили план на 93,5 %²³.

В документах партийных организаций содержатся многочисленные обращения командования Дальневосточного фронта, Тихооке-

анского флота, общевойсковых и воздушных армий, воинских соединений и частей к руководству Примкрайкома с просьбой о выделении различных ресурсов.

Например, в 1943 г. в Примкрайком дважды поступали просьбы командующего 9-й воздушной армией о выделении материалов для ремонта и эксплуатации самолетов (в марте и сентябре), штаб 1-й Краснознаменной армии (в апреле) просил о возбуждении ходатайства перед Наркоматом путей сообщения о сдаче армии вагонов в аренду, а в ноябре о выделении из колхозов и совхозов 200 сортовых верховых лошадей с заменой их равноценными, но упряжного состава из воинских частей, командующий артиллерией Дальневосточного фронта ходатайствовал о передаче авторемонтной мастерской треста Приморсклеспром (в июне), а начальник Автомобильного управления фронта Межеумов – о предоставлении материалов для ремонта 200 автомашин, работавших на уборочной кампании в Приморье (в декабре).

Аналогичные просьбы поступали от Военного совета, управлений, отделов и воинских частей Тихоокеанского флота: в феврале 1942 г. начальник ВВС генерал-майор Лемешко просил о выделении материалов для строительства укрытий для самолетов на аэродромах, начальник инженерного отдела флота инженер-полковник Квочкин в марте и апреле – об обеспечении строительства аэродрома «Вторая Речка» стройматериалами, а в ноябре выделении 4 000 тыс. человек и 1 000 подвод для восстановления аэродромов после снегопадов в зимний период, начальник ПВО Тихоокеанского флота генерал-майор Суворов – об обеспечении офицеров частей ПВО квартирами (в октябре)²⁴.

В большинстве случаев заявки военных удовлетворялись частично, а в случае невозможности выделения требуемых ресурсов за счет резервов края Примкрайком обращался в правительственные учреждения. Так, в сентябре 1943 г. в ответ на просьбу командующего 9-й воздушной армией о выделении материалов, необходимых для подготовки самолетов к эксплуатации в зимний период, часть из них была получена от краевых организаций, а по остальным (асбест, сталь листовая, проволока железная) отправлены телеграммы заместителю председателя СНК А.И. Микояну и председателю Госплана Н.А. Вознесенскому. В результате часть материалов была выделена из общегосударственных резервов, поступавших по ленд-лизу и хранившихся на территории Приморского края²⁵.

Ряд просьб в силу различных причин не был удовлетворен, как, например, запросы командования 9-й воздушной армии о передаче части оборудования местных предприятий (локомобили, трансформаторы, электрогенераторы) авиаремонтным мастерским, командующего артиллерией Дальневосточного фронта – о передаче в его распоряжение авторемонтной мастерской треста Приморсклеспром и ряд других²⁶.

Обеспечение воинских частей и расквартирование войск силами гражданских организаций и территориальных органов власти также требовало участия Примкрайкома. Так, с ноября 1942 г. по январь 1943 гг. в г. Ворошилов-Уссурийский отмечались перебои со снабжением электроэнергией штабов, домов начальствующего состава и котельных 1-й Краснознаменной, 25-й и 9-й воздушных армий, что приводило к авариям котельных установок и системы отопления²⁷. Случалось, гражданские организации отказывались снабжать воинские части и городки электроэнергией без предоставления последними топлива (в г. Спасск и гарнизон в пос. Манзовка)²⁸. В таких случаях военными советами общевойсковых армий либо начальником тыла Дальневосточного фронта первому секретарю Примкрайкома Н.М. Пегову направлялись жалобы, по которым оперативно принимались соответствующие меры.

Одной из наиболее важных задач в годы войны было обеспечение строительства рубежей и узлов обороны на сухопутной границе и на побережье, постройка и ремонт аэродромов – гражданское население края, а также заключенные УИТЛиК активно участвовали в этом.

Так, в соответствии с планами строительства Тылового сектора береговой обороны главной военно-морской базы Тихоокеанского флота во Владивостоке, которое началось в августе 1941 г., к работам планировалось привлечь 17 680 человек, из них 9 000 гражданского населения, 4 880 военнослужащих, 3 800 заключенных. Реально на начало сентября 1941 г. на строительстве работало 9 306 человек, из них 2 361 гражданского населения, 1 200 заключенных. Летом 1942 г. на строительстве работало 8 800 гражданских из 15 000 по плану²⁹.

В декабре 1942 г. бюро Примкрайкома приняло постановление о приспособлении населенных пунктов Приморского края к обороне и о привлечении населения к этим работам. Районными и городскими комитетами партии были утверждены планы работ, по которым они ежемесячно отчитывались перед бюро Примкрайкома. В районах и городах края создавались штабы руководства строительством, возглавляемые руководителями исполкомов, в их состав включались представители райкомов и горкомов ВКП(б), командования гарнизонов и воинских частей, военные инженеры³⁰.

В 1943 г. распоряжением ГКО Примкрайисполкому разрешалось мобилизовать в сентябре 1 500 человек из числа неработающего трудоспособного населения и учреждений местного подчинения для работы по строительству оборонительных рубежей Тихоокеанского флота на срок до четырех месяцев³¹.

Несмотря на строгий контроль со стороны партийных органов, сроки и объемы работ, выполняемых местным населением, постоянно находились под угрозой срыва, что регулярно приводило к конфликтным ситуациям. Не были выполнены решения крайкома ВКП(б) о выделении организациями и предприятиями края строй-

материалов и транспорта для оборонительного строительства, при этом ряд организаций не получили разнарядку о выделении транспорта и материалов. Но были и организации, отказавшиеся выполнять полученные распоряжения (Морфлот, Главвостоккрыбпром, Владнефтестрой, Приморская железная дорога). В докладе начальника Инженерного отдела Тихоокеанского флота полковника П.В. Квочкина первому секретарю Примкрайкома Н.М. Пегову (февраль 1943 г.) отмечалось, что, принятое решение о приспособлении всего строительства в крае к нуждам обороны не выполняется, поскольку строительство осуществляется без учета опыта войны и без согласования со штабами войск³².

В 1941 – 1943 гг. строительство военных аэродромов в Приморье велось преимущественно силами Управления НКВД по Приморскому краю с использованием труда заключенных Владлага. Райисполкомы и райкомы обеспечивали стройки материалами, техникой, местными трудовыми ресурсами, Примкрайком осуществлял общий контроль за ходом строительства. Однако в 1942 и 1943 гг. планы не были выполнены полностью из-за необеспеченности строек рабочей силой, неэффективной организации труда, простоев в работе механизмов и автотранспорта, дефицита горючего и нехватки запчастей.

Так, помощник командующего ВВС Тихоокеанского флота по тылу подполковник Ерух в январе 1943 г. обращался к Н.М. Пегову с жалобой на руководство Владлага: «Строительство аэродрома 2-я Речка, выполняемое Владлагом НКВД, задерживается окончанием и по тому отношению руководителей стройки, которое существует на сегодняшний день, аэродром не будет готов и в 1943 году...». По результатам неудовлетворительного хода стройки и самоуправства ряда руководителей Владлага было проведено разбирательство, начальник лагерного пункта Сергеевка был отдан по суду³³.

В апреле 1943 г. в Примкрайком поступило обращение начальника инженерного отдела Тихоокеанского флота инженер-полковника Квочкина, в котором сообщалось, что при плане освоения капиталовложений по аэродрому «Вторая Речка» на первый квартал 1943 г. в общей сумме 1 млн 107 тыс. руб., фактически было выполнено 88,3 тыс. руб. или 8 % квартального плана, что объясняется нехваткой рабочей силы. При плане поставки рабочей силы 600 человек в день, Владлаг фактически выделял на основное производство лишь 137 человек, в результате вместо запланированных 10 546 человеко-дней было фактически отработано 2 191 человеко-дней, то есть в пять раз меньше, стройка обеспечивалась стройматериалами крайне неудовлетворительно³⁴.

В 1944 г. в соответствии с постановлением ГКО от 11 мая «О строительстве в 1944 г. аэродромов и взлетно-посадочных полос для Красной Армии и ВМФ» был утвержден план постройки двух новых аэродромов Дальневосточного фронта в Приморье. Командующий ВВС фронта генерал-полковник авиации Жигарев обратился

к Н.М. Пегову с просьбой утвердить отвод участков, назначенных под строительство аэродромов, обязать Приморский Госсортфонд выделить из урожая 1944 г. 90 т. семян многолетних трав (для засева летних полей), а краевые организации – выделить недостающие строительные материалы (лес, кирпич, проволока, смола, известь, железо, стекло)³⁵.

В целом план постройки аэродромов в Приморье в годы войны был выполнен практически полностью: с 1941 по 1944 гг. было построено 17 аэродромов (из них 14 силами НКВД) общей сметной стоимостью около 150 млн. руб.³⁶

Несмотря на все проблемы, основные задачи оборонительного строительства в Приморье, включая развитие береговой обороны Тихоокеанского флота, аэродромное строительство, подготовку населенных пунктов к обороне, были выполнены, в чем огромная заслуга гражданского населения и организаций края.

Помимо этого, учреждения НКВД обеспечивали постройку наиболее важных автомобильных дорог края: например, в 1942 г. Управление шоссейного и дорожного строительства завершило строительство стратегической автодороги Кокшаровка – Варфоломеевка, связавшей тыловые районы края с автодорогой Владивосток – Хабаровск³⁷.

Еще одной сферой активного межведомственного взаимодействия было сельское хозяйство края. Необходимость обеспечения поставок продовольствия государству, снабжения населения и военнослужащих на Дальнем Востоке в условиях сокращения централизованного снабжения, уменьшения численности трудоспособного населения, нехватки сельхозтехники, транспорта и жестких лимитов на топливо стимулировали совершенствование форм сотрудничества Примкрайкома, райкомов, райисполкомов, командования Тихоокеанского флота, военных советов общевойсковых армий.

В этих условиях военная группировка стала важнейшим источником рабочей силы для сельского хозяйства края. В соответствии с решениями ГКО о привлечении военнослужащих и техники на сельхозработы, командование Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота на основании заявок Примкрайкома утверждали квоты на выделение военнослужащих и автомобильной техники районам края из состава армий, соединений и частей. В наиболее активные периоды в сельхозработах в Приморье участвовало от 5-7 до 15-22 тыс. военнослужащих. Так, в 1944 г. постановлением ГКО от 16 мая командующему Дальневосточным фронтом М. Пуркаеву разрешалось выделить 25 тыс. военнослужащих на период прополки и сенокосения сроком на два месяца³⁸. В соответствии с этим постановлением колхозам Приморского края из состава 1-й Краснознаменной, 25-й и 35-й армий выделялось в июне-июле (на период сенокосения) 5000 военнослужащих, а в июле-августе (на период уборки урожая) – 15 тыс. военнослужащих³⁹. Учитывая, что в годы

войны численность трудоспособного населения в колхозах края сократилась со 128,8 тыс. до 101,2 тыс.⁴⁰, помощь военнослужащих сельскому хозяйству была крайне важна.

Кроме того, практиковалось привлечение военнослужащих к разовым мероприятиям по оказанию помощи сельскому хозяйству. Так, в комсомольско-молодежных воскресниках 10 и 17 сентября 1944 г. приняли участие 26 686 человек, работавшие в 135-ти колхозах и совхозах края⁴¹. Военные ремонтные мастерские обеспечивали ремонт и обслуживание автомашин, тракторов и комбайнов колхозов, совхозов и МТС края, а воинские части выделяли транспорт для перевозки урожая.

Все воинские части Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота имели свои подсобные хозяйства. Для их обеспечения краевые организации, согласно распоряжениям Примкрайкома, выделяли сельскохозяйственные земли, семена, удобрения и химикаты, сельхозтехнику. Так, план посева 1-й Краснознаменной армии на 1944 г. составлял 11 545 га зерновых, картофеля и овощных культур⁴². В июле 1944 г. заместитель начальника тыла Дальневосточного фронта генерал-майор Ермилов обратился к секретарю Примкрайкома Пегову и руководителю Примкрайсполкома Блощаненко с просьбой о выделении войскам фронта совхозами, колхозами и МТС края 152 единицы уборочных машин (комбайны, жатки, самосборки, молотилки)⁴³.

Соответственно, здесь также возникал целый комплекс проблем: руководство Примкрайкома неоднократно обращалось к командованию Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота, Приморской группы войск, общевойсковых армий, воинских частей с письмами о несвоевременном и неполном выделении военнослужащих на сельскохозяйственные работы, невыполнением ими норм выработки.

У военных также были основания для претензий к гражданским властям. Например, командующий тыла Дальневосточного фронта гвардии генерал-майор Ермилов летом 1944 г. сообщал Н.М. Пегову, что на протяжении трех лет выделение земельных площадей частям фронта проводилось руководством районов края в разгар весенне-полевых работ, как правило, на короткий срок, что создавало исключительные трудности и не гарантировало качественной обработки земель⁴⁴.

Руководство районов Приморского края пыталось привлекать членов семей военнослужащих к сельскохозяйственным работам, однако эти попытки не всегда поддерживались военными: в обращении первого секретаря Примкрайкома Н.М. Пегова к военным советам дислоцированных в Приморье общевойсковых армий летом 1943 г. отмечались факты отказа членов семей военнослужащих участвовать в сельхозработах. В ответе командующего Приморской группой войск генерал-лейтенанта Ф.А. Парусинова разъяснялось, что члены семей офицеров в большинстве задействованы для работ

в подсобных хозяйствах и огородах воинских частей⁴⁵. При этом, в постановлении военного совета 35-й армии отмечалось, что из 1 307 трудоспособных членов семей офицеров армии 358 (27 %) нигде не работали⁴⁶.

Помимо сельского хозяйства требовалось наладить межведомственное взаимодействие в рыбной промышленности, поскольку увеличение добычи рыбы становилось важнейшим источником обеспечения военной группировки на Дальнем Востоке продовольствием. В ноябре 1941 г. вышел совместный приказ командующего Дальневосточного фронта и наркома рыбной промышленности «О военизации флота и рыбаков рыбной промышленности дальневосточного бассейна». Согласно мобилизационным планам организация «Главвостокрыбпром» передала Тихоокеанскому флоту 128 малых рыболовецких судов типа «кавасаки», 65 сейнеров, 2 дрейфтера⁴⁷. В 1943 г. процесс организации добычи, переработки и поставок рыбопродукции был частично упорядочен постановлением ГКО № 2788сс от 27 января. Согласно этому постановлению, план добычи рыбы для Дальневосточного фронта составлял 50 тыс. центнеров, а для Тихоокеанского флота 35 тыс. центнеров с соответствующим уменьшением их фондов централизованного снабжения рыбой. Командующий Дальневосточным фронтом И.Р. Апанасенко обязывался выделить 30 тыс. красноармейцев с соответствующим количеством начсостава (из них 10 тыс. в Приморье), Наркомат ВМФ – вернуть Наркомату рыбной промышленности (Наркорыбпром) ряд мобилизованных судов вместе с вооружением, командами и снаряжением (суда должны были сохраняться в боевой готовности), в том числе Тихоокеанский флот – 59 единиц, партийные и советские органы власти – обеспечить правильное использование рабочей силы, промыслового и транспортного флота, оказывать содействие Наркомрыбпрому в выполнении постановлений ГКО и Совнаркома⁴⁸.

На протяжении всего периода войны, особенно в 1941 – 1944 гг., напряженной была ситуация в сфере снабжения военной группировки на Дальнем Востоке продовольствием.

По результатам заготовительной кампании 1942 г. в Приморье было отмечено, что «в ряде районов благодаря несвоевременной и неудовлетворительно проведенной подготовительной работе... войсковые части не получили нужного запаса овощей». С целью совершенствования системы обеспечения воинских соединений и частей продовольствием в апреле 1943 г. Примкрайком и Примкрайисполком приняли ряд мер, включая совместное постановление о закреплении «спецпотребителей» (воинских соединений и частей) за колхозами и совхозами края⁴⁹.

Однако из-за наводнения 1943 г. в Приморье в сфере обеспечения населения края и военнослужащих сложилась кризисная ситуация.

На ноябрь 1943 г. план поставки краевыми организациями 25-й армии картофеля и овощей был выполнен на 48 % и 29 % соответ-

ственно, а районы и совхозы края прекратили поставки войскам армии, в результате потребность армии по сокращенной норме обеспечивалась лишь на 65 %. Военторги 1-й Краснознаменной и 25-й армий не получили 117 т. и 166,5 т. муки соответственно, Тихоокеанский флот овощами обеспечивался немногим более 60 %, картофелем – менее 50 %⁵⁰. В документе, подписанном начальником Управления снабжения Приморского округа войск НКВД, отмечалось, что «основные поставщики в поставке по нарядам капусты и овощей войскам НКВД отказали за отсутствием их в колхозах районов, о чем выдали справки»⁵¹.

Примкрайком, руководство районов края предприняли ряд мер по преодолению кризиса (включая завоз картофеля из Хабаровского края), однако ситуация с питанием оставалась напряженной.

Летом 1943 г. Военный совет Дальневосточного фронта обращался к Н.М. Пегову с просьбой об увеличении суточной нормы отпуска хлеба членам семей офицерского состава с 200 до 300 грамм на человека⁵².

Летом-осенью 1944 г. из-за срыва графика отгрузки муки приморским трестом Крайзаготзерно для военторгов края «во многих гарнизонах семьи офицеров в сентябре не получали хлеба по 3-5 дней. Военторги имеют значительную задолженность муки в/частям, вынужденных незаконно заимствовать последнюю...»⁵³.

Несмотря на все проблемы, взаимодействие различных ведомств позволило частично обеспечить сельское хозяйство и предприятия рыбной промышленности трудовыми ресурсами, снабдить население края и военнослужащих продовольствием.

* * *

Подводя итог, отметим, что в годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке были сформированы достаточно эффективные механизмы межведомственного взаимодействия. Несмотря на целый ряд проблем, имевших место в 1941 – 1943 гг., среди которых можно выделить вопросы разграничения полномочий военных и гражданских властей, несовершенство законодательства, отсутствие четкой регламентации ряда процессов, их постепенное решение привело к формированию к 1944 – 1945 гг. более совершенных механизмов межведомственного взаимодействия, позволявших эффективно урегулировать возникавшие кризисы и проблемы, либо снижать их остроту и масштаб, что стало важнейшим условием выполнения задач развития Приморского края в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ *Ткачева. Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы

Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Хабаровск, 2013. С. 47–51.

² *Колесниченко К.Ю.* Развитие военной группировки в Приморье в 1931– первой половине 1938 года // Военно-исторический журнал. 2016, № 14. С. 8–16.

³ *Петренко В.М.* Дальневосточный фронт накануне и в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 11. С. 20, 21.

⁴ Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой отечественной войны (1941 – 1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М., 1995. С. 38.

⁵ *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Хабаровск, 2013. С. 233.

⁶ *Сидоров Н.В.* ГУЛАГ НКВД: анфас и профиль. Том. 1. Владивосток, 2011. С. 116.

⁷ *Ткачева. Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Хабаровск, 2013. С. 132, 133.

⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: Справочник. М., 1998. С. 121, 515.

⁹ *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Хабаровск, 2013. С. 47.

¹⁰ *Пегов Н.М.* Далекое – близкое: Воспоминания. М., 1982. С. 147.

¹¹ *Ткачева Г.А.* Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Хабаровск, 2013. С. 177.

¹² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 3, 3об.

¹³ Там же. Л. 16–20.

¹⁴ Там же. Л. 15.

¹⁵ Там же. Л. 65.

¹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 68. Л. 6–8.

¹⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 90; Д. 384. Л. 27.

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 199. Л. 157, 157об.

¹⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 668. Л. 118.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 154. Л. 91.

²¹ ГАПК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 414. Л. 107.

²² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 384. Л. 17.

²³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 68. Л. 6.

²⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 359. Л. 90–92; Д. 354. Л. 5, 16.

²⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 384. Л. 1, 37, 40, 43.

²⁶ Там же. Л. 14, 22, 24.

²⁷ Там же. Л. 6, 7.

²⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 139.

²⁹ *Зайцев Ю.М.* Инженерно-строительные органы Тихоокеанского флота в 1932 – 1945 гг. Владивосток, 2007. С. 118, 119.

³⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 59. Л. 136.

³¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.

³² Зайцев Ю.М. Инженерно-строительные органы Тихоокеанского флота в 1932 – 1945 гг. Владивосток, 2007. С. 119.

³³ ГАПК.Ф. П-68. Оп. 4. Д. 359. Л. 8, 15.

³⁴ Там же. Л. 14.

³⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 81, 82.

³⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8. Л. 7; Д. 73. Л. 82, 83.

³⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 116. Л. 20.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 254. Л. 78, 78об.

³⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 44, 59–61

⁴⁰ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Хабаровск, 2013. С. 81.

⁴¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 123.

⁴² Там же. Л. 34.

⁴³ Там же. Л. 99.

⁴⁴ Там же. Л. 117.

⁴⁵ Там же. Л. 123.

⁴⁶ Там же. Л. 116.

⁴⁷ Ливенцев Д.В. Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917 – 1945 гг.). Воронеж, 2013. С. 338.

⁴⁸ ГАПК. Ф. 644. Оп. 1. Д. 84. Л. 24–28.

⁴⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 385. Л. 12.

⁵⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 385. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 20, 20об.

⁵² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 73. Л. 12.

⁵³ Там же. Л. 16

Автор, аннотация, ключевые слова

Колесниченко Кирилл Юрьевич – канд. полит. наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
kolesnichenko.kyu@dvfu.ru

В статье на основании документов российских государственных архивов рассматривается процесс налаживания взаимодействия партийных, советских, хозяйственных и военных учреждений в Приморском крае во время Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется взаимодействию в сфере сельскохозяйственного производства, строительства оборонительных объектов, снабжения сухопутных войск и Тихоокеанского флота продовольствием и другими материальными ресурсами. На конкретных примерах раскрывается руководящая и контролирующая роль Приморского краевого комитета партии большевиков и других партийных органов. Налаживание межведомственного взаимодействия позволило промышленным, сельскохозяйственным, рыбопромысловым и транспортным предприятиям Приморского края решить задачи по обеспечению обороноспособности советского Дальнего Востока. Сама же система межведомственных отношений в Приморском крае за годы войны была

существенно изменена, что повысило ее эффективность по сравнению с довоенным временем.

Великая Отечественная война, Дальний Восток России, Приморский край, ВКП(б), партийный аппарат, государственный аппарат, Дальневосточный фронт, Тихоокеанский флот, межведомственное взаимодействие

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kolesnichenko K.Yu. Razvitie voennoy gruppировки v Primore v 1931–pervoy polovine 1938 goda. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 14, pp. 8–16.

2. Petrenko V.M. Dalnevostochnyy front nakanune i v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941 – 1945 gg. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2010, no. 11, pp. 20, 21.

(Monographs)

3. Liventsev D.V. Sovetskie voенно-morskie i rechnye sily v dalnevostochnoy vneshney politike (1917 – 1945 gg.) [The Soviet Naval and River Forces in the Far Eastern Foreign Policy (1917 – 1945)]. Voronezh, 2013, p. 338.

4. Sidorov N.V. GULAG NKVD: Anfas i Profil [The GULAG of the NKVD: Profile and Full Face]. Vladivostok, 2011, vol. 1, p. 116.

5. Tkacheva G.A. Oboronnyy potentsial Dalnego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945) [The Defense Potential of the Far East of the USSR in the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. Khabarovsk, 2013, p. 47.

6. Tkacheva G.A. Oboronnyy potentsial Dalnego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945) [The Defense Potential of the Far East of the USSR in the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. Khabarovsk, 2013, pp. 47–51.

7. Tkacheva G.A. Oboronnyy potentsial Dalnego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945) [The Defense Potential of the Far East of the USSR in the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. Khabarovsk, 2013, p. 81.

8. Tkacheva G.A. Oboronnyy potentsial Dalnego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945) [The Defense Potential of the Far East of the USSR in the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. Khabarovsk, 2013, pp. 132, 133.

9. Tkacheva G.A. Oboronnyy potentsial Dalnego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945) [The Defense Potential of the Far East of the USSR in the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. Khabarovsk, 2013, p. 177.

10. Tkacheva G.A. Oboronnyy potentsial Dalnego Vostoka SSSR v gody

Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945) [The Defense Potential of the Far East of the USSR in the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. Khabarovsk, 2013, p. 233.

11. Zaytsev Yu.M. Inzhenerno-stroitelnye organy Tikhookeanskogo flota v 1932 – 1945 gg. [Engineering and Construction Bodies of the Pacific Fleet in 1932 – 1945]. Vladivostok, 2007, pp. 118, 119.

12. Zaytsev Yu.M. Inzhenerno-stroitelnye organy Tikhookeanskogo flota v 1932 – 1945 gg. [Engineering and Construction Bodies of the Pacific Fleet in 1932 – 1945]. Vladivostok, 2007, p. 119.

Author, Abstract, Key words

Kirill Yu. Kolesnichenko – Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
kolesnichenko.kyu@dvfu.ru

Using some documents from Russian state archives the author analyzes the process of coordinating and facilitating the interaction among the Bolshevik party, Soviet administrative, procurement, and military institutions in Primorsky krai (Primorye) during the Great Patriotic War (1941 – 1945). An emphasis is laid on the cooperation in the areas of agricultural production, construction of defense facilities, food and other supplies for ground forces and the Pacific Fleet. Specific examples are used to illustrate the leading controlling role of the Bolshevik Party Committee and other party bodies of Primorsky krai. The cross-institutional cooperation enabled manufacturing, agricultural, fishing, and transportation industries in Primorsky krai to secure the defensive capacity of the Soviet Far East. The network of cross-administrative links in Primorsky krai was considerably transformed during the war, which resulted in its greater efficiency compared to the pre-war period.

World War II, Russian Far East, Primorsky krai (Primorye), Bolshevik party, Bolshevik party apparatus, state machinery, Far Eastern front, Pacific fleet, cross-administrative (interagency) cooperation

РОССИЯ И МИР Russia and the World

А.Р. Соколов

АЛЕКСАНДР I И ОБРАЗОВАНИЕ КРАКОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

A. Sokolov

Alexander I and the Foundation of the Republic of Krakow

Несмотря на обилие монографий, посвященных Александру I и его дипломатической деятельности, роль этого монарха в образовании Краковской республики до сих пор выпадала из поля зрения историков, в отличие, например, от тем, связанных с его позицией по польскому вопросу в целом.

М.И. Богданович уделил ей некоторое внимание в своем исследовании о царствовании Александра I¹, а В.К. Надлер – в книге о Священном союзе², однако тема эта рассматривалась ими не сама по себе, а в контексте планов по созданию Царства Польского.

Кроме того, в помощь исследователям было предпринято внушительное издание источников из архива МИД Российской империи – «Внешняя политика России XIX и начала XX века», 8-й том которого был посвящен истории формирования на Венском конгрессе новой европейской системы. Многие из опубликованных документов имеют отношение к дискуссиям вокруг проектов создания Краковской республики.

В качестве же основного источника автор использовал хранящийся в Российском Государственном историческом архиве текст «Дополнительного трактата относительно Кракова, области его и Конституции между дворами российским, австрийским и прусским заключенного»³.

Цель своей статьи автор видел в том, чтобы определить степень участия Александра I, как деятеля, руководившего российской внешней политики, в создании и реализации проекта Краковской республики. Для этого необходимо выяснить, какими доводами руководствовались, участвовавшие в разделе бывшего Герцогства Варшавского «великие державы» при обсуждении судьбы Кракова и окрестных территорий, в какой степени территории Кракова и его окрестностей использовались в качестве «разменной монеты» при

торге между «великими державами», в какой период Венского конгресса возникла идея предоставления особого статуса Кракову и, наконец, чем руководствовался Александр I, выдвинув проект Краковской республики.

* * *

Краковская республика стала своеобразным внебрачным дитем «танцующего» Венского конгресса», поскольку сам факт ее появления противоречил общему легитимистскому настрою этого международного форума. Правда, легитимизм в трактовке главных его участников – Александра I, министра иностранных дел Австрийской империи К. Меттерниха и министра иностранных дел Франции Ш.М. Талейрана – предполагал восстановление той международной системы, которая существовала в Европе до Великой Французской революции⁴.

Существовала, однако, и обратная сторона медали: польская проблематика выносилась за скобки легитимистской идеи, поскольку затрагивала территориальные интересы трех из пяти главных его участников – России, Австрии и Пруссии. Подобный «антилегитимистский», по сути, подход именно в польском вопросе обосновывался той верностью, которую демонстрировали поляки по отношению к Наполеону.

Лукавство подобной аргументации было очевидным, что, в свою очередь, создавало своеобразную ситуацию, когда представители той или иной великой державы (прежде всего не участвовавших в разделе Великобритании и Франции) могли попытаться выступить в роли благодетелей поляков, исходя из собственных своекорыстных интересов.

Впрочем, некоторые политики могли примеривать роль «благодетелей», исходя из мотивов идеалистических. К их числу относился и российский император Александр I.

«Теперь меня более всего занимает Польша, – говорил император полякам, находясь в Пулавах в гостях у семейства Чарторыйских. – Еду на конгресс работать для нее, но надо двигать дело постепенно. У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один друг – это я. Если бы я хотел присоединить Галицию, пришлось бы сражаться. Пруссия соглашается восстановить Польшу, если ей отдадут часть Велико-Польши. А я хочу отдать польским провинциям около 12-ти миллионов жителей. Составьте себе хорошую конституцию и сильную армию, и тогда посмотрим»⁵.

Александр I ошибался: в Вене его польский план снискал себе огромное количество оппонентов. В сущности, его единственным союзником в польском вопросе являлся прусский король, руководившийся, разумеется, отнюдь не альтруистическими и полонофильскими мотивами. Еще в Париже Александр I сделал Фридриху-

Вильгельму III выгодное предложение: отказаться от своих польских земель в обмен на значительную часть Саксонского королевства. Александр I находил это вполне возможным, поскольку саксонский король (и, кстати, формальный правитель созданного Наполеоном герцогства Варшавского) Фридрих Август I находился в плену у союзников и считался предателем, потерявшим право на корону.

Итак, два союзника полюбовно решили польский вопрос и считали, что «священный» долг третьего сотоварища, Австрии, заключался в том, чтобы принять подобное решение, получив за это серьезное вознаграждение.

Об этом говорит краткое извлечение из инструкции, составленной Александром I русским уполномоченным для ведения переговоров на конгрессе:

«1). Австрии: Тироль, Зальцбург, Иннфиртель (Вайнфиртель), побережье Адриатического моря и часть Италии до рек По и Тесина.

2). Пруссии: Саксония и Познань, до черты от Торна (Торунь) до Калиша и по течению Просны.

3). России: вся остальная часть Герцогства Варшавского»⁶.

Но на первом же заседании Венского конгресса 22 сентября 1814 г. планы Александра I были поставлены под сомнение как со стороны австрийского канцлера Меттерниха, так и со стороны представителя Великобритании лорда Роберта Каслри.

Уполномоченный России на Венском конгрессе граф К.В. Несельроде писал об этом Александру I: «Государь. Сразу же по прибытии канцлера Гарденберг [К.А. Гарденберг – глава внешнеполитического ведомства Пруссии. – А.С.] я постарался открыть обмен мнениями по всем вопросам, непосредственно затрагивающим интересы Вашего Императорского Величества. Поскольку от них должны в той или иной степени зависеть все прочие соглашения, я решил, что трудно будет хоть сколько-нибудь продвинуть дело, пока трем дворам не будет подробно сообщено о видах вашего Императорского Величества. Итак, мы собрались 19-го вечером. Я открыл заседание, объяснив, что содержащиеся в записке канцлера К.А. Гарденберга мысли о будущих приобретениях России весьма мало отвечают тому, на что она вправе рассчитывать, учитывая великие услуги, оказанные ею делу освобождения Европы; что поскольку Варшавское герцогство было завоевано Россией и только ею еще до заключения союза с другими державами, то естественно ее стремление найти в обладании этой страной компенсацию за свои жертвы...

Князь Меттерних ответил на эти заявления следующими замечаниями. «Я не могу, сказал он, согласиться с мнением, что Варшавское герцогство было завоевано без содействия союзных держав и что, следовательно, эту страну можно исключить из числа тех, участь которых должна быть решена с общего согласия. Австрия была фактически союзницей России, когда войска последней вступили в герцогство...

Мы отнюдь не противимся стремлению России к территориальным приобретениям, мы считаем справедливым, чтобы она была вознаграждена за принесенные ею жертвы...

Но, соглашаясь, таким образом, на приобретение Россией более 3 млн. новых подданных, Австрия не считает не обоснованным свое желание сохранить за собой два стратегических пункта, совершенно необходимых для обороны, оставшейся у нее части Польши. Передача Кракова России означает, что ее армии окажутся в десяти переходах от Вены, а сохранение в ее руках Замостья значит, что они могут в три перехода дойти до Лемберга, и тогда восточную Галицию уже нельзя будет удержать; обладание ею оказалось бы до крайности непрочным, коль скоро размещенная там армия будет сразу же отрезана, как только русские войска двинутся от Кракова за Вислу...»⁷.

Таким образом, Россия первой официально озвучила претензии на обладание Краковом и тут же встретила жесткое противодействие Австрии. Причина конфронтации заключалась в том, что этот город и его предместья располагались на важных стратегических и торговых путях, и обладание ими обеспечивало контроль над краем, служащим водоразделом между бассейнами Вислы и Одера. Кроме того, Краков являлся воплощением польской национальной идеи; городом, в истории которого отразилась вся история Польши. Для польского национального движения Краков был своего рода сакральной Меккой, а поскольку российский император намеревался на присоединенных землях дать поляком конституционное правление, то для Австрии подобное соседство становилось особенно опасным.

Сознавая все это, канцлер Меттерних перешел от территориальных претензий к политическим и решительно выступил против намерений российского императора восстановить Польшу в форме автономии. Перспектива полного охлаждения в отношениях между Петербургом и Веной выглядела очевидной, а в отношении стратегического сотрудничества двух империй К.В. Нессельроде делал неутешительный вывод: «Тогда уже... мы должны будем считать Галицию потерянной для нас, и этот вопрос, таким образом, еще важнее, чем территориальный. В нем заключены все семена раздора, от которых было так хорошо избавить Европу, он совершенно не совместим с существующими договорами»⁸.

Негативная позиция Меттерниха по отношению к идее возрождения польской государственности была поддержана английским представителем, главой британского внешнеполитического ведомства Р.С. Каслри, который рассматривал польские проекты Александра I как своего рода тактический прием, призванный способствовать усилению российского влияния в Европе.

Нессельроде в своем послании передает витиевато изложенное мнение Каслри: «При нынешнем положении Европы единственным

средством предупредить новые столкновения является сохранение существовавшей до сих пор системы раздела; ему кажется, что ни одна держава не может желать сохранения этой системы больше, чем Россия, ибо именно она владеет большей частью старой Польши. Пруссия и Австрия являются ее партнерами в этом деле, и, следовательно, для России было бы выгодно по возможности заинтересовать их, не отвергая их справедливые требования»⁹.

Канцлер Гарденберг тоже добавил к общему хору недовольства свою тревожную арию по вопросу восстановления Польши и «высказал затем несколько замечаний о том, какую пользу извлекла бы Пруссия из сохранения за нею Торна, ибо этот город совершенно немецкий и сами жители просили о присоединении к прусским владениям»¹⁰.

Так, впервые в увязке с вопросом о Кракове возник и вопрос относительно города и крепости Торн (Торуне), имевшей сходное стратегическое значение, но располагавшейся на северо-востоке бывших польских земель, вблизи линии предполагаемой русско-прусской границы. И несомненно, что для союзников новая демаркационная линия Торн – Калиш – Ченстохова – Краков, которую пытался выстроить Александр I, выглядела настолько угрожающе, что они пытались любой ценой помешать осуществлению этого плана.

Главным итогом заседания, на котором присутствовал Нессельроде, стало четко наметившееся противостояние по польскому вопросу, причем в этом вопросе Британия поддерживала Австрию против России и Пруссии. Пруссия, во всяком случае, до тех пор, пока ей была обещана Саксония, держалась России. Но не следовало сбрасывать со счетов и Францию, которой как никакой другой европейской стране было выгодно обострение отношений между союзниками.

Поначалу Александр I весьма жестко реагировал на предложения оппонентов смягчить свои требования. В разговоре с Талейраном он заявил: «Впрочем, у меня в герцогстве Варшавском 200 000 человек, пусть попробуют прогнать меня из него. Я отдал Пруссии Саксонию, и Австрия согласна на это»¹¹.

Для придания весомости своим польским претензиям, Александр I отправил 19 ноября 1814 г. в Варшаву своего брата цесаревича Константина Павловича, который собрал армию в 70 тыс. и обратился к жителям бывшего Герцогства Варшавского с воззванием: «Вы ознаменовали себя великими подвигами в борьбе, нередко вам чуждой. Теперь, когда вы обратите все свои усилия к защите отечества, вы будете непобедимы. Беспредельная преданность императору, который желает одного блага вашему отечеству, любовь к его августейшей особе, повиновение, дисциплина, согласие – вот средства, могущие обеспечить благоденствие вашей страны, состоящей под мощной защитой императора. Таким путем вы достигнете той счастливой доли, которую другие могут вам обещать, но которую он

один может вам доставить. Его могущество и его добродетели в том ручаются»¹².

Этот демарш, исполненный русским императором, произвели сильный переполюх в венском «дипломатическом танцзале».

Посыпались ноты протеста со стороны Австрии, Великобритании и Франции. Особенно всполошились мелкие германские государства, и 7 декабря 1814 г. появилась официальная нота германских монархов, в которой отрицалось право Пруссии насильно захватывать в свои руки Саксонию¹³. Протест не имел никакой действенной силы, но сам факт говорил об общей расстановки сил, складывающейся на конгрессе не в пользу России и Пруссии.

Между тем еще 2 ноября 1814 г. Меттерних направил Гарденбергу ноту, в которой предлагал прусскому королю обратиться к российскому самодержцу с меморандумом насчет устройства будущей судьбы герцогства Варшавского. Суть этого меморандума и его новизна заключались в намеках на то, что Австрия готова пойти на уступки в политическом устройстве герцогства в обмен на уступки территориальные: «Австрия готова согласиться на расширение русских границ до правого берега Вислы; Россия удержит Варшаву с уездом, Пруссия – Торн, Висла должна остаться свободною, для владельцев обоих берегов... Австрия, постоянно далекая от вмешательства во внутренние дела своих соседей, предоставит императору всероссийскому попечение дать своим польским провинциям такую форму управления, какую он сочтет полезною и приличною. Австрия будет согласна и на то, чтоб император всероссийский назвал свои новые владения, порознь и вместе со старыми польскими провинциями, королевством польским, северным или восточным; но в таком случае его императорское величество (австрийское) предоставляет себе право соединить свои польские провинции под названием королевства польского южного; такое же право должно быть предоставлено и Его Величеству прусскому»¹⁴.

Прусская сторона согласилась с австрийской в том, чтобы пойти на политические уступки в польском вопросе.

Александр I тем временем в своих польских проектах пришлось столкнуться с возражениями собственных сановников. Свое мнение по этому вопросу высказали, вызванные на конгресс в Вену российский посол в Париже корсиканец Ш.А. Поццо ди Борго и посол в Италии грек И. Каподострия.

Поццо ди Борго составил целый «мемуар», посоветовав императору «...низвести Польский вопрос на степень простого вопроса о границах, обозначить в договорах новое приобретение, как собственность России, ограничить введение новых учреждений пределами вновь приобретаемой территории; назначить в Варшаву особого наместника, который, однако же подобно ирландскому вице-королю, подчинен был центральному министерству; выбрать подчиненных ему чиновников, преимущественно из поляков, но назначить и неко-

торых русских; прокламировать предполагаемые реформы в форме обыкновенного императорского указа...»¹⁵.

Против конституционной автономии Польши выступил также Каподострия, Н.М. Карамзин, Н.Н. Новосильцев, В.П. Кочубей и даже обычно не перечивший царю А.А. Аракчеев. Возможно, единственными союзниками Александра в польском вопросе оставались его друг юности князь А. Чарторыйский и бывший наставник, ставший видным деятелем Швейцарской конфедерации Ф.Ц. Лагарп.

Из письма Адама Чарторыйского к отцу, видно в каком затруднительном положении оказался русский самодержец: «Император продолжает держаться своего намерения; его твердость и непоколебимость относительно Польши служат для меня предметом удивления и уважения. Все кабинеты против него; никто не говорит нам доброго слова, не помогает нам искренно»¹⁶.

Лагарп, поддерживая императора в политическом вопросе, советовал ему пойти на территориальные уступки: «...Если возрождение Польши как королевства вызывает удивление, смешанное со страхом, то последний порождается главным образом предложенной демаркационной линией, конечными пунктами которой были бы Торн и Краков... и я спросил себя, такое ли уж большое значение имеют эти спорные пункты, чтобы из-за обладания ими стоило вести столь долгий спор?

У России очень удобная граница в Азии с персами и турками и в Европе с турками и шведами. Не зная местных условий, я не могу судить, является ли столь же удобной граница со стороны Пруссии и Австрии; мне кажется, что нет. Но этот недостаток, по-видимому, искупается: 1) тем, что наступательные возможности Пруссии весьма незначительные; 2) тем, что Австрия в силу географического своего положения довольно трудно использовать свои крупные ресурсы для нападения на Россию; 3) тем, что сила одной русской Польши, если ее внутреннее устройство будет удовлетворять ее благородных граждан и обеспечит России прочную гарантию, было бы достаточно, чтобы дать отпор нападениям с этих двух направлений, если бы собственно Россия имела меньше возможностей для выступления; 4) тем, что теперь Россия может направить все свои силы на этот слабый участок границы, и ее побояться вызвать на столкновение, когда развитие этих сил явится простым результатом упорядочения ее внутреннего управления.

При таком положении мне трудно поверить, чтобы вопросы о Торне и Кракове имели для вас, Государь, такое значение, чтобы из-за них стоило затягивать переговоры...

Государь! Отказываясь от Торна и Кракова и рассматривая этот отказ как способ ускорения столь желанное установление всеобщего мира, Вы не теряете ничего: это – жертва, принесенная ради мира, поданный Европе благотворный пример и, наконец, для России – новое свидетельство того, что отныне все ваши помыслы будут на-

правлены на ее внутреннее благоденствие»¹⁷.

Итак, Лагарп советовал Александру I отказаться от Кракова и Торна, чтобы как можно скорее заняться конституционным устройством сначала в восстановленной Польше, а затем и во всей Российской империи. К нему присоединился и видный прусский сановник барон Георг Фридрих Карл Штейн, к мнению которого император был склонен прислушиваться: «Вопросы о которых идет теперь речь, не имеют особого значения ни для России, ни для Австрии. Краков не на столь важен, чтобы можно было вести из-за него войну при теперешних обстоятельствах. Россия может обойтись и без него». «Очистить Краков, – возразил император, – было бы для меня бесславно, раз я его занял». «Если Ваше Величество, имея в своем распоряжении 400 000 человек, пожертвуете ради спокойствия Европы Краковом, то все усмотрят в этом поступке доказательство вашего благородства, а не слабости. Теперешнее натянутое положение всеобщего вооружения и переговоров не может продолжаться долго»¹⁸.

Показательно, что пруссак Штейн жертвовать Торном не собирався, однако не столько даже его красноречие, сколько противодействие бывших союзников вынудило Александра I пойти на уступки.

В этот момент очень своевременно подоспел новый проект соглашения, предложенный Гарденбергом, но согласованный с австрийским и британским представителями: Пруссия получает Торн и линию Варты, Австрия – удел Замойский и Краков с границей по реке Нида, за что Австрия и Пруссия соглашаются на политические виды русского императора относительно Польши. Александр I тут же выдвинул контрпроект: Торн и Краков сделать вольными городами под покровительством трех держав, а все земли герцогства Варшавского оставить за Россией. Пруссии должны были отойти вся Саксония, а Майнц превращался в крепость общегерманского подчинения¹⁹.

При таких обстоятельствах в декабре 1814 г. российским императором впервые была озвучена идея создания Краковской республики, причем форма государственного устройства – вольный город – хотя и ассоциировалась, прежде всего, с Германией, имела корни и в польском историческом опыте. Другое дело, что этот опыт был исключительно в прошлом, в то время как в начале XIX в. в Германии существовали четыре вольных города – Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек.

Показательно, что Меттерних с ходу отверг идею русского императора: «Независимое существование этих городов будет одинаково угрожать спокойствию трех соседних держав. Находясь вне всякого прямого влияния, они превратились бы в очаг недовольств, козней и мятежей»²⁰.

Австрия продолжала настаивать на проведении границы по рекам Варта и Нида, которую она находила безопасной с военной точки зрения. Присоединение же Саксонии к Пруссии Меттерних

объявил невозможным, получив поддержку англичан и французов. Отношения русского императора и австрийского канцлера испортились до предела, причем Александр I, заподозрив, что Нессельроде слишком подпал под влияние австрийского коллеги, поручил ведение переговоров Андрею Кирилловичу Разумовскому и Иоанну Каподострии²¹.

По предложению России была составлена особая комиссия из представителей России, Пруссии, Австрии и Великобритании, и на втором заседании граф Разумовский представил проект шестого раздела польских земель: Россия уступала Австрии соляные копи Велички, ранее входившие в герцогство Варшавское, и Тарнопольский округ, приобретенный ею по Венскому миру 1809 г., а также подгорный район Кракова; Пруссии полностью отходила Саксония, а саксонский король вознаграждался землями по левому берегу Рейна с 700 тыс. жителей; Краков и Торн должны были быть объявлены вольными и нейтральными городами под покровительством трех соседних держав; России отходили земли бывшего герцогства Варшавского, за исключением Гнезно и Познани²².

Сохранилась записка (составленная, судя по всему, Чарторыйским), определяющая основные принципы, которых следовало держаться русским представителям на заседаниях комиссии четырех держав при обсуждении вопросов, касающихся Кракова и Торна:

«В проекте конвенции об этих двух вольных и нейтральных городах изложено все, что можно было сказать на этот счет. К проекту приложена конституция, которую надлежит дать этим городам.

Ради основания этих двух государств император пошел на территориальные жертвы, и ему угодно рассматривать оба города как государства, созданные им самим. Поэтому он живо заинтересован в их упрочении и процветании. Предлагаемые основные положения их конституции имеют целью обеспечить им эти выгоды, упрочив в то же время их спокойствие и предоставив им свободу в таком объеме, какой был бы совместим с поддержанием порядка и с интересами соседних держав. Особое внимание было уделено так же средствам для развития просвещения. Таким образом, нет никаких оснований не принять эти положения.

Из существа принципов, долженствующих лежать в основе положений, о которых идет речь в настоящей инструкции, очевидно, что на оба вольных города – Краков и Торн – должны распространяться все те выгоды, какие будут представлены другим польским провинциям, входящим в состав трех государств, то есть выгоды, проистекающие из свободы торговли и судоходства, из свободы сношений, из прав, предоставляемых лицам двойного подданства, амнистии и т. д.

В остальном уполномоченному надлежит постоянно следить за тем, чтобы не допустить принятия каких-либо статей, могущих впоследствии подать повод для притеснений и нарушений прав, грозя-

щих обычно малым странам, находящимся в окружении больших государств.

Помимо района Тарнополя император уступил Австрии также половину соляных копий Велички – объект первостепенной важности для жителей герцогства. Поэтому он имеет все основания надеяться, что австрийский двор согласится поставлять ежегодно по умеренной цене, о которой можно будет условиться заранее, определенное количество соли правительству той части герцогства, которая остается за Россией, а также согласится на все меры, имеющие целью защитить поляков от установления монополии на этот продукт первой необходимости и гарантировать им впредь беспрепятственную покупку его по справедливым и умеренным ценам»²³.

Здесь российская дипломатия впервые затронула еще один аспект краковской проблемы, связанный с заинтересованностью в обладании соляными копиями Велички, или, по крайней мере, в получении преференций при осуществлении импорта соли.

Представитель Пруссии канцлер Гарденберг начал поддерживать выдвинутый Разумовским план, но, видя, что представители Великобритании, Австрии и Франции не проявляют желания идти на соглашение, заявил, что Пруссия будет отстаивать с оружием в руках занятую ею Саксонию.

Этот неофициальный ультиматум вызвал бурные эмоции у противоположной стороны. В тот же вечер лорд Каслри встретился с Талейраном и объявил, что не потерпит, чтобы Россия при поддержке Пруссии диктовала свои условия всей Европе. Французский министр тут же набросал проект союзной конвенции между Великобританией, Францией и Австрией. Каслри взял документ и отправился к Меттерниху. На следующий день, 3 января 1815 г., все три дипломата, переработав проект в официальный договор, скрепили его своими подписями.

Основную цель данного трактата союзники определили как противодействие непомерным требованиям России и Пруссии. Для достижения этой цели каждая из трех держав обязывалась держать наготове 150-тысячное войско, которое должно было выступать не позднее шести недель после первого требования партнеров.

О факте рождении нового союза его участники решили не распространяться. Граф Кападоэрия, заподозрив неладное, получил косвенные подтверждения существования тайного договора, направленного против России и Пруссии. Он доложил об этом Александру I, но император даже слышать не хотел о подобных предположениях, считая возможность подобных альянсов совершенно не согласующейся с нравственным кодексом, которому следуют королевские особы и настоящие джентльмены.

Между тем, исходя из пессимистичного сценария, противники России наращивали военные приготовления. Австрия собирала большие армии в Богемии и в районе Тешена. Англичане усиливали

свои войска в Нидерландах, французское правительство, несмотря на полное разорение страны, поставило под ружье 75 тыс.²⁴

Воинственные приготовления оппонентов были отмечены российским императором, но он продолжал придерживаться миролюбивой тактики, обратившись к предавшим его союзникам с призывом вступить с ним в «новое соглашение, основанное на принципах христианской любви и евангельского бескорыстия», и заверив, что готов на уступки вполне материального плана.

Несколько неожиданно император получил поддержку Каслри, которому в ближайшее время предстояло выступать в британском парламенте, и который почувствовал, что только «принципы христианской любви и евангельского бескорыстия» помогут ему вернуться в Лондон хоть с каким-нибудь позитивным достижением, кроме угрозы новой войны.

Под его давлением Австрия и Франция вынуждены были согласиться на раздел Саксонии, по которому Пруссии отходила половина саксонской территории с городами Торгау, Виттенбергом, Бауценом и Циттау, а за королем Саксонским оставались Дрезден и Лейпциг.

Тем не менее, строптивый прусский король твердо заявил: «Без Лейпцига я не могу возвратиться в Берлин!». И опять Александр I проявил благородство, предложив Фридриху-Вильгельму IV вместо Лейпцига город Торн²⁵. Таким образом, польско-саксонский узел оказался разрублен.

Последовавшие вскоре события предоставили возможность Александру I убедиться в уязвимости его собственных «принципов» перед тактическими приемами оппонентов. Вернувшийся к власти на «Сто дней» Наполеон Бонапарт переслал ему текст секретного австро-франко-британского договора, найденный в кабинете бежавшего Людовика XVIII.

Расколоть союзников таким нехитрым приемом не удалось, зато российский император получил возможность отчитать австрийского канцлера, закончив свою речь словами: «Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Теперь нам предстоят другие дела. Наполеон возвратился, и поэтому наш союз должен быть крепче, нежели когда-либо»²⁶. Затем договор был брошен в камин, где и превратился в прах вместе с теми широкими возможностями для русской дипломатии, которые открывались с его оглаской. Для укрепления своего единства союзники поспешили зафиксировать достигнутые договоренности.

3 мая 1815 г. между Россией, Австрией и Пруссией был подписан и договор о Кракове, его округе и конституции.

Александр I высокими словами оценил итоги дипломатической борьбы вокруг города Кракова и очертил его будущность в своей прокламации к полякам от 25 мая 1815 г.: «Чтобы устранить затруднения, которые возникли по поводу города Кракова, мы приняли мысль объявить город нейтральным и свободным. Этот край, по-

ставленный под покровительство трех держав-освободительниц и дружественно расположенных, будет пользоваться счастьем и спокойствием, посвящая себя единственно наукам, искусствам, торговле и промышленности. Он будет как бы памятником великодушной политики, установившей такую свободу именно в том месте, где покоится прах ваших лучших королей и где соединены самые благородные воспоминания польского отечества»²⁷.

О завершении Венского конгресса российский император оповестил своих подданных специальным манифестом²⁸.

Очевидно, что краковский вопрос Александру I удалось решить в свою пользу, что подтверждается текстом «Дополнительного трактата относительно Кракова, области его и Конституции между дворами российским, австрийским и прусским заключенного»²⁹.

Договор предваряется пространной преамбулой с перечислением титулов и наград, подписавших его министров (Разумовский, Гарденберг, Меттерних). Далее в статье 1-й фиксируется международно-правовой статус Кракова – город «вольный, независимый и совершенно нейтральный под покровительством трех высоких договаривающихся сторон».

В статье 2-й фиксировались границы вольного города на левом берегу Вислы³⁰. Следующие же три статьи посвящены урегулированию границ между Австрией и Краковской республикой, а также особым правам Австрии, что изначально ставило эту державу в краковском вопросе в преимущественное положение.

Вопросы правового статуса определяются в статье 6-й: «Помянутые три Двора обязуются уважать и повелеть во всякое время уважать нейтралитет вольного города Кракова и его области; никакое вооруженное войско не будет туда введено под каким бы то предлогом не было.

Напротив того, само по себе разумеется и именно постановляется, чтобы в вольном городе Кракове и области его не давать ни какого убежища и покровительства переметчикам, беглецам или преследуемым законами людям, принадлежащим к областям той или другой из трех договаривающихся держав, и чтобы по требованию, которое о том учинено быть может надлежащими начальствами, такие люди были задержаны и немедленно выданы, под исправным конвоем, той стражи, которой поручено будет принимать их на границе»³¹.

Статья 7-я посвящена Конституции Краковской республики и правам комиссаров, представлявших в Кракове «покровительствующие державы»³².

Статьи с 8-й по 12-ю касались приграничных и таможенных вопросов.

Особый интерес представляет статья 13-я: помимо финансовых вопросов в ней, хотя и косвенно, затрагивается вопрос правовой преемственности Краковской республики по отношению если не к

Речи Посполитой, то к герцогству Варшавскому. «Все, что в вольном городе Кракове и в области его окажется бывшей народною собственностью герцогства Варшавского, будет и впредь как таковая принадлежать вольному городу Кракову»³³. При этом, статьей 14-й Краковская республика освобождалась от необходимости отвечать по государственным обязательствам герцогства Варшавского³⁴.

Определенное беспокойство «покровительствующим державам» в дальнейшем доставила статья 15-я, подтверждающая автономию Краковского университета и разрешающая «жителям сопредельных польских областей... приезжать в сию Академию и в оной обучаться, коль скоро будет она обустроена сообразно настроением каждого из трех высоких Дворов»³⁵.

Статья 16-я определяла права и привилегии польского духовенства в Кракове³⁶.

В статье 17-й Австрия оговаривала свои особые экономические интересы, а Россия – решающее слово при назначении краковского епископа. Таким образом, Александр I постарался обеспечить себе статус своего рода политического арбитра, имеющего возможность вмешиваться в дела духовные³⁷.

И, наконец, статьи 18-я и 19-я касались процедурных вопросов ратификации трактата и конституции вольного города³⁸.

В одном архивном деле с трактатом находится и Конституция Вольного города Кракова. Не занимаясь ее специальным анализом, хотелось бы лишь высказать мысль, что характер этого документа во многом определялся именно стремлением не допустить преобладания в Кракове одной из великих держав. По причинам географического и экономического характера главным претендентом на роль гегемона была Австрия, Пруссия же демонстрировала в данном вопросе наименьшую заинтересованность. Исходя из этого, можно предположить, что достаточно демократичный характер Краковской конституции объяснялся именно позицией российского правительства, которое в борьбе с габсбургским влиянием могло потенциально рассматривать возможность сотрудничества с польскими патристическими элементами.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что своим появлением на карте Европы Краковская республика была обязана одному человеку – Александру I.

Первоначально российский император собирался присоединить город к территории автономного Королевства Польского в составе Российской империи. Однако претензии на обладание большей частью польских земель вызвали возражения других европейских держав. Кроме того, Вена и Берлин стремились пресечь планы российского императора по предоставлению этим территориям широких

свобод, что могло дестабилизирующим образом подействовать на ситуацию в австрийской и прусской частях Польши³⁹.

Основные дипломатические баталии разыгрались вокруг стратегически важных городов – Кракова на юге и Торна на севере, – на которые предъявляли претензии соответственно Австрия и Пруссия. В декабре 1814 г. в качестве компромисса император выступил за предоставление Кракову и Торну статуса вольных городов. Сдержанная реакция партнеров по переговорам и подозрения относительно возможного альянса Парижа, Лондона и Вены толкнули Александра I на уступку Торна – шаг, который должен был еще более упрочить альянс Петербурга и Берлина. Внезапное миролюбие представителя Великобритании, вызванное внутривосточными проблемами в самой Англии, позволили Александру I зафиксировать этот успех, добившись заключения соглашения по вольному городу Кракову. Таким образом, Краков фактически уплывал из-под единоличной власти Австрии под покровительство всех трех держав, участвовавших в разделах Польши. Эта дипломатическая победа российского императора была одержана им в условиях тайного противостояния с Францией, Великобританией и Австрией.

Примечания

¹ *Богданович М.И.* История царствования Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 343–587.

² *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 5. Рига, 1892. С. 287–516.

³ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 369.

⁴ *Соколов А.Р.* Гибель Краковской республики // Военно-исторический журнал. 2016. № 3. С. 34.

⁵ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 2. СПб., 1898. С. 266.

⁶ *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 352.

⁷ Внешняя политика России XIX начала XX веков. Т. 8. М., 1972. С. 106, 107.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 5. Рига, 1892. С. 422.

¹² *Шильдер Н.К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 299, 300.

¹³ *Кинг Д.* Битва дипломатов или Вена, 1814 г. М., 2010. С. 287.

¹⁴ *Соловьев С.М.* Император Александр I: Политика – Дипломатия. СПб., 1877. С. 294.

¹⁵ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 5. Рига, 1892. С. 437–439.

¹⁶ *Шильдер Н.К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. С. 300.

¹⁷ Внешняя политика России XIX начала XX веков. Т. 8. М., 1972. С. 127.

¹⁸ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 5. Рига, 1892. С. 443, 444.

¹⁹ *Кинг Д.* Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010. С. 312.

²⁰ Внешняя политика России XIX начала XX веков. Т. 8. М., 1972. С. 644.

²¹ *Богданович М.И.* История царствования Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 420.

²² *Кинг Д.* Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010. С. 325.

²³ *Кинг Д.* Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010. С. 165.

²⁴ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 5. Рига, 1892. С. 352.

²⁵ *Богданович М.И.* История царствования Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 432.

²⁶ *Шильдер Н.К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 285.

²⁷ *Попов Н.* Вольный город Краков: 1815 – 1846 гг. // Вестник Европы. 1875. № 2. С. 473.

²⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 369. Л. 209–212.

²⁹ Там же. Л. 92.

³⁰ Там же. Л. 92–96.

³¹ Там же. Л. 98, 99.

³² Там же. Л. 99, 100.

³³ Там же. Л. 103.

³⁴ Там же. Л. 104.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 104, 105.

³⁷ Там же. Л. 105, 106.

³⁸ Там же. Л. 106.

³⁹ *Соколов А.Р.* Гибель Краковской республики // Военно-исторический журнал. 2016. № 3. С. 35.

Автор, аннотация, ключевые слова

Соколов Александр Ростиславович – докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
alar60@yandex.ru

В статье анализируется роль российского императора Александра I, как руководителя российской внешней политики, в создании и реализации проекта Краковской республики после победы над Наполеоном. Автор рассматривает, какими соображениями руководствовались державы-победительницы при обсуждении на Венском конгрессе судьбы Кракова и окрестных территорий. Исследуются мотивы, заставившие российского императора выступить с инициативой предоставления Кракову статуса вольного города, находящегося под контролем трех «покровительствующих держав». Особое внимание уделено освещению хода переговоров в условиях, когда тайно был оформлен альянс Австрии, Великобритании и Франции против России. Завершается статья анализом договора о статусе Кракова, который был заключен между Россией, Австрией и Пруссией. Делается вывод, что заключение этого договора и создание Краковской

республики стало дипломатической победой Александра I, которая была одержана в условиях жесткого противостояния альянсу Австрии, Франции и Великобритании.

Венский конгресс, Российская империя, Великобритания, Франция, Пруссия, Австрия, Краковская республика, Александр I, внешняя политика, дипломатия

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Sokolov A.R. Gibel Krakovskoy respubliki. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 2016, no. 3, p. 34.
2. Sokolov A.R. Gibel Krakovskoy respubliki. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 2016, no. 3, p. 35.

(Monographs)

3. King D. Bitva diplomatov, ili Vena, 1814 [The Battle of Diplomats, or Vienna, 1814]. Moscow, 2010, p. 165.
4. King D. Bitva diplomatov, ili Vena, 1814 [The Battle of Diplomats, or Vienna, 1814]. Moscow, 2010, p. 287.
5. King D. Bitva diplomatov, ili Vena, 1814 [The Battle of Diplomats, or Vienna, 1814]. Moscow, 2010, p. 312.
6. King D. Bitva diplomatov, ili Vena, 1814 [The Battle of Diplomats, or Vienna, 1814]. Moscow, 2010, p. 325.

Author, Abstract, Key words

Alexander R. Sokolov – Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
alar60@yandex.ru

The article analyzes the role of Russian Emperor Alexander I as the head of Russia's foreign policy in designing and implementing the Republic of Krakow project after his victory over Napoleon. The paper examines the considerations the victorious powers had as they discussed at the Congress of Vienna the destiny of Krakow and the neighboring areas. The author speculates as to what made the Russian emperor initiate granting Krakow the status of a free city controlled by the three 'protecting powers'. A special attention is paid to describing the course of negotiations during which an anti-Russian alliance among Austria, Great Britain and France was secretly formed. The article ends with an analysis of the agreement on the status of Krakow which was concluded by Russia, Austria and Prussia. It is argued that this agreement and the formation of the Republic of Krakow became a diplomatic victory of Alexander I, which was won during the tough standoff with the alliance of Austria, Great Britain and France.

Congress of Vienna, Russian Empire, Great Britain, France, Prussia, Austria, Republic of Krakow, Alexander I, foreign policy, diplomacy

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ Anti-Bolshevik Russia

Е.В. Волков, Д.Д. Ирвин

А.В. КОЛЧАК КАК ПОЛИТИК: ОБРАЗЫ И ОЦЕНКИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ (1918 – 1920 годы)

E. Volkov, D. Irvin

A. Kolchak as a Politician: Images and Appraisals of the Supreme Ruler in the British Press (1918 – 1920)

Пресса всегда играла важную роль в политическом пространстве. Для исследования образов политических деятелей, созданных в периодических изданиях, применима, на наш взгляд, концепция политической культуры. Согласно выводам американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, чьи труды стали классическими, политическая культура включает три главных элемента. Во-первых, «когнитивную ориентацию», основанную на знаниях людей о политиках, политических институтах и партиях. Во-вторых, «аффективную ориентацию», предполагающую чувства симпатии и антипатии индивидов к тем или иным политическим явлениям. В-третьих, «оценочную ориентацию», опирающуюся на убеждения и мнения людей относительно политики. Эти компоненты ориентируют людей на определенные политические действия. Таким образом, политическая культура – это, главным образом, психологический феномен¹.

Продуктивность исследования политической культуры в условиях революционных, переломных моментов в жизни общества, обосновал в свое время современный российский историк Б.И. Колоницкий. По его мнению, изучение политической культуры в такие периоды дает возможность увидеть основы для создания новых политических институтов и нового политического строя. Данный подход позволяет понять переход от психологии индивида к действиям коллективов. Кроме того, политическая культура оказывает сильное воздействие на общественное мнение, на отношение к текущим политическим вопросам².

В настоящей статье рассматриваются вербальные образы одного из лидеров Белого движения, адмирала Александра Васильевича Колчака (1874 – 1920), сконструированные в британской прессе,

оказывавшей немалое влияние на формирование британской политики по отношению к «белым» правительствам³. Хронологические рамки статьи охватывают 1918 – 1920 гг., период Гражданской войны в России, когда Колчак в качестве верховного правителя находился у власти на востоке страны. Образы Колчака представлены на примере двух ведущих британских газет – «Таймс» и «Манчестер Гардиан».

* * *

Пресса Великобритании, характеризуя события в России периода Гражданской войны, неоднократно обращались к личности адмирала Колчака и политике его правительства. Информацию об этом газеты черпали от корреспондентов, политиков, военных и других людей, побывавших тогда в восточных регионах России. Британским дипломатическим представителем в Омске являлся Ч. Элиот, а военную миссию возглавлял генерал А. Нокс, знавший Колчака еще до того момента, когда он стал верховным правителем.

Кроме этого Русское бюро печати (РБП), созданное при правительстве Колчака информировало по телеграфу своих агентов в британской столице. Так, с июня по сентябрь 1919 г. в Лондон было отправлено 1 460 телеграмм (подобных телеграмм отослали в Париж – 1 455, в Нью-Йорк – 1 450, в Токио – 1 150)⁴.

Представителем РБП в Лондоне являлся надпартийный Русский комитет освобождения, в котором состояли историк М.И. Ростовцев, публицист И.В. Шкловский (Дионео), деятели партии кадетов П.Н. Милюков, П.Б. Струве, А.В. Тыркова-Вильямс и другие лица. Для публикации и распространения полученной информации правительство Колчака высылало в Лондон финансовые средства. На эти цели Русский комитет освобождения в 1919 г. тратил ежемесячно до 500 ф. ст.⁵

Приход Колчака к власти

Целый ряд сообщений о Колчаке появился в связи с событиями 18 ноября 1918 г. в Омске, когда адмирала провозгласили верховным правителем. Консервативная «Таймс» в целом положительно оценивала свершившийся политический переворот и отмечала, что манифест Колчака «произвел отличное впечатление и не вызывает у всякого разумного человека сомнения в намерениях нового правителя и его правительства». Но при этом неуказанный автор статьи «Оппоненты Колчака» задавался вопросом, будет ли новая власть в состоянии отвергнуть реакционные тенденции, столь сильные среди офицерства⁶.

Позднее корреспондент «Таймс» взял интервью у новоиспеченного вождя и, ссылаясь на его слова, отмечал, что Колчак, не имея

личных интересов, принял эту власть неохотно. Его главная цель – утверждение законности и порядка, чтобы спасти страну от революционного хаоса. При этом речь не идет о скатывании к реакции, так как адмирал является приверженцем конституционного строя⁷.

В то же время в леволиберальной газете «Манчестер Гардиан» о событиях в Омске говорилось как о государственном перевороте. Колчак был назван «пресловутым реакционером», которого привели к власти незаконным путем офицеры-заговорщики. Британские корреспонденты побывали в формированиях чехословацких легионеров, находившихся в то время в Сибири, и многие из них, давая оценку перевороту, заявили о том, что «это дело рук врагов демократии». О негативном отношении чехословацких стрелков относительно передачи власти Колчаку в качестве верховного правителя писала и «Таймс»⁸.

Автор заметки в «Манчестер Гардиан» утверждал, что многие британцы негативно относятся к Колчаку. «Зачем, – спрашивал журналист, – наши войска и деньги уходят в Россию, если там реставрируется система, свергнутая революцией?»⁹.

Большевистские вожди, советская пропаганда и в период Гражданской войны, и позднее неуклонно утверждали, что Колчак пришел к власти при помощи союзников по Антанте, главным образом благодаря «британским штыкам». В советских школьных учебниках по истории, начиная с 1930-х гг. в качестве демонстрации фигуры Колчака как иностранной марионетки, приводилась следующая частушка:

Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель Омский.

Вероятно подобная «фольклорная» характеристика адмирала могла появиться в 1930-е гг. в условиях становления сталинской диктатуры и утверждения новой концепции истории Гражданской войны как «трех походов Антанты»¹⁰.

Однако еще в мае 1919 г. корреспондент газеты «Таймс», на основе сведений, полученных от британского полковника Дж. Уорда и из других источников, в одном из материалов под названием «Сибирская драма» попытался развеять миф о Колчаке как английском ставленнике. Он решил представить реальную картину того, чем занимались и как действовали британские военные в Сибири.

В середине ноября 1918 г. адмирал, будучи военным и морским министром Директории, отправился с инспекционной поездкой на фронт. К его поезду присоединился батальон 25-го Миддлсекского полка с оркестром под командованием Уорда. Британские солдаты направлялись в Екатеринбург для участия в военном параде по при-

глашению чехословацкого командования. Затем по предложению полковника Уорда его подчиненные стали сопровождать адмирала в течение всей его поездки на фронт. Через некоторое время, когда Колчак уже находился в Челябинске, поездка неожиданно прервалась, и он вместе с британским эскортом спешно выехал в Омск. 17 ноября они прибыли на место, а утром следующего дня стало известно об аресте некоторых членов Директории русскими офицерами. После того как Колчак согласился принять новую власть в качестве верховного правителя, полковник Уорд отправил ему записку. В ней говорилось, что общественное мнение Великобритании будет явно против любой расправы новой власти в Омске над арестованными политическими деятелями без судебного разбирательства. Адмирал даже дал письменные заверения по данному вопросу, и через два дня некоторые члены бывшей Директории и их ближайшие соратники, освобожденные из-под ареста, под русско-британской охраной отправились поездом в Китай¹¹.

Таким образом, в материале «Таймс» утверждалось, что британские офицеры и солдаты не участвовали в перевороте в Омске. Это было делом рук группы армейских и казачьих офицеров. В то же время газета в марте 1919 г. писала о популярности «томми», как звали в разных странах солдат британской армии, среди населения Сибири, и особенно у женщин. Британские солдаты несли охранную службу в тылу белых войск, как правило, в городах. Корреспондент также высказал мысль об увеличении британского военного контингента в Сибири для поддержки власти Колчака¹².

Итак, исходя из содержания материалов консервативной «Таймс», можно сделать вывод о верховном правителе как союзнике, вполне оправданно решившего взять власть в свои руки. В то же время авторы статей в «Манчестер Гардиан» склонны были рассматривать Колчака как «марионетку» британского правительства.

Цели и политика Колчака

В материале «Манчестер Гардиан», датированном 10 декабря 1918 г., Колчак, которого иронически называли «одним из наших демократов», вновь подвергся критике. Автор публикации снова задавал вопрос, зачем помогать британскими войсками и деньгами режиму, связанному с именем Колчака, который сверг в Сибири законное правительство, остатки парламентаризма и провозгласил себя диктатором. Он лишь делает вид, что стремится к созыву Учредительного собрания. На самом деле, Колчак относится к данному представительному органу так же, как большевики, разогнавшие Учредительное собрание в январе 1918 г. после первого заседания¹³.

Новая публикация этой газеты, вышедшая через неделю, снова характеризовала Колчака и его действия как олицетворение старого порядка. Отмечалось, что адмирал провозгласил себя диктатором не

только Сибири, но и всех других территорий России, не оказавшихся под властью большевиков. При этом у него появились враги и в антибольшевистском лагере. Во-первых, это Чехословацкий корпус, многие солдаты которого симпатизировали социалистическим идеям. Во-вторых, атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов, также претендовавший на роль диктатора. В последнем случае союзникам приходилось выбирать из двух лидеров с «дурной репутацией». И пока они борются друг с другом за власть и территорию, есть время подумать, кого же поддерживать Лондону и Парижу¹⁴.

Итак, Колчак предстал перед читателями «Манчестер Гардиан» не в лучшем свете, а в роли реакционера и сторонника возрождения монархии в России. И он «лицемерно» утверждал, что придерживается принципов демократии только ради получения помощи от французских и британских союзников по Антанте.

В то же время консервативная «Таймс» не писала о верховном правителе как реакционере, не обвиняла его в том, что он отказался от идеи созыва Учредительного собрания прежнего состава, так как среди его депутатов числилось много большевиков и левых эсеров. Он предложил, как только будет возможным, организовать выборы в Национальное собрание. Газета поддерживала убежденность Колчака в том, что в настоящий момент в антибольшевистском лагере власть должна быть сосредоточена в одних руках. Корреспондент «Таймс» даже привел цитату адмирала о том, что он не боится, когда его называют «диктатором». История, как отметил адмирал, показала, что Римская республика, когда наступали тяжелые времена, призывала диктаторов в качестве правителей¹⁵. Римские ассоциации в связи с личностью Колчака содержались и в статьях писателя С.А. Ауслендера, который летом 1919 г. выпустил брошюру пропагандистского характера, посвященную биографии верховного правителя¹⁶.

Верховный правитель, писала «Таймс», придерживаясь внепартийной политической линии, объявил себя врагом реакции. «Он убежден, что старый режим был губительным для России, и он никогда не будет пытаться реставрировать его». По словам адмирала, только на крепкой демократической основе может существовать современное государство¹⁷.

Несмотря на арест более двух десятков оппозиционных эсеро-меньшевистских деятелей и их соратников в Екатеринбурге и Уфе, а также принятие жесткого закона о том, что любая попытка покушения на жизнь верховного правителя и его власть будет караться смертью, «Таймс» не критиковала такие политические меры Колчака и считала их во многом оправданными¹⁸.

Но все же среди значительной части британцев, видимо, господствовало ошибочное мнение о том, что гражданская война в России ведется белыми против большевиков с целью восстановления «царизма». Например, подобный тезис, прозвучал в речи полковника

Ведгвуда, выступившего в марте 1919 г. в Палате общин британского парламента. В данном контексте Колчак рассматривался в качестве сторонника самодержавия.

Но вскоре «Таймс» опубликовала письмо британского журналиста и писателя К.Э. Бехгофера (1894 – 1949), находившегося тогда на Северном Кавказе, на территории, подконтрольной войскам генерала А.И. Деникина. Он заявил: «Я могу говорить вполне определенно, я не слышал в России серьезного мнения о том, что восстановление самодержавия вероятно или возможно». Правительство адмирала Колчака и другие антибольшевистские власти согласились с обязательством созвать Учредительное собрание, которое и определит будущую форму правления. Поэтому, отмечал Бехгофер, говорить о «возрождении самодержавия» в России не имеет смысла¹⁹.

Несмотря на временные трудности утверждения власти верховного правителя, вызванные, в частности, оппозиционностью атамана Семенова, одна из публикаций «Таймс» внушала оптимизм по поводу будущей победы Колчака. В отличие от адмирала, Семенов рассматривался как реакционер, получивший значительную поддержку со стороны японской военной миссии²⁰.

Высоко оценивала «Таймс» боеспособность и возможности белой армии Колчака. Даже без чехословацких формирований, ушедших с фронта, и войск союзников, эта армия сражалась неплохо²¹.

Население Урала и Сибири, по мнению корреспондента газеты в Омске, в целом поддерживало власть верховного правителя. Везде его встречали с энтузиазмом и подарками. Так было в Троицке, Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Златоусте и других местах. «Адмирал Колчак, – отмечал журналист, – сейчас получил всеобщее признание как глава движения по восстановлению порядка, и чем больше его власть консолидируется, тем быстрее большевизм будет сокрушен»²².

«Таймс» писала и о политической программе верховного правителя, который неоднократно заявлял, что возврат к самодержавию невозможен. В своей декларации, изданной в конце ноября 1918 г., он признал все долги России перед странами Антанты²³.

Нередко подчеркивалось, что в решении аграрного вопроса Омское правительство намеревалось действовать прежде всего в интересах мелких земельных собственников, то есть среднего и зажиточного крестьянства. Крупные землевладельцы, за счет которых будет решаться аграрная проблема, получают компенсацию от государства. В декларации Омского правительства по земельному вопросу содержались пункты, которые с одной стороны предоставляли право крестьянам собрать урожай с незаконно занятых и обработанных ими земель, но в то же время любые захваты в будущем запрещались²⁴.

Адмирал заявлял о своей приверженности к развитию местного самоуправления в форме земств и городских дум. Он провозглашал принцип равенства всех перед законом без различия сословной,

классовой и религиозной принадлежности. По еврейскому вопросу Колчак высказался отдельно и подчеркнул, что здесь «не должно быть расовой вражды»²⁵.

Прибалтийским, кавказским и закавказским регионам в составе будущей России верховный правитель обещал предоставить автономии. По вопросам о признании Финляндии и Польши самостоятельными государствами, и присоединения Бессарабии к Румынии он не дал утвердительного ответа, но согласился передать обсуждение и решение этих вопросов на созванное после гражданской войны Национальное собрание, учитывая при этом мнение Лиги Наций²⁶.

Таким образом, газета «Таймс», создавая положительный образ Колчака, публиковала информацию о декларациях верховного правителя, отношении населения к его власти, боеспособности белых войск в Сибири. Критические и негативные материалы «Манчестер Гардиан» относительно адмирала не были столь конкретны и мало подкреплялись фактами.

Вопрос о признании Колчака западными державами

В конце мая 1919 г. «Манчестер Гардиан» опубликовала большую статью о Колчаке. Поводом для нее стал вопрос о том, признавать ли Лондоном и Парижем его в качестве верховного правителя России. При этом, судя по тексту статьи, где упоминались успешные военные действия армий Колчака, не исключалась возможность победы белых. Даже выражалась уверенность в утверждении Колчака в Москве в качестве правителя²⁷.

В отличие от прошлых публикаций газета, ссылаясь на мнения людей из окружения Колчака, отмечала его честность, благородство и профессиональные качества как морского военачальника, но с некоторым сарказмом называла его «джентльменом союзников». Однако при этом все же подчеркивался реакционный характер его политического режима. Адмирал, судя по газетной публикации, вел себя как царь, разогнав местные выборные комитеты по созыву Учредительного собрания. Он, в духе прежнего царского правительства, установил государственную монополию в промышленности и торговле. Отменив все советские законы, Колчак наложил запрет на передачу земли крестьянам. Автор статьи опасался разгула белого террора с утверждением и расширением власти Колчака в России. В качестве примера он обратил внимание на современное положение в Финляндии, где белый террор превзошел по своим масштабам красный. Со ссылкой на слова бывшего премьера Временного правительства А.Ф. Керенского, записанные парижским корреспондентом газеты, делался вывод о том, что в случае с Колчаком «под прикрытием свободы утвердится реакция на троне»²⁸.

К тому же, по мнению автора статьи, от признания Колчака вер-

ховным правителем больше выиграет Париж, нежели Лондон. Политическая линия Д. Ллойд Джорджа, допускавшая «сотрудничество» с большевиками, потерпит фиаско. И это будет означать триумф политики французского Министерства иностранных дел, занимавшего резко враждебную позицию по отношению к Советской власти в России, которая в свое время отказалась от всех долгов и обязательств перед союзниками по Антанте²⁹.

В статье указывалось, что, если Лондон решиться на признание Колчака, то, по крайней мере, необходимо, заставить его выполнить два важных требования. Во-первых, адмирал должен обеспечить все условия для скорейшего созыва Учредительного собрания как народного представительного органа с целью развития парламентаризма в России. При этом Учредительное собрание не должно находиться под контролем Колчака, а иметь полную свободу действий. Во-вторых, он обязан признать полномочия Лиги Наций и ее решения по определению границ и прав новых и старых государств³⁰.

Но в реальность выполнения условий со стороны верховного правителя автору статьи верилось с трудом. «Когда человек намеревается подавить революцию, – писал он, – ему трудно отказаться от революционных методов». И утверждение у власти в Москве Колчака может привести к еще большей эскалации гражданской войны в России, так как идеи большевизма имеют огромную популярность среди населения³¹.

В данной статье «Манчестер Гардиан» негативный образ Колчака несколько смягчен благодаря подчеркиванию его личных качеств как боевого адмирала и честного человека. Но при этом политический режим, который олицетворял верховный правитель, признавался антидемократическим и «реакционным».

Разноликий Колчак

Материалы газеты «Манчестер Гардиан» за 1918 – 1919 гг. демонстрируют в целом отрицательный облик Колчака, хотя оценки его корректировались в положительную сторону, когда речь шла о личных качествах адмирала (в большой статье о верховном правителе, вышедшей в мае 1919 г., в период наибольших успехов его армий на Восточном фронте). Но в целом Колчак представлялся как противник демократии, реакционер, сторонник террора и диктатор. Данный образ был, конечно, далек от действительного портрета Колчака, но все-таки часть правды в нем присутствовала. Такой портрет верховного правителя, представленный в одной из ведущих газет Великобритании, несомненно, влиял на действия политиков по вопросу о признании власти правительства Колчака и оказании ему поддержки для дальнейшей борьбы с большевиками.

Негативный образ Колчака в «Манчестер Гардиан» мог быть обусловлен следующими моментами.

Во-первых, Колчака провозгласили верховным правителем в результате свержения Директории, чья идеология опиралась во многом на социалистические лозунги, на программные установки партии меньшевиков и эсеров. Впоследствии Колчак начал преследования активистов этих партий, не принявших его режим и призывавших к сопротивлению. Близкая к лейбористской идеологии «Манчестер Гардиан» видела в российских меньшевиках и эсерах своих идейных союзников и поэтому также выступила против Колчака.

Во-вторых, как верно заметил современный историк Б.И. Колоницкий, приверженность лидеров Белого движения к символике «старого режима» (погоны, наградные знаки, кокарды, знамена), приводила к тому, что к ним относились как к сторонникам идеи возрождения монархии в России, что на самом деле было далеко не так. «Образ вождей Белого дела был значительно более консервативен, чем их идеология и политика»³².

В-третьих, в позиции газеты просматривается прагматический государственный подход. После окончания, хотя и победоносной, но тяжелой и разорительной, мировой войны британским властям необходимо было сосредоточиться на решении внутренних проблем, а не тратить экономические и военные средства на поддержку режима белого адмирала в далекой России, охваченной революционной смутой.

Кроме того, порой возникали основания для конфликтов между верховным правителем и союзниками по Антанте. Например, вопросы, связанные с охраной Транссибирской железной дороги союзными войсками, выводом русских войск из Владивостока, передачей под охрану союзников золотого запаса, по которым Колчак занимал позицию, противоположную позиции союзников. Возможно и в этом редакция «Манчестер Гардиан» видела враждебный характер политического режима Колчака.

Материалы газеты «Таймс» относительно образа Колчака по своему содержанию во многом противоречивы. Неоднократно корреспонденты газеты имели возможность близко наблюдать адмирала и даже брать у него интервью. Они называли его замечательным исследователем Арктики и «величайшим флотоводцем» мировой войны. Один из корреспондентов даже оставил описание внешности верховного правителя, носившего черный мундир с позолоченными погонами, на которых красовались двуглавые орлы без корон. Адмирал, по его словам, выглядел следующим образом: смуглая кожа, гладковыбритое лицо, орлиный нос, «черные пронзительные глаза» и вытянутая голова «как у норманна». Но при этом британский журналист ошибочно полагал, что Колчак имел казачьи корни (на самом деле дальние предки Колчака были выходцами из Османской империи). Две главные черты в адмирале подчеркивал сотрудник «Таймс»: его демократические симпатии и дружественное отношение к союзникам по Антанте³³.

Многие публикации газеты убеждали читателей, что необходимо признать правительство Колчака и оказать ему финансовую и военную поддержку. Такая политика пойдет на пользу Великобритании и повысит ее авторитет.

Позитивный образ Верховного правителя в консервативной «Таймс» обуславливался, на наш взгляд, следующими моментами. Адмирал Колчак воспринимался как союзник по мировой войне, много сделавший для победы над врагами Великобритании, когда служил на Балтике и Черном море. Неоднократно подчеркивались его качества как флотоводца, что имело значение с точки зрения представлений британцев о большой политике, в которой не последнюю роль играла морская мощь Туманного Альбиона. Тем более что в течение нескольких месяцев, начиная с декабря 1917 г., Колчак, не признавший власть большевиков в России, состоял на службе в британском флоте. Помимо этого в официальных заявлениях верховного правителя звучали слова о невозможности реставрации старого монархического режима, обязательствах перед союзниками по Антанте и координации действий с Лигой Наций по вопросам международной политики. Такие обещания вызывали дружеские симпатии к Колчаку и его правительству.

Однако в итоге британские власти все-таки не решились (или не успели) признать адмирала в качестве верховного правителя России и оказать ему масштабную помощь. Видимо, не последнюю роль в этом сыграли публикации газеты «Манчестер Гардиан» и других изданий, представивших для британцев образ Колчака в негативном ключе. Публикации «Таймс», конструировавшие позитивный образ адмирала, в этом отношении проигрывали.

По свидетельству тогдашнего премьера правительства Колчака П.В. Вологодского, имели место многочисленные случаи «проявления доброжелательности к России со стороны английских правительственных сфер, в особенности со стороны военного министра лорда Черчилля, но и широкой агитации в Англии русских большевиков против нашего правительства. Эта агитация имеет успех среди рабочей партии в парламенте, влияние которой все более усиливается». Вологодский, записав эти строки в своем дневнике, сослался на мнение генерала Н.Н. Головина, прибывшего в августе 1919 г. в Омск из-за границы³⁴.

* * *

Мнения большинства британских политиков и обывателей о Колчаке во многом оказались ближе к трактовкам и выводам «Манчестер Гардиан». На наш взгляд, это обусловлено, прежде всего, особенностями политической культуры британцев, которая отличается законопослушностью и по возможности отказом от насилия в решении тех или иных проблем. В такой политической культуре

доминируют установка на компромисс, умеренность в целях и задачах.

Политические решения британских властей почти всегда отличались прагматизмом с принципиальной ориентацией на переговоры. Поэтому вполне понятно, почему премьер Ллойд Джордж и его кабинет оттягивали признание режима Колчака, выжидая исхода гражданской войны в России. В данном плане оценки «Манчестер Гардиан», видимо, соответствовали устремлениям многих британских политиков.

Такое положение дел можно объяснить, опираясь на концепцию Г. Алмонда и С. Вербы, подразумевающую, что политическая культура складывается из трех основных элементов: когнитивная, аффективная и оценочная ориентации. С этой точки зрения когнитивная ориентация для многих британцев была основана на неполных и неточных знаниях о Колчаке как военачальнике и политике, отсюда нередко появлялись слухи и дезинформация, которые даже просачивались и в прессу. Аффективная ориентация в отношении Колчака, которая базируется на чувствах, симпатиях или антипатиях, также оказалась очень туманной для многих британцев. Адмирал являлся вождем Белого движения в другой стране, далекой от берегов Великобритании. О нем не так много было известно, при этом в прессе содержалась противоречивая информация о том, к чему он стремится и какую политику проводит. Деятельность верховного правителя напрямую не влияла на жизнь британцев, и поэтому их симпатии или антипатии в отношении этого человека не отличались определенностью. Оценочная ориентация действий Колчака также вызывала трудности для многих, не только простых обывателей, но и политиков, поскольку сведения из России были неточными, порой прямо противоположными и приходили с опозданием. Конечно, не последнюю роль сыграли обстоятельства, связанные с военными поражениями белых, после чего пресса Великобритании стала уделять меньше внимания положению дел в российском антибольшевистском лагере.

Примечания

1 *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (NJ), 2015.

2 *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 8.

3 *Цветков В.Ж.* Мундир английский, погон российский: Британия и «русская Смута» // Родина. 2003. № 5-6. С. 99–104.

4 *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 135.

5 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4910.

- Оп. 1. Д. 11. Л. 111–117.
 6 The Times (London). 1918. Nov. 28.
 7 The Times. 1919. May 5.
 8 Manchester Guardian (Manchester). 1918. Nov. 29; The Times. 1918. Nov. 28; Dec. 19.
 9 Manchester Guardian. 1918. Nov. 29.
 10 Волков Е.В. «Правитель омский»: образ адмирала А.В. Колчака в советской художественной культуре // Проблемы российской истории. Вып. X. М.; Магнитогорск, 2010. С. 268.
 11 The Times. 1919. May 5.
 12 The Times. 1919. Mar. 22.
 13 Manchester Guardian. 1918. Dec. 10.
 14 Manchester Guardian. 1918. Dec. 17.
 15 The Times. 1918. Dec. 9.
 16 Журавлев В.В. Образ Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 102–111.
 17 The Times. 1918. Dec. 9.
 18 The Times. 1918. Dec. 18.
 19 Bechhofer C.E. Tsarism in Russia // The Times. 1919. Mar. 29.
 20 The Times. 1918. Dec. 19.
 21 The Times. 1919. Mar. 5.
 22 The Times. 1919. Mar. 5; Jan. 16.
 23 The Times. 1919. June 7.
 24 The Times. 1919. Mar. 5; Apr. 17; June 19.
 25 The Times. 1919. June 14; July 12.
 26 The Times. 1919. June 7; June 14.
 27 Manchester Guardian. 1919. May 28.
 28 Там же.
 29 Там же.
 30 Там же.
 31 Там же.
 32 Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 249.
 33 The Times. 1919. Mar. 22.
 34 Vologodskii P.V. A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China: The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918 – 1925. Vol. 1. Stanford, 2002. P. 292, 293.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Волков Евгений Владимирович – докт. ист. наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
 evgeny-volkov@mail.ru

Ирвин Дакота Дин – докторант Университета Северной Каролины (Чапел-Хилл, США)
 dakota.irvin@gmail.com

В статье на основе материалов британской прессы 1918 – 1920 гг. впервые рассматриваются образы и оценки одного из лидеров Белого движения адмирала А.В. Колчака. На примере двух ведущих британских газет «Таймс» и «Манчестер Гардиан» выявлены и проанализированы различные образы Колчака в контексте британской политической культуры. Рассматриваются причины и истоки противоположных характеристик верховного правителя в этих двух британских изданиях. Раскрывается влияние образов и оценок Колчака, созданных и транслируемых прессой, на союзнические отношения между правительством Колчака и правительственным лагерем Великобритании. Не в последнюю очередь благодаря отрицательным характеристикам и оценкам Колчака в прессе британские власти не решились признать его верховным правителем России и оказать его правительству большую материальную помощь.

Гражданская война в России, Белое движение, А.В. Колчак, Великобритания, периодическая печать, журналистика, политическая культура

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Tsvetkov V.Zh. Munder angliyskiy, pogon rossiyskiy: Britaniya i “russkaya Smuta”. *Rodina*, 2003, no. 5-6, pp. 99–104.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Volkov E.V. “Pravitel omskiy”: obraz admirala A.V. Kolchaka v sovetskoy khudozhestvennoy kulture. *Problemy rossiyskoy istorii* [Problems of Russian History]. Moscow; Magnitogorsk, 2010, vol. X, p. 268.
3. Zhuravlev V.V. Obraz Kolchaka v publikatsiyakh S.A. Auslendera. *Vlast i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th century]. Novosibirsk, 2012, vol. 3, pp. 102–111.

(Monographs)

4. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (NJ), 2015, 576 p.
5. Kolonitskiy B.I. Simvol vlasti i borba za vlast: K izucheniyu politicheskoy kulture rossiyskoy revolyutsii 1917 goda [Symbols of Power and the Struggle for Power: To the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, 2001, p. 8.
6. Kolonitskiy B.I. Simvol vlasti i borba za vlast: K izucheniyu politicheskoy

kultury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda [Symbols of Power and the Struggle for Power: To the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, 2001, p. 249.

7. Lukov E.V., Shevelev D.N. Osvedomitelnyy apparat beloy Sibiri: struktura, funktsii, deyatelnost (iyun 1918 – yanvar 1920 g.) [The Information Bodies of the “White” Siberia: Structure, Functions, Activity (June 1918 – January 1920)]. Tomsk, 2007, p. 135.

Authors, Abstract, Key words

Evgeniy V. Volkov – Doctor of History, Professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)
evgeny-volkov@mail.ru

Dakota D. Irvin – PhD Student, University of North Carolina (Chapel Hill, North Carolina, USA)
dakota.irvin@gmail.com

The article examines the images and appraisals of Admiral A.V. Kolchak, one of the White Movement leaders, as presented in the British press in 1918 – 1920. Kolchak’s different portrayals are analyzed in Britain’s political culture context exemplified by the two leading newspapers – “The Times” and “The Manchester Guardian”. The authors investigate the grounds and reasons why these two British editions offered opposite characteristics of ‘the Supreme Ruler’. The article reveals how Kolchak’s images and appraisals produced and disseminated by the press affected the relations between Kolchak and United Kingdom government circles. It is largely due to Kolchak’s negative coverage in the press that the British government failed to recognize him as Russia’s supreme ruler and offer his government some considerable aid.

Russian Civil War, White Movement, A. V. Kolchak, Great Britain, periodical press, journalism, political culture

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ Book Reviews

Н.В. Ростиславлева

БИСМАРК, ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВЕЙШИХ НЕМЕЦКИХ ИЗДАНИЯХ К ЮБИЛЕЮ ОТТО ФОН БИСМАРКА

N. Rostislavleva

Bismarck, Germany and Russia: Reflections on the Latest Editions to Mark Otto von Bismarck’s 200th Anniversary

1 апреля 2015 г. блестящему немецкому политику, создателю Германской империи исполнилось 200 лет. Нельзя сказать, что книжный рынок Германии накануне юбилея был завален печатной продукцией о нем, но пройти мимо этого события общественность не могла. Известный немецкий историк Юрген Кокка пишет: «Недавно общественность Германии довольно часто вспоминала Бисмарка, что он родился 200 лет назад, 1 апреля 1815 г. К прошлому обращались ведущие политики; так, Вольфганг Шойбле в заслуживающей внимание речи похвалил Бисмарка за прагматичный консерватизм, но делал это, соблюдая дистанцию»¹

Вышли в свет новые биографии Бисмарка², были переизданы нашумевшие книги о «железном канцлере»³, опубликованы сборники статей о создателе Германской империи⁴, переведена на немецкий язык и издана в Германии наиболее удачная американская биография политика, изданная в Оксфорде в 2011 г.⁵ Ю. Кокка в год двухсотлетнего юбилея Бисмарка отмечает: «Историки делали доклады... эту тему также продвигали интеллектуальные медиа. Состоялись круглые столы и конференции. Но в целом тон всех этих мероприятий был довольно умеренный и спокойный. Отсутствовала склонность как к большим спорам, так и к большим эмоциям, как к прославлению Бисмарка, так и к его осуждению»⁶.

Пользуясь столь громким событием, хотелось бы поразмышлять о новых работах о Бисмарке в контексте 200-летнего юбилея «железного канцлера», сравнив современное восприятие Бисмарка с восприятием «железного канцлера» германской общественностью в год празднования 100-летнего юбилея политика.

Вся жизнь Отто фон Бисмарка прошла в XIX в. Его заслуги перед Германией и перед дипломатией в целом столь заметны, что даже

в популярных исторических трудах получил широкое распространение термин «Эра Бисмарка»⁷. Юбилей Бисмарка – своеобразный маркер национально-политического климата германского общества, а также показатель роли мемориальных практик и мест памяти в конструировании национальной идентичности.

Прославление Бисмарка началось еще при жизни, в 1895 г., то есть в год его 80-летия. Несмотря на очень прохладные отношения бывшего канцлера с молодым кайзером Вильгельмом II, тот в канун 80-летия Бисмарка приехал в его поместье Фридрихсру с поздравлениями. 31 марта 1895 г. Вильгельм II вышел встречать сам Бисмарк в генеральском мундире и шлеме. Однако посещение кайзера было несколько бестактным. Он появился в сопровождении эскорта, который состоял из представителей всех родов войск, а в приветственной речи возвестил, что это «день армии». Бисмарк ему ответил, что лучшим в его жизни всегда было быть прусским офицером. Так, обманывая друг друга, они фактически разыгрывали комедию⁸.

Кайзер не мог обойти вниманием столь важное событие, поскольку германское общество, несмотря на некоторую отстраненность властей (рейхстаг голосами партии Центра, свободомыслящих, социал-демократов, польских депутатов принял решение не направлять многолетнему канцлеру поздравительный адрес⁹), грандиозно праздновало юбилей Бисмарка. Баронесса Шпитценберг записала в дневнике: «Весь Берлин стоит под знаком Бисмарка... Газеты говорят только о нем, в витринах окна выставлены его портреты, бюсты, книги. На улицах торговцы в больших количествах предлагали мини-портреты Бисмарка, медали с его изображением, звучали сочиненные к его юбилею стихотворные здравицы»¹⁰. Старый канцлер получил свыше 10 000 телеграмм, много тысяч различных подарков, 450 000 открыток и писем. В эти дни для работы на почте в Фридрихсру пришлось взять дополнительно 28 человек. Приемы и поздравления продолжались вплоть до лета. Бисмарк принял более 50-ти делегаций, для 35 из них организовывались специальные поезда, перед каждой он держал основательно подготовленные речи. Это был марафон мероприятий. Но «старец из саксонского леса», как называли Бисмарка в конце жизни, все выдержал.

Каталог Stabikat, один из крупнейших библиографических ресурсов Германии, показывает, что в год празднования 80-летия Бисмарка вышло в свет 59 публикаций о нем. Он еще жив, но вовсю обсуждается вопрос о строительстве ему памятника, публикуются портреты политика, например, живописные работы Франца Ленбаха. Нельзя не обратить внимание на публикацию 1895 г. К.В. Аллерса под названием «Наш Бисмарк»¹¹. Это юбилейный альбом, где представлена биография канцлера, и множество его портретов, выполненных Аллерсом. Такое название альбома можно воспринимать как явный посыл, что бывший канцлер и есть основа идентичности немцев. В конце жизни Бисмарка именно он, «старец из саксонского

леса», спланировал нацию. Коллективная память вобрала в себя все его славные победы, которые утверждали величие нации.

В 1915 г., в разгар войны против России и ее западных союзников, с помпой праздновался 100-летний юбилей «железного канцлера». Работ на немецком языке, вышедших в год 100-летнего юбилея Бисмарка, – более 160-ти, среди них немало так называемых книжек-агиток, объемом не более 8-10 страниц. Фигура Бисмарка была востребована в контексте определения места Германии в мире, в рамках будущего проекта Срединной Европы и, конечно, роли Бисмарка в мировой войне. «Наш Бисмарк», «Бисмарк и мы» – довольно репрезентативные названия юбилейных изданий. Автором последней работы являлся тогда уже известный политик, будущий лауреат Нобелевской премии Густав Штретземан, попавший под обаяние бывшего канцлера.

В год юбилея было выпущено 10 работ под названием «Наш Бисмарк». К сожалению, не все они сейчас доступны, некоторые были утрачены в годы Второй мировой войны. Однако сохранившиеся экземпляры позволяют осознать, что именно этот человек был в те годы важным конституирующим началом для утверждения национальной идентичности. Так, в 30-страничной работе С. Шпёри утверждалось, что Бисмарк – близкий друг каждого немца, он «объединил наше любимое отечество, сделал его большим и сильным, поэтому он есть и остается нашим Бисмарком»¹².

Другая любопытная работа с названием «Наш Бисмарк» Эрнста Шрека¹³ – это отчет о школьном празднике в честь юбилея создателя Германской империи. В книге напечатаны доклады учеников, причем многие в стихах и с заключительным словом учителя. Одно из стихотворных сочинений школьника названо просто и без затей «Наш Бисмарк». Оно начинается со слов скорби, что Бисмарк умер, но в конце автор восклицает, что он никогда «не умрет в тебе»¹⁴. Таким образом, Бисмарк – это та фигура, частичка которой в каждом немце, он спланирует нацию.

Школьный учитель В. Мачулат к юбилею написал для юношества биографию Бисмарка. Он утверждал, что юбилей «железного канцлера», «немецкий народ намерен так отпраздновать, как Германия еще не отмечала ни один праздник». Но главное, автор подчеркнул: «[Бисмарк] никогда не умирал. Он живет в немецком народе»¹⁵. В. Мачулат признавал, что мировая война – это наследство Бисмарка. Она, по его мнению, вспыхнула, так как враги хотят унижить «сегодняшнее величие Германии», которое было создано «железным канцлером»¹⁶.

Еще одна опубликованная в 1915 г. биография Бисмарка – Оскара Брюссау под названием «Наш Бисмарк» – прославляла бывшего канцлера как «зодчего новой империи, который сумел ее сделать сильной»¹⁷.

Опус под названием «Наш Бисмарк» Германа Петриха, написан-

ный в 1915 г., был переиздан в 1927 г. Он представляет собой 50 коротких рассказов о жизни Бисмарка, связанных с Померанией. Автор полон гордости, что канцлер родом оттуда. Г. Петрих цитировал Бисмарка, что «борьба повсюду, без борьбы нет жизни», и заключал, что лучше Бисмарка этого никто не понимал. Автор создал биографию Бисмарка, зовущую к борьбе, которая в годы мировой войны стала текстом, воодушевляющим нацию¹⁸. Сам Петрих назвал ее померанской книгой о родине. В предисловии к изданию 1927 г., вышедшему уже после поражения Германии в мировой войне, автор вновь выразил благодарность Бисмарку за создание «имперского единства немцев»¹⁹. Поражение в войне, по его мнению, не разрушило представление немецкого народа о себе как о носителе славы Бисмарка, а в чем-то даже укрепило национальную сплоченность.

Текст с названием «Наш Бисмарк» написал и известный в начале XX в. немецкий консервативный историк Г. Бюлов²⁰. Он являлся публикацией речи, произнесенной историком в городе Швейднице, где состоялось празднование 100-летнего юбилея железного канцлера. Этот юбилей историк считал «высочайшим национальным праздником», поскольку Бисмарк обеспечил «единство и величие немецкого народа», а в период мировой войны полностью раскрылось его (Бисмарка) значение²¹. В конце своей пламенной сверхпатриотичной речи Бюлов процитировал слова ректора университета Швейдница, произнесенные им в Фридрихсру, в фамильном склепе Бисмарка: «Мы все чувствуем и знаем, что истинным праздником Бисмарка станет для немецкого народа победа Германии»²².

У фамильного склепа в Фридрихсру в год юбилея звучали клятвы и заверения в неминуемой победе Германии в войне. О важности исторического опыта в формировании национальной идентичности писал Э. Ренан. А. Ассман добавляет, что «нации, определенным образом перерабатывая, интерпретируя и усваивая исторический опыт, могут придавать ему “автогипнотическое” воздействие, которое поддерживается посредством мемориалов, памятников и исторических мест»²³.

Помимо публикаторской активности в честь юбилея основателя Германской империи разбивались сады, организовывались многочисленные шествия к месту его упокоения, возлагались венки и т.п. Все это находило самое широкое отражение в печати. Бисмарк был для социума военной Германии сверхактуальным персонажем, с ним связывали, если использовать терминологию А. Ассман, триумф нации²⁴, его смело можно причислить к ее символам. «Железный канцлер» в полной мере являлся основой конструкции под названием национальная идентичность немцев.

Такое обилие разных по жанру текстов с одинаковым названием «Наш Бисмарк» позволяет утверждать, что историческая память именно в Бисмарке видела элемент, цементирующий нацию. Сквозь призму личности Бисмарка прошлое возрождалось в настоящем,

оно усиливало чувство коллективной принадлежности и проявлялось в создании мемориалов и памятных мест, связанных с «железным канцлером».

1 апреля 2015 г. творцу Германской империи Отто фон Бисмарку исполнилось 200 лет. В одном из крупнейших книжных магазинов Берлина «Дюссман» в разделе «Биографии», стоит около десятка книг, посвященных «железному канцлеру», половина из которых – переиздание работ, опубликованных еще в XX в.

Заслуживает внимание вышедший под редакцией Тильмана Майера специально к 200-летию юбилею сборник статей «Бисмарк: монолит. Рефлексии начала XXI века». Десять известных историков и политиков – Х. Фенске, У. Шли, В. Плумпе, Х. Райф, У. Лаппенкюпер, Г. Киссинджер, М. Штюрмер, Б. Зеебахер, Х.-П. Шварц и Т. Майер, – авторы сборника. Они не стремятся подвергнуть Бисмарка «публичной порке» или с воодушевлением культивировать его образ – они, признавая его величие как государственного деятеля, решительно отмечают все слабости созданного им рейха²⁵.

Редактор книги Тильман Майер признает, что «Бисмарк – это больше, чем просто историческая личность. Он воздействует сквозь время, и в XXI в. нам еще есть что сказать о нем»²⁶. Своеобразным девизом этой книги, по мнению редактора, является высказывание «где много света, там много тени», но он не считает, что «мы живем в тени Бисмарка», просто потому, что его «огромное значение в истории еще и само по себе возвышает политику в XXI веке», подчеркивая бесплодность политики без истории. Однако речь не идет о том, чтобы избавить этого великого человека от упреков. «Бисмарк стоит перед нами во всех его противоречиях, величии и со всеми недостатками»²⁷, – считает редактор. Среди заслуг «железного канцлера» он отмечает прежде всего то, что именно Бисмарку немцы обязаны созданием национального государства, и на все времена его имя будет связано с этим, в «этом заключается его величие, которое по праву вспоминают в Фридрихсру. Это же отражают дошедшие до XXI в. многочисленные памятники Бисмарку»²⁸.

Подобные мысли можно обнаружить и в других статьях сборника, например, в работе Петера Мэрца²⁹.

По мнению Т. Майера, империя в 1871 г. появилась на свет с врожденными недостатками (Geburtsfehler): автор подразумевал прежде всего аннексии и дальнейшее противостояние с Францией, а вектор ошибочного развития преодолен не был³⁰, поскольку то, с чем справлялся Бисмарк, были не способны решить его последователи. Что касается оценки его канцлерства, то, по мнению Т. Майера, оно однозначно соответствует монархическим параметрам правления. Бисмарку не нужны были ни публика, ни партии: «его публика состояла из единственного человека – императора»³¹. В качестве неоспоримой заслуги Бисмарка как канцлера автор называет начало реализации социального законодательства в Германии³². Од-

нако этот свет имел длинную тень, так как из-за введения исключительного закона против социалистов это законодательство, по мнению Т. Майера, обладало внутривластным функциональностью. Историк признает блестящие внешнеполитические достижения Бисмарка и секрет его успеха видит в том, что его восхождение по карьерной лестнице было связано с успехами во внешней политике, так как он получал информацию из первых рук и при этом обладал острым дипломатическим чутьем.

С филигранным мастерством написана статья специалиста по конституционно-правовой истории Ханса Фенске «Создать единство – это путь к модерну?». Автор рассматривает роль Бисмарка в подготовке конституции Северогерманского союза и полагает, что она была значительной³³. В классическом виде эта конституция не провозглашала парламентаризм, который в то время существовал только в Англии и Бельгии. Однако учрежденный ею тип конституционно-правительственной системы был широко распространен в Европе и соответствовал, по мнению Фенске, пониманию широких политических кругов Германии. Историк пишет: «На вопрос, была ли Германия, создав конституции 1867 и 1871 гг., на пути к модерну, безусловно следует ответить утвердительно»³⁴

В критическом ключе осмысливает события австро-прусской войны 1866 г. Ульрих Шли. Сравнивая системы Бисмарка и Меттерниха, он полагает, что и Пруссия, и Габсбурги стали жертвами собственной истории³⁵.

В. Плумпе придерживается в своей статье объективной логики и подчеркивает реальность успеха Бисмарка в сфере социальной политики, отмечает структурный характер его реформ и показывает, что они являлись прагматичными, так как были связаны с потребностями экономики тогдашней Германии, но имели очень много противников, прежде всего среди либералов и социал-демократов. Вывод автора – без Бисмарка развитие социального государства в Германии проходило бы по-иному³⁶. Автор видит в социальной политике Бисмарка объективную логику, а не только рефлекс на социал-демократию. Мнение, что социальное законодательство призвано было служить борьбе с социал-демократией, было инспирировано, как считает автор, его противниками. В этой статье ощущается более позитивная оценка социальной политики «железного канцлера», чем ее рассмотрение с позиции «кнута и пряника». Именно эта сфера деятельности Бисмарка при всех «но» вызывает сейчас в Германии наибольший интерес и позитивную оценку.

Полной противоположностью является статья Бригитте Зеебахер. Автор рассматривает политику Бисмарка в контексте деятельности А. Бебеля, который критиковал Германию за аннексию Эльзаса и Лотарингии, требовал уважения к Франции при заключении мира. По мнению автора, такие результаты деятельности Бисмарка отравили политическую культуру Второй империи³⁷.

Мемориальные практики, связанные с «железным канцлером», рассматриваются в статье руководителя Фонда Бисмарка Ульриха Лаппенкюпера «Наследство Бисмарка. Фридрихсру как медиум воспоминания». Автор описывает мемориальную культуру, которая сложилась в саксонском лесу – месте нахождения поместья Бисмарка Фридрихсру и его мавзолея. Лаппенкюпер полагает, что она, преодолевая партийные барьеры, способствует научным изысканиям, а историческая наука от этого только выигрывает. По мнению историка, образ Бисмарка в различных группах немецкого общества неоднозначен, поэтому путь к созданию Фонда Бисмарка был долгим и трудным. Лаппенкюпер подчеркивает важность существования фонда, поскольку «благодаря тесной связи выставки, музея, архива, “виртуальной версии Фридрихсру” на Интернет-сайте фонда и мавзолея Отто фон Бисмарка в Европе нет лучше места памяти для познания европейской истории долгого XIX в. и ее главных акторов, чем это маленькое сообщество в центре Саксонского леса»³⁸. Автор видит интерес современных поколений к Бисмарку прежде всего как к части европейской истории долгого XIX века, а не в качестве основы конструирования национальной идентичности немцев.

Знаком наследия Бисмарка Михаэль Штюрмер в статье «Бисмарк и немецкий вопрос» подчеркивает, что в ФРГ до 1989 г. Бисмарк не был предметом серьезного изучения. Однако в 1989 – 1990 гг., размышляя об искусстве управления государством, о внутренней и внешней политике государства эпохи «железного канцлера», автор видит их смысл для истории, географии и геополитики. Особо М. Штюрмер выделяет отношение Бисмарка к России, которое, по его мнению, актуально и для сегодняшнего дня³⁹. Востребованность наследия Бисмарка для формирования национальной идентичности М. Штюрмером не обсуждается. В данном ракурсе первый канцлер Германской империи выступает скорее как отрицательная величина, особенно если иметь в виду глобальную перспективу единения немцев. Х.-П. Шварц, сравнивая объединительную политику Бисмарка и Г. Коля, отмечает то, как четко они оба использовали внешнеполитическую ситуацию, продвигаясь к единству, а в сфере внутренней политики оба стремились предотвратить развитие антinationальной идеи. Но в целом, автор полагает: как нельзя в одну и ту же реку войти дважды, так и не стоит говорить о сходстве в образовании Германской империи в 1871 г. и объединении Германии в 1990 г.⁴⁰

Бисмарк как создатель германского социального государства – в центре эссе известного германского историка Юргена Кокки. Автор считает, что три крупных закона Бисмарка о социальном страховании 1883, 1884 и 1889 гг. являлись не оборотной стороной «исключительного закона против социалистов», ставившего социал-демократическую партию вне правового поля легальной агитации, а призваны были служить национальной консолидации Германской империи. Он замечает: «Государственная система социального страхования

рассматривалась Бисмарком как средство национальной консолидации, не случайно она была введена вскоре после возникновения Германской империи. Как это было названо в обосновании первого проекта закона 1881 г. о страховании от несчастных случаев, «он являлся не только долгом гуманности и христианства... но также задачей поддержанной государством политики»⁴¹. По сути, историк связывает процесс создания социального государства с необходимостью укрепления национальной идентичности, что заставляет, по мнению Ю. Кокки, признать тесную взаимосвязь национального и социального государства в Германии.

Как было показано, у Т. Майера – несколько отличная точка зрения. Не оспаривается в настоящее время современными немецкими историками только роль Бисмарка в формировании социального государства, но причины, заставившие канцлера встать на стезю социального законодательства, оцениваются по-разному. Именно создание Германской империи стало, по мнению Кокки, импульсом для масштабной деятельности Бисмарка в сфере социального страхования, так как должно было, по его замыслу, превратить работающих граждан Германской империи в государственных пенсионеров⁴². Автор признает, что Бисмарк, «без сомнения личность века, оказавшая долговременное воздействие на историю», но призывает не переоценивать его роль как актора⁴³.

Бисмарк по-прежнему интересен исследователям как герой исторической биографии, поскольку его жизнь наполнена приключениями, преодолениями себя, хитросплетениями, из которых он умел ловко выпутываться⁴⁴. «Железный канцлер» – это, безусловно, глыба, он остался крупной личностью в истории, но его ресурс в рамках формирования национальной идентичности немцев исчерпан. Бисмарк продолжает привлекать историков как бранденбургский джентльмен, образцовый помещик и предприниматель, виртуозный исполнитель дипломатических миссий, «белый революционер» (Генри Киссинджер), «истинный пруссак» (Эрнст Энгельберг), «пруссак своего века» (К. Нонн).

Бисмарк и Россия – не самый популярный сюжет в современной германской бисмаркиане.

Конечно, в новейших биографиях Бисмарка кратко упоминаются его пребывание с дипломатической миссией в С.-Петербурге, вмешательство в «восточный кризис» 1877 – 1878 гг., который завершился Берлинским конгрессом. Также отмечается, что «железный канцлер» опасался войны на два фронта, и поскольку Франция являлась для Германской империи «врагом номер один», то России всегда было предусмотрено место в хитроумной паутине союзов Бисмарка. Однако, например, в книге И. Вильмса, период Петербургской миссии Бисмарка обсуждается в основном в контексте «Новой эры», которая началась в Пруссии с регентства Вильгельма I, то есть с 1858 г.⁴⁵ Автор дает понять, что пребывание Бисмарка в Петербурге

было своеобразной ссылкой, на политический успех Петербургской миссии указаний нет.

Аналогичная картина – и в сочинении К. Нонна. Историк пишет: «Три года, до весны 1862 г., он провел в Санкт-Петербурге. Большую часть времени его здоровье было не в порядке. Месяцами он пытался справиться с болями в ногах, чуть не умер от воспаления легких. Его мучила депрессия, и он жаловался на нервные припадки. Все это было следствием его переезда в Россию, который он воспринимал как деградацию. Впервые с начала его карьеры он не поднялся наверх»⁴⁶.

Несколько больше внимания уделил Петербургской миссии Бисмарка Х.-К. Краус. Он описывает успехи прусского посланника в изучении русского языка, отмечает, что позже, став канцлером, тот регулярно читал русские газеты, интересовался деятельностью молодых русских дипломатов. Но добавляет, что «важнейшей фигурой в русской политике тот считал Александра Горчакова, с которым он в ходе его трехлетнего пребывания в Петербурге смог установить первые интенсивные контакты»⁴⁷. Однако свое пребывание в Петербурге, Бисмарк, по мнению автора, воспринимал как «позицию ожидания» («Wartestellung») и готовился к решению более важных задач в Берлине⁴⁸.

В российской историографии именно пребывание Бисмарка в России является наиболее хорошо изученным сюжетом, и интерпретируется оно как политический успех «железного канцлера»⁴⁹. Петербургской миссии Бисмарка была посвящена состоявшаяся в июне 2015 г. международная конференция в С.-Петербурге, что само по себе указывает на ее значимость для российской исторической науки. Также в фокусе внимания отечественных историков всегда было отношение Бисмарка к России.

Созвучным им является мнение о России в судьбе Бисмарка и в истории Германии в целом М. Штюрмера. В рамках рефлексии деятельности Бисмарка в XXI в. историк подчеркивает актуальность отношения «железного канцлера» к России, и отмечает, что современное объединение Германии, также как и создание Германской империи, было бы невозможно без нейтральной позиции России⁵⁰. Прежде всего Штюрмер указывает на невмешательство России в ход франко-германской войны 1870 – 1871 гг., но полагает, что ожидаемой компенсации – усиления влияния России на Балканах и контроль над проливами – она не получила. Штюрмер называет часом истины «Берлинский конгресс, бросивший Россию в объятия Франции»⁵¹. Историк приводит на страницах своей статьи знаменитую цитату, которая показывает, что ни колониальная политика, ни создание флота не смогут поменять европейские приоритеты Бисмарка, когда тот произнес, «указывая на европейскую карту: “Здесь Россия, здесь Франция – вот такая моя карта Африки”»⁵².

Разнообразие в восприятии этой яркой и харизматичной лично-

сти современными историками позволяет понять, что Бисмарк уже не сверхактуальный персонаж, а его воздействие на историю Германии, по мнению немецких исследователей, в значительной мере, видимо, уже в прошлом.

Примечания

¹ Кокка Ю. Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1-2 (9-10). С. 5.

² Kraus H.-Ch. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015; Nonn Ch. Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015; Kolb E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München, 2014; Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks. München, 2014.

³ Willms J. Bismarck: Dämon der Deutschen. München, 2015.

⁴ Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015.

⁵ Steinberg J. Bismarck: Magier der Macht. Berlin, 2015.

⁶ Кокка Ю. Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1-2 (9-10). С. 5, 6.

⁷ Müller H. Schlaglichter der deutschen Geschichte. Bonn, 2004.

⁸ Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks. München, 2014. S. 221.

⁹ Ростиславлева Н.В. Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Бисмарка // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2016. № 54. С. 335–348.

¹⁰ Kolb E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München, 2014. S. 172.

¹¹ Allers C.W. Unser Bismarck. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1895.

¹² Spörri S. Unser Bismarck: Zu Otto von Bismarcks 100. Geburtstag für die deutsche Jugend. Elberfeld, 1915. S. 32.

¹³ Schreck E. Unser Bismarck. Minden i. W., 1915.

¹⁴ Schreck E. Unser Bismarck. Minden i. W., 1915. S. 15, 16.

¹⁵ Matschulat W. Unser Bismarck. Breslau, 1915. S. 3.

¹⁶ Matschulat W. Unser Bismarck. Breslau, 1915. S. 44.

¹⁷ Brüssau O. Unser Bismarck: zu seinem 100. Geburtstage; Deutschlands Kämpfer und Deutschlands Jugend. Potsdam, 1915. S. 26.

¹⁸ Petrich D.H. Unser Bismarck: 50 Bismarckgeschichten, alte und neue, aus seinen pommerschen Tagen; ein pommersches Heimatbuch. Gütersloh, 1915. S. 106.

¹⁹ Petrich D.H. Unser Bismarck: 50 Bismarckgeschichten, alte und neue, aus seinen pommerschen Tagen; ein pommersches Heimatbuch. Gütersloh, 1927. S. 6.

²⁰ Bülow G. Unser Bismarck: Festrede, gehalten bei der von der Stadt Schweidniß veranstalteten öffentlichen Bismarckjahrhundertfeier am 1. April 1915. Schweidniß, 1915.

²¹ Bülow G. Unser Bismarck: Festrede, gehalten bei der von der Stadt

Schweidniß veranstalteten öffentlichen Bismarckjahrhundertfeier am 1. April 1915. Schweidniß, 1915. S. 3.

²² Bülow G. Unser Bismarck: Festrede, gehalten bei der von der Stadt Schweidniß veranstalteten öffentlichen Bismarckjahrhundertfeier am 1. April 1915. Schweidniß, 1915. S. 8.

²³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 38.

²⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 8, 9.

²⁵ Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015.

²⁶ Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 13.

²⁷ Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 14.

²⁸ Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 15.

²⁹ März P. “Genie” im Kanzleramt? Otto von Bismarck als erster deutscher Kanzler und als preußischer Regierungschef // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 92.

³⁰ Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 16.

³¹ Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 18, 19.

³² Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 20.

³³ Fenske H. Die Einheit verfassen – Auf dem Weg zur Moderne? // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 127.

³⁴ Fenske H. Die Einheit verfassen – Auf dem Weg zur Moderne? // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 140.

³⁵ Schlie U. Förmlich geschieden? Der deutsche Dualismus, Bismarcks Kalkül und die Folgen des Duells von 1866 // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 175.

³⁶ Plumpe W. Otto von Bismarck und die soziale Frage – Überlegungen zu einem alten Thema der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 197.

³⁷ Seebacher B. Bismarck und Bebel. Ein Spiegelbild // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 230–232.

³⁸ Lappenküper U. Bismarcks Erbe. Friedrichsruh als Medium der Erinnerung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 255.

³⁹ Stürmer M. Bismarck und die Deutsche Frage // Bismarck: der Monolith.

Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Hamburg, 2015. S. 319–326.

⁴⁰ Schwarz H.-P. Reichsgründung und Wiedervereinigung: Variationen zum Thema Vergleichbarkeit und Unvergleichbarkeit von Otto von Bismarck und Helmut Kohl // *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015. S. 350, 351.

⁴¹ Кокка Ю. Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // *Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал*. 2015. № 1-2 (9-10). С. 9.

⁴² Кокка Ю. Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // *Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал*. 2015. № 1-2 (9-10). С. 5–11.

⁴³ Кокка Ю. Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // *Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал*. 2015. № 1-2 (9-10). С. 6.

⁴⁴ Kraus H.-Ch. *Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen*. Stuttgart, 2015; Nonn Ch. *Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert*. München, 2015.

⁴⁵ Willms J. *Bismarck: Dämon der Deutschen*. München, 2015. S. 117–129.

⁴⁶ Nonn Ch. *Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert*. München, 2015. S. 112.

⁴⁷ Kraus H.-Ch. *Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen*. Stuttgart, 2015. S. 74.

⁴⁸ Kraus H.-Ch. *Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen*. Stuttgart, 2015. S. 75.

⁴⁹ Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка, 1859 – 1862: Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013; Чубинский В.В. *Бисмарк: Политическая биография*. М., 1988.

⁵⁰ Stürmer M. Bismarck und die deutsche Frage // *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015. S. 320, 321.

⁵¹ Stürmer M. Bismarck und die Deutsche Frage // *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015. S. 321.

⁵² Stürmer M. Bismarck und die Deutsche Frage // *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015. S. 325.

Автор, аннотация, ключевые слова

Ростиславлева Наталья Васильевна – докт. ист. наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета
ranw@mail.ru

В статье на основе исследований, опубликованных к 200-летию юбилею Отто фон Бисмарка, рассматриваются образ и оценки «железного канцлера» в реалиях современной исторической науки Германии. Проводится сравнительный анализ литературы, приуроченной к столетнему юбилею Бисмарка, с современными публикациями. Делается вывод, что первый канцлер Германской империи утратил ресурс для формирования национальной идентичности немцев. Вместе с тем немцы не забыли, что именно

Бисмарку обязаны созданием национального государства и в этом заключается его величие. Бисмарк интересен сегодня историкам Германии как политик, стоявший у истоков формирования социального государства, а также как герой биографической истории. В статье прослеживается освещение германскими историками отношения Бисмарка к России, и отмечается, что для них это сейчас не самый актуальный сюжет.

Отто фон Бисмарк, Германская империя, объединение Германии, социальное государство, внешняя политика, Первая мировая война, историография, исторический юбилей

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kocka J. Bismark i vzniknovenie sotsialnogo gosudarstva v Germanii. *Rossiya i Germaniya: Nauchnyy gumboldtovskiy zhurnal*. 2015, no. 1-2 (9-10), p. 5.

2. Kocka J. Bismark i vzniknovenie sotsialnogo gosudarstva v Germanii. *Rossiya i Germaniya: Nauchnyy gumboldtovskiy zhurnal*. 2015, no. 1-2 (9-10), pp. 5, 6.

3. Kocka J. Bismark i vzniknovenie sotsialnogo gosudarstva v Germanii. *Rossiya i Germaniya: Nauchnyy gumboldtovskiy zhurnal*. 2015, no. 1-2 (9-10), p. 6.

4. Kocka J. Bismark i vzniknovenie sotsialnogo gosudarstva v Germanii. *Rossiya i Germaniya: Nauchnyy gumboldtovskiy zhurnal*. 2015, no. 1-2 (9-10), p. 9.

5. Kocka J. Bismark i vzniknovenie sotsialnogo gosudarstva v Germanii. *Rossiya i Germaniya: Nauchnyy gumboldtovskiy zhurnal*. 2015, no. 1-2 (9-10), pp. 5–11.

6. Rostislavleva N.V. Natsionalnaya identichnost nemtsev v fokuse naslediya Bismarka. *Dialog so vremenem: Almanakh intellektualnoy istorii*. 2016, no. 54, pp. 335–348.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Fenske H. Die Einheit verfassen – Auf dem Weg zur Moderne? *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 127.

8. Fenske H. Die Einheit verfassen – Auf dem Weg zur Moderne? *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 140.

9. Lappenküper U. Bismarcks Erbe. Friedrichsruh als Medium der Erinnerung. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 255.

10. Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung. *Bismarck: der Monolith*.

- Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 13.
11. Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 14.
12. Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 15.
13. Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 16.
14. Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, pp. 18, 19.
15. Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 20.
16. März P. "Genie" im Kanzleramt? Otto von Bismarck als erster deutscher Kanzler und als preußischer Regierungschef. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 92.
17. Plumpe W. Otto von Bismarck und die soziale Frage – Überlegungen zu einem alten Thema der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 197.
18. Schlie U. Förmlich geschieden? Der deutsche Dualismus, Bismarcks Kalkül und die Folgen des Duells von 1866. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 175.
19. Schwarz H.-P. Reichsgründung und Wiedervereinigung: Variationen zum Thema Vergleichbarkeit und Unvergleichbarkeit von Otto von Bismarck und Helmut Kohl. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, pp. 350, 351.
20. Seebacher B. Bismarck und Bebel. Ein Spiegelbild. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, pp. 230–232.
21. Stürmer M. Bismarck und die Deutsche Frage. *Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, pp. 319–326.
22. Stürmer M. Bismarck und die deutsche Frage. *Bismarck: der Monolith: Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, pp. 320, 321.
23. Stürmer M. Bismarck und die Deutsche Frage. *Bismarck: der Monolith: Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 321.
24. Stürmer M. Bismarck und die Deutsche Frage. *Bismarck: der Monolith: Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hamburg, 2015, p. 325.

(Monographs)

25. Assmann A. Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow, 2014, pp. 8, 9.
26. Assmann A. Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow, 2014, p. 38.
27. Chubinskiy V.V. Bismarck: Politicheskaya biografiya [Bismarck: A

Political biography]. Moscow, 1988, 415 p.

28. Dudarev V.S. Peterburgskaya missiya Otto fon Bismarka, 1859 – 1862: Diplomaticheskaya ssylka ili politicheskiy uspek? [Otto von Bismarck Mission to St. Petersburg, 1859 – 1862: Diplomatic Exile or Political Success?]. St. Petersburg, 2013, 301 p.
29. Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks. München, 2014, 236 p.
30. Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks. München, 2014, p. 221.
31. Kolb E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München, 2014, 208 p.
32. Kolb E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München, 2014, p. 172.
33. Kraus H.-Ch. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015, 330 p.
34. Kraus H.-Ch. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015, p. 74.
35. Kraus H.-Ch. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015, p. 75.
36. Müller H. Schlaglichter der deutschen Geschichte. Bonn, 2004, 528 p.
37. Nonn Ch. Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015, 400 p.
38. Nonn Ch. Bismarck: Ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015, p. 112.
39. Steinberg J. Bismarck: Magier der Macht. Berlin, 2015, 745 p.
40. Willms J. Bismarck: Dämon der Deutschen. München, 2015, 335 p.
41. Willms J. Bismarck: Dämon der Deutschen. München, 2015, pp. 117–129.

Author, Abstract, Key words

Natalya V. Rostislavleva – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
ranw@mail.ru

Based on research published on the occasion of Otto Bismarck's bicentennial, the article examines the image and appraisals of 'the Iron Chancellor' as viewed by Germany's modern historical science. The current publications are analyzed in comparison with those written for his centennial. It is concluded that the First Chancellor of the German Empire ran short of resources to mould the Germans' national identity. Nevertheless, the Germans are well aware that they owe Bismarck the foundation of their national state, which accounts for his greatness. Today Bismarck interests German historians as a politician who embarked upon the formation of a welfare state as well as a hero of biographical history. The author looking into how the German historians cover Bismarck's attitude toward Russia argues that it is far from being a prior subject for them.

O. Bismarck von, German Empire, unification of Germany, welfare state, foreign policy, World War I, historiography, historical anniversary

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

**К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ РУССКОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА
В 1917 – 1920 ГОДАХ:
О КНИГЕ В.Ж. ЦВЕТКОВА «ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ»**

V. Chicheryukin-Meyngardt

**On Motivation of the Russian Generals' Social Behaviour
in 1917 – 1920:
About V. Tsvetkov's Book "General Alexeev"**

На рубеже 1980 – 1990-х гг., благодаря набравшим силу общественно-политическим процессам в стране, у историков появилась возможность привлекать недоступные прежде источники и литературу. В отечественную историческую науку пришли новые люди. Во многом благодаря этому обстоятельству начался новый этап в изучении истории Гражданской войны в России и, в первую очередь, истории Белого движения.

В последующую четверть века отечественные историки плодотворно изучали различные аспекты Белого движения, которое до конца 1980-х гг. было, в значительной мере, «белым пятном» для читающей публики.

Уже в начале 1990-х гг. одним из аспектов истории Белого движения, привлечшим внимание немногих историков, но, тем не менее, активно изучавшихся, стала история создания и развития антибольшевистской государственности, альтернативной Советской власти. Естественно, одним из центров изучения «белых» государственных образований в контексте истории российской государственности стал Историко-архивный институт, в котором был накоплен огромный опыт изучения истории государственных учреждений России. Эта проблематика обсуждалась на всероссийских и межвузовских научных конференциях, проводившихся как в РГГУ¹, так и на базе других вузов².

Уже тогда стали закладываться различные подходы исследователей к изучению «белой» государственности. Скажем, С.В. Карпенко сосредоточился на изучении взаимодействия государства и экономики на «белых» территориях, государственном регулировании хозяйственной жизни и факторов его эффективности³, качественных и количественных характеристиках «белого» чиновничества и коррупции⁴. А В.Ж. Цветков, плодотворно разрабатывавший аграрно-крестьянскую политику Белого движения, именно через нее, именно в ее контексте вышел на проблематику государственности, на историю политических и общественных институтов, функционировавших на территориях, подвластных белым⁵.

Среди своих коллег, взявшихся за изучение «белой» государственности, широтой замысла и глубиной теоретического осмысления и обобщения сразу же выделилась В.Д. Зиминая, перешедшая на работу в РГГУ. Своими капитальными исследованиями она задала своего рода вектор изучения государственности Белого движения на длительную перспективу⁶.

В начале 2020-х гг. стало очевидно, что самым верным ее последователем, продолжателем ее дела стал профессор В.Ж. Цветков. Написанная и изданная им серия монографий, основанных на огромном массиве опубликованных материалов и архивных документов, впервые обстоятельно раскрыла эволюцию государственных учреждений и разнообразных общественных организаций, созданных и действовавших на «белой» территории. Ему впервые удалось выяснить, как военные и политические деятели Белого движения пытались изменить организацию и методы управления занимаемой территорией, чтобы, с одной стороны, приспособиться к реалиям вооруженной борьбы против «Совдепии», с другой – создать механизм власти, способный стать основой для возрождения России⁷.

Однако есть в этой проблематике одна сторона, которая явно нуждается в более глубоком изучении: политические взгляды и настроения, мотивация социальной активности и государственной деятельности конкретных руководителей Белого движения. Иначе говоря, «человеческое измерение» государственного строительства, политического творчества белых генералов. На наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений является изучение жизненного пути и личностей руководителей Белого движения, включая их деятельность не только на сугубо военном поприще, но и на поприще политическом и государственном. Поскольку основы «белой» государственности, например, на юге России начали закладываться при непосредственном участии генерала М.В. Алексева, то вполне закономерно, что его историческая фигура всероссийского масштаба, его личность именно с этой точки зрения должны привлечь особое внимание исследователей Белого движения.

Первые серьезные шаги в этом направлении, применительно к генералу Алексеву, уже сделаны. Так, С.В. Карпенко в своей книге рассмотрел работу генерала Алексева по финансовому и материальному обеспечению формирования Добровольческой армии и создания первых государственных институтов при ней, а также его взгляды на обеспечение экономических основ антибольшевистской государственности с точки зрения его жизненного опыта и менталитета⁸.

В.Ж. Цветков, со своей стороны, написал обстоятельный труд о генерале Алексееве (1857 – 1918)⁹, ставший логическим завершением его многолетней работы над биографией этого выдающегося патриота России¹⁰. И эта книга дает серьезную почву для размышлений о мотивации социального поведения русского генералитета в

эпоху Русской революции и Гражданской войны, обнажает исключительную важность глубокого изучения этой проблемы.

Так историография Первой мировой войны 1914 – 1918 гг., равно как и войны Гражданской 1917 – 1922 гг., пополнилась еще одним биографическим исследованием. Еще на один серьезный, глубокий труд выросло число книг, в которых излагаются биографии государственных деятелей, военачальников, политиков и других персонажей, оставивших яркий след в отечественной истории конца XIX – начала XX вв. Это люди, давно ставшие сами по себе историей, чей жизненный путь и деяния продолжают привлекать к себе внимание профессиональных историков. Но не только их, а еще публицистов, журналистов, беллетристов, которые, не утруждая себя работой в архивах и библиотеках, создают сочинения, в которых излагают исторические события и участие в них тех или иных персонажей, при этом воспроизводя не проверенные факты, дополняя их домыслами, не пытаясь разобраться в тех или иных событиях и фактах. Или привлекают источники и свидетельства, не удосужившись их проверить и, тем более, подвергнуть их профессиональному критическому анализу.

Именно так с начала 1990-х гг. в отечественных изданиях стала тиражироваться теория о заговоре «генералов-предателей», будто бы заставивших верховного главнокомандующего русской армией императора Николая II подписать манифест об отречении от престола. Дескать, встав во главе Белого движения, эти «генералы-предатели» изначально придали ему некий «порочный» характер, что и определило поражение белогвардейцев в Гражданской войне. Ибо за ними якобы не было правды.

На фоне подобных «сочинений» совсем иначе воспринимается глубокая, вдумчивая монография В.Ж. Цветкова. Один только перечень использованных историком источников и литературы, занимающий почти два десятка страниц¹¹, не может не вызывать уважения.

С первых страниц автор отмечает, что не будет игнорировать мифы и инсинуации, которые окружают имя давно почившего русского военачальника. На них мы остановимся несколько позже.

В.Ж. Цветков подробно и полно излагает биографию своего героя. Будущий военачальник родился в 1857 г. в семье офицера, и его детские и отроческие годы пришлись на эпоху реформ Александра II. Едва ли не первостепенное значение имела реформа военная. В обществе были свежи воспоминания о проигранной Крымской войне 1853 – 1856 гг., что обусловило внимание правящих кругов к ее итогам. Менялась страна, менялись ее армия и флот.

Наряду с перевооружением армии и военного флота, Россия перешла от рекрутской системы набора к всеобщей воинской повинности. Стал меняться состав офицерского корпуса. Создавались новые военные учебные заведения. Реальные шансы сделать карьеру на воинском поприще открывались для сотен и тысяч юношей из не-

привилегированных сословий. Судьбе было угодно, чтобы именно М.В. Алексеев, человек из простонародья, в лучшем смысле этого слова, начавший службу в пору военных реформ Александра II и военного министра Д.А. Милютин, поднялся на высшую ступень военной иерархии России.

Офицерский корпус Русской императорской армии получил приток свежей крови. При этом важно отметить, что новичок, попавший в офицерскую среду, неизбежно проникался теми традициями и ценностями, которые были незыблемыми для русского офицера.

Военная реформа, пусть даже не доведенная до конца, дала свои первые плоды уже в ходе Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., участником которой стал Михаил Алексеев, в ту пору – молодой подпоручик Казанского пехотного полка. «Казанцы» в составе отряда генерала Скобелева участвовали во взятии Ловчи, осаде Плевны, капитуляция которой стала переломом в ходе войны. Им довелось дойти до предместий столицы Османской империи – Константинополя, и встать лагерем буквально под его стенами.

За этой яркой и славной страницей, для молодого офицера потянулись серые армейские будни. В свое время ожесточенную полемику в обществе вызвал роман А.И. Куприна «Поединок». Возможно, что писатель в чем-то сгустил краски. Но размеренная жизнь захолустного гарнизона ломала судьбы офицеров. Такое случалось и в Русской армии, и в Советской, спустя десятки лет после гибели на дуэли подпоручика Ромашова.

Тем большее уважение вызывает герой книги, который проявил твердую волю и целеустремленность. Это выразилось, в первую очередь, в том, что молодой русский офицер усердно готовился к поступлению в Николаевскую военную академию. И его труд был вознагражден: Алексеев стал слушателем академии, пройдя весьма нелегкие испытания. Успешно закончив ее, он в дальнейшем немало лет прослужил на военно-преподавательском поприще, включая столичную Николаевскую военную академию, с перерывом на Русско-японскую войну 1904 – 1905 гг. О том времени, когда Алексеев преподавал в Николаевском кавалерийском училище, в книге В.Ж. Цветкова приводятся отрывки из воспоминаний генерала А.П. Богачевского, яркие и живые¹².

Начавшаяся Первая мировая война застала М.В. Алексеева на посту начальника штаба Киевского военного округа. Война всегда была и есть самый строгий экзаменатор на профессиональную пригодность миллионов военных, от солдата до генерала. Этот экзамен предстояло выдержать и ему.

Начавшему войну начальником штаба Юго-Западного фронта, Алексееву, в отличие от своих товарищей по оружию на Северо-Западном фронте, довелось вкусить радость победы над врагом уже в первые месяцы войны. Русские войска нанесли тяжелое поражение австро-венгерским войскам во встречном сражении на реках Золо-

тая Липа и Гнилая Липа. Она вошла в историю как Первая Галицийская битва. Следствием ее стали взятие города Лемберга (Львов) и осада крепости Перемышль (Пшемисл), гарнизон которой капитулировал весной 1915 г.

В пору Великого отступления русских войск летом 1915 г., генерал Алексеев сумел вывести вверенные ему войска из-под охватывающих ударов противника. Во многом благодаря его действиям, германцы и австрийцы не смогли уничтожить русские войска в «польском мешке». Здесь русский генерал проявил себя настоящим стратегом, сумев организовать отступление, при удержании противником инициативы в своих руках. Отвод русских войск из «польского мешка» стал для него вторым экзаменом на профессиональную пригодность. Он его выдержал с честью.

Теперь генералу Алексееву и другим русским военачальникам, в частности генералам Н.В. Рузскому, А.Е. Эверту и Н.А. Брусилону, надо было осваивать новую форму войны – не маневренной, как это было в первый год, а позиционной, или окопной, войны на изматывание противника, на истощение его ресурсов, на крепость нервов, своих и врага. К этому добавлялась серьезная проблема качества личного состава армии. Дело в том, что к середине 1915 г. довоенная кадровая Русская армия перестала существовать: она была выбита в боях противником. И тем не менее в течении последующих полутора-двух лет Русская армия стойко держала фронт, переходя в наступление.

К тому моменту стало очевидным, что время полководцев, непосредственно наблюдающих за ходом сражения, имеющих возможность на него повлиять посылкой подкреплений, тем или иным приказом, безвозвратно ушло в прошлое. Новая война вызвала к жизни полководцев новой формации. Командующий армией, а тем более фронтом, и его помощники в лице начальника штаба и генерал-квартирмейстера, – это аналитики, размышляющие над картой будущих сражений, анализирующие бесконечные таблицы, графики, сводки, отражающие не только положение в действующей армии и в прифронтной полосе, но и в глубоком тылу. Полководец новой эпохи должен быть не только стратегом, но и администратором. О том, насколько тесно оказались переплетенными фронт и тыл, насколько глубоко война проникала в далекий тыл, говорила следующая статистика: в годы войны 1914 – 1918 гг. на одного солдата на передовой 82 человека трудились в тылу.

Военачальникам на фронте приходилось решать массу вопросов, зачастую не связанных с военной сферой. Например, сотрудничать с общественными организациями, которые помогали фронту, с предпринимательскими кругами, которые работали на оборону, с представителями политических партий, с иностранными военными представителями.

Со всеми этими проблемами генералу Алексееву пришлось стол-

кнуться в 1915 г., когда Николай II возложил на себя обязанности главнокомандующего, а Алексеева назначил начальником своего штаба. Так выходец из народных низов оказался на самом вершине пирамиды военной иерархии. Безусловно, выбор императора следует считать удачным. Это было еще одним экзаменом, и генерал Алексеев его выдержал.

В.Ж. Цветков подробно рассматривает отношения между главнокомандующим и его начальником штаба. Генерал Алексеев оказался для Николая II незаменимым на своем посту. Но в то же время, и об этом автор говорит прямо, наштаверху не хватало твердости характера при обсуждении и принятии того или иного решения. И с этим утверждением трудно не согласиться.

И здесь было бы уместно сравнить генерала Алексеева с его противниками – германскими фельдмаршалами Э. Людендорфом и П. фон Гинденбургом. Обладая более сильной волей и твердым характером, они в значительной степени подчинили своему влиянию своего главнокомандующего, императора Вильгельма, и смогли навязать ему свою волю, свои решения. В ходе войны в Германской империи фактически установилась военная диктатура, где не на словах, а на деле власть заставила тыл работать на оборону, много принести в жертву фронту.

В.Ж. Цветкову удалось убедительно показать профессиональный рост генерала Алексеева: от начальника штаба фронта до главнокомандующего войсками фронта, а затем на посту наштаверха, который он занимал до весны 1917 г. Теперь генерал Алексеев должен был встречаться и вести переговоры с представителями промышленных кругов, общественности, дипломатическими представителями иностранных держав, в первую очередь союзниками России по Антанте. Таким образом, он рос не только как профессиональный военный, но и как государственный деятель.

В.Ж. Цветков подробно останавливается на судьбоносных событиях февраля и марта 1917 г., излагая свое видение всех тогдашних обстоятельств, опираясь на документы и свидетельства современников. Один из мифов, переживавших на постсоветское пространство из Русского зарубежья, – это миф о «заговоре генералов», в котором генерал Алексеев якобы сыграл самую значительную роль, став «генералом-предателем № 1». Автор подробно останавливается на этой версии и рассматривает ее истоки.

Главный вывод, к которому подводит читателя автор, – генерал Алексеев предателем не был, его такая точка зрения нам представляется достаточно аргументированной. Ставку ввели в заблуждение думские деятели, переоценив свои возможности и не владея ситуацией в столице. В.Ж. Цветков подробно анализирует поведение генерала Алексеева в судьбоносные февральские дни 1917 г., одновременно подвергая анализу психологию кадрового офицерства и генералитета, мотивацию их действий и поступков в те дни.

В дальнейшем генерал Алексеев, уволенный из армии демократическим Временным правительством, проявил себя как государственный деятель, приняв участие во Всероссийском государственном совещании, состоявшемся в Большом театре в Москве в августе 1917 г. Это стало еще одним экзаменом, и он его выдержал.

Последние отрезок жизни генерала Алексеева достаточно хорошо изучен и освещен в работах отечественных историков и исследователей. Он начался с момента прибытия генерала на Дон и участия в эпопее Добровольческой армии. Хотя этому предшествовал подготовительный этап, связанный с формированием «Алексеевской организации». Именно она, наряду с Ударным отрядом корниловцев, послужила кадром для формирования и развертывания Добровольческой армии на юге России. У ее истоков стоял триумvirат – генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.М. Каледин.

Автор в своей работе рассматривает такой интересный сюжет, как взаимоотношения внутри этого триумvirата. В первую очередь, между Алексеевым и Корниловым, отношения между которыми, как мы знаем, складывались очень и очень не просто. У обоих были как свои, вполне очевидные, достоинства, так и не менее очевидные недостатки. На это накладывались личные амбиции и непонимание действий друг друга, в особенности на первых порах.

С одной стороны, белогвардейцам был нужен военный вождь с ярко выраженными чертами харизматического лидера. Таким вождем, несомненно, становился еще с августа 1917 г. генерал Корнилов. Но одновременно зарождающемуся Белому движению был нужен и другой вождь – стратег и аналитик, администратор и дипломат, который берет на себя не менее тяжелую ношу: по возможности просчитать, вычислить, договориться, предугадать. Вождь, чьим полем битвы, условно говоря, являются штабные карты, сухие цифры и канцелярия, в чьих руках сходятся тысячи видимых и невидимых нитей, которые связывают его с тысячами людей, зачастую незнакомыми с ним лично, с городами и весями от Донских степей до обеих столиц, до Волги и Зауралья.

Таким вождем, без которого Добровольческая армия и первые государственные институты при ней никогда не были бы созданы, и стал генерал Алексеев.

Примечания

¹ Карпенко С.В. Гражданский аппарат ВСЮР в 1919 г.: чиновничество и эффективность управления // Российская государственность XX века. М., 2001. С. 148–151.

² Карпенко С.В. Государственное строительство на территории Вооруженных сил юга России в 1919 – 1920 гг. // Власть и общество в России в первой трети XX века. М., 1994. С. 156, 157.

³ Карпенко С.В. Военный и гражданский аппараты управления дени-

кинской диктатуры // Власть. 2011. № 3. С. 131–134.

⁴ Карпенко С.В. Диктаторская власть белых генералов и коррупция (Юг России, 1918 – 1920 гг.) // Власть. 2013. № 7. С. 163–167; Карпенко С.В. Экономический кризис и коррупция: из истории тыла белых армий юга России (1918 – 1920 гг.) // Экономический журнал. 2015. № 1(37). С. 108–135.

⁵ Цветков В.Ж. Сельские общественные организации в аграрно-крестьянском законодательстве Правительства Юга России (1920 г.) // Власть и общество в России в первой трети XX века. М., 1994. С. 158–160; Цветков В.Ж. Эволюция репрессивного законодательства белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26.

⁶ Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997; Зимина В.Д. «Белое дело» взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917 – 1920 гг. М., 2006.

⁷ Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; Цветков В.Ж. Белое дело в России, 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. I. М., 2013.

⁸ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 11–69.

⁹ Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М., 2014.

¹⁰ Цветков В.Ж. Михаил Васильевич Алексеев // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 23–48.

¹¹ Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М., 2014. С. 523–540.

¹² Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М., 2014. С. 34.

Автор, аннотация, ключевые слова

Чичерюкин-Мейнгардт Владимир Григорьевич – канд. ист. наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета
vladmeinhardt@mail.ru

В контексте современного этапа изучения Гражданской войны и Белого движения на территории бывшей Российской империи в статье анализируется книга В.Ж. Цветкова «Генерал Алексеев» (Москва, 2014). Отмечаются очевидные достоинства книги: широкая источниковая база, состоящая из малоизвестных архивных документов, материалов периодической печати и воспоминаний, конкретность, всесторонность и объективность описания событий, детальный анализ фактов жизни и деятельности генерала Алексева. Автор статьи отмечает важность дальнейшего изучения мотивации социального поведения русских генералов в эпоху Гражданской войны.

Гражданская война в России, Белое движение, Добровольческая ар-

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Karpenko S.V. Voennyi i grazhdanskiy apparaty upravleniya denikinskoj diktatury. *Vlast*, 2011, no. 3, pp. 131–134.
2. Karpenko S.V. Diktatorskaya vlast belykh generalov i korruptsiya (Yug Rossii, 1918 – 1920 gg.). *Vlast*, 2013, no. 7, pp. 163–167.
3. Karpenko S.V. Ekonomicheskiy krizis i korruptsiya: iz istorii tyala belykh armiy yuga Rossii (1918 – 1920 gg.). *Ekonomicheskiy zhurnal*, 2015, no. 1(37), pp. 108–135.
4. Tsvetkov V.Zh. Evolyutsiya repressivnogo zakonodatelstva belykh pravitelstv. *Voprosy istorii*, 2007, no. 4, pp. 16–26.
5. Tsvetkov V.Zh. Mikhail Vasilevich Alekseev. *Voprosy istorii*, 2012, no. 10, pp. 23–48.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Karpenko S.V. Gosudarstvennoe stroitelstvo na territorii Vooruzhennykh sil yuga Rossii v 1919 – 1920 gg. *Vlast i obshchestvo v Rossii v pervoy treti XX veka* [Power and Society in Russia in the first third of the 20th century]. Moscow, 1994, pp. 156–157.
7. Karpenko S.V. Grazhdanskiy apparat VSYuR v 1919 g.: chinovnichestvo i effektivnost upravleniya. *Rossiyskaya gosudarstvennost XX veka* [Russian Statehood of the 20th century]. Moscow, 2001, pp. 148–151.
8. Tsvetkov V.Zh. Selskie obshchestvennye organizatsii v agrarno-krestyanskom zakonodatelstve Pravitelstva Yuga Rossii (1920 g.). *Vlast i obshchestvo v Rossii v pervoy treti XX veka* [Power and Society in Russia in the first third of the 20th century]. Moscow, 1994, pp. 158–160.

(Monographs)

9. Karpenko S.V. Belye generaly i krasnaya smuta [White generals and Red Turmoil]. Moscow, 2009, pp. 11–69.
10. Tsvetkov V.Zh. Beloe delo v Rossii: 1917 – 1918 gg. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii) [The White Affair in Russia: 1917 – 1918 (the Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia)]. Moscow, 2008, 520 p.
11. Tsvetkov V.Zh. Beloe delo v Rossii: 1919 g. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii) [The White Affair in Russia: 1919 (the Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia)]. Moscow, 2009, 635 p.
12. Tsvetkov V.Zh. Beloe delo v Rossii, 1920 – 1922 gg. (formirovanie

i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii) [The White Affair in Russia: 1920 – 1922 (the Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia)]. Moscow, 2013, vol. 1, 496 p.

13. Tsvetkov V.Zh. General Alekseev [General Alexeev]. Moscow, 2014, 544 p.
14. Tsvetkov V.Zh. General Alekseev [General Alexeev]. Moscow, 2014, p. 34.
15. Tsvetkov V.Zh. General Alekseev [General Alexeev]. Moscow, 2014, pp. 523–540.
16. Zimina V.D. Beloe dvizhenie i rossiyskaya gosudarstvennost v period Grazhdanskoj vojny [White Movement and the Russian Statehood during the Civil War]. Volgograd, 1997, 484 p.
17. Zimina V.D. “Beloe delo” vzbuntovavsheysya Rossii: Politicheskie rezhimy Grazhdanskiy vojny 1917 – 1920 gg. [“White Affair” of Rebellious Russia: Political Regimes of the Civil war of 1917 – 1920]. Moscow, 2006, 467 p.

Author, Abstract, Key words

Vladimir G. Chicheryukin-Meyngardt – Candidate of History, Senior Lecturer, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
vladmeinhardt@mail.ru

In the context of the current research of the Russian Civil War and White movement on the territory of the former Russian Empire, the article analyses the book “General Alexeev” (Moscow, 2014) by V.Zh. Tsvetkov. The author draws attention to the book’s obvious merits, such as a wide source base composed of little-known archival documents, printed press articles, and memoirs as well as concrete, comprehensive and impartial account of events, and a detailed analysis of General Alexeev’s biography and activities. The author argues that further studies of Russian generals’ social behavior during the Civil War period should be conducted.

Russian Civil War, White Movement, Volunteer Army, M.V. Alexeev, L.G. Kornilov, social behavior, historiography, V.Zh. Tsvetkov

А.В. Крыжан

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ 1920 – 1930-Х ГОДОВ:
ВЗГЛЯД НА МОНОГРАФИЮ П. СОЛОМОНА**

A. Kryzhan

**From the History of Research
of Local Soviet Institutions of Justice (1920s – 1930s):
A Look at P. Solomon's Monograph**

Последние три десятилетия события сталинского прошлого стали одной из самых популярных тем исторических исследований и научно-популярных изданий. Сталинский репрессивный аппарат и репрессии для России – вопрос крайне сложный и болезненный: трудно найти семью, которая в той или иной степени не была бы затронута государственным террором. Поэтому даже результаты серьезного научного изучения сталинского террора рискуют подвергнуться воздействию эмоциональных оценок. Тем более ценным представляется «взгляд со стороны».

В 2008 г. издательство РОССПЭН в серии «История сталинизма» выпустило книгу известного историка советского права, профессора Университета Торонто Питера Соломона «Советская юстиция при Сталине» (впервые была издана в 1996 г.¹). Труд производит впечатление серьезного фундаментального исследования: богатейший фактический материал и многоплановый научный анализ, неожиданные и неоднозначные, но всегда четко аргументированные оценки.

Тем не менее, внимательное изучение книги порождает ряд вопросов и сомнений.

Начнем с названия: «Советская юстиция при Сталине». Слово сочетание «советская юстиция» предполагает, несомненно, систему юстиции, выстроенную и действовавшую в рамках советской государственной машины, то есть совокупность органов и учреждений. Однако в фокусе внимания П. Соломона находится исключительно судебная система. Более того, с первых страниц книги становится очевидным, что П. Соломон рассматривает только уголовное правосудие. Перед нами серьезное и взвешенное исследование, предпринятое опытным ученым, лишённое драматизации. Тем большее недоумение вызывает подобное сужение предмета исследования по отношению к названию книги.

Это недоумение только усиливается при знакомстве с английским вариантом названия: «Soviet Criminal Justice under Stalin». Не нужно обладать серьезными познаниями в английском языке, чтобы понять, что из русского названия «сбежало» ключевое слово – «уго-

ловная». На чьей бы совести не оказался русский перевод – российский читатель получил книгу с весьма неточным названием.

Спорными представляются и ряд позиций, высказываемых П. Соломоном применительно к периоду 1920 – 1930-х гг.

Анализируя развитие советского правосудия, П. Соломон подчеркивает значительную зависимость судебно-прокурорских работников от местных властей, которую он рассматривает как основной источник «кампанейского правосудия»². Этот авторский термин очень точен, емко отражает суть процессов периода коллективизации, когда деятельность работников суда и прокуратуры в деревнях организовывалась методом выездных кампаний. П. Соломон подчеркивает, что «период коллективизации представлял собой низшую точку падения в истории советского уголовного права»³, имея в виду разгул беззакония в отношении крестьян, что само по себе бесспорно.

Однако вывод о том, что превалирующим мотивом в действиях местных судей и прокуроров являлся диктат местных властей, представляется, по меньшей мере, несколько упрощенным.

Одним из самых мощных рычагов, которые может использовать власть, является финансирование. П. Соломон утверждает, что «к 1926 г. судьи зависели от уездных (позднее от окружных) властей в вопросе расходов по бюджетным статьям»⁴. Одним из немногих недостатков книги является порождаемое ею впечатление, что речь идет о стране, где кроме лидера-диктатора, инициировавшего террор против собственного народа, и отсутствия четкой государственной правовой концепции, все остальные сферы жизни были организованы вполне сносно. Возможно, это – следствие западного менталитета автора, либо правоведческой направленности его научной деятельности. Во всяком случае, из повествования о 1920-х гг. «ушли» только что закончившаяся Гражданская война, разруха, голод, да и сама революция. Без учета этих факторов невозможно понять сложившейся в стране ситуации.

Вернемся к «бюджетным статьям». До июня 1922 г. Наркомат юстиции РСФСР финансировал местные органы управления юстиции (губернские отделы и уездные бюро) через губернские исполкомы. О размерах финансирования свидетельствуют следующие данные по Курской губернии. В январе 1921 г. Дмитриевскому уездному бюро юстиции было перечислено 25 000 руб. на канцелярские расходы (на полгода). Согласно счету, выданному 12 мая 1921 г., стоимость писчей бумаги составляла 25 руб. лист, перьев – 30 руб. штука⁵. Полностью указанного финансирования хватило бы только на 1 000 листов бумаги, в то время как в потребности бюро входили перья, чернила, копировальная и промокательная бумага, ленты пишущей машины и т.д. А вот свидетельство председателя Старооскольского уездного бюро юстиции: «В суде освещения никакого нет, бумаги пишущ-

ной, чернила, карандашей, перьев, обложек абсолютно нет, дров для отопления также нет»⁶.

Посмотрим на зарплаты советских юристов. В ноябре 1921 г. месячный оклад судьи в Курской губернии исчислялся в сумме 1 141 140 руб.⁷ Когда в январе 1922 г. заведующий Курским губернским отделом юстиции получил оклад в размере 1 674 000 руб.⁸, бумага и перья стоили уже соответственно 800 руб. лист и 1 000 руб. штука⁹. Цифры говорят сами за себя.

С июня 1922 г. финансирование судебно-следственных участков легло на местные бюджеты. В условиях послевоенной разрухи возможности для их формирования были весьма ограничены, потому летом 1922 г. для обеспечения финансирования местных учреждений в распоряжение губернских исполкомов были переданы следующие налоги: промысловые, с промышленных садов и огородов, со строений, а также имущества, торговли, извоза. Что же касается установленных законом судебных пошлин, канцелярских и нотариальных сборов и штрафов, за счет которых можно было бы частично решить финансовые проблемы учреждений юстиции, то они, как показывает проведенное нами исследование, по-прежнему перечислялись в государственный бюджет¹⁰.

После ликвидации отделов и бюро юстиции в 1922 г. органами судебного управления на местах стали Губернские суды (Губсуды), работа которых финансировалась Наркомюстом. В 1924 г. Воронежский губсуд ежеквартально представлял Наркомюсту сведения о том, что при имевшемся финансировании наладить нормальную работу судебных учреждений невозможно¹¹. Обратим внимание: речь идет о недостаточном финансировании из государственного бюджета. Что уж говорить о местных возможностях?

В начале 1930-х гг. снабжение работников юстиции оставалось на столь низком уровне, что потребовалось вмешательство ЦК партии большевиков. Однако и это не решило проблему, о чем свидетельствует выдержка из письма и.о. прокурора Курской области в Центрально-Черноземный обком ВКП(б) (в 1928 г. была образована Центрально-Черноземная область с центром в Воронеже, которая объединяла территории Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний; в июне 1934 г. Центрально-Черноземная область была разделена на Курскую и Воронежскую области): «Решение ЦК ВКП(б) от 10 июля 1934 г. и решение обкома от 9 августа того же года в части снабжения судебно-следственных работников наравне с руководящим партактивом не проводится и по существу этот вопрос приобретает издевательскую форму»¹².

Таким образом, возможность серьезного давления со стороны местных властей посредством материального стимулирования судебных работников представляется весьма эфемерной. Что же касается прокуроров, то воздействие на них с помощью материального

стимулирования могло обернуться проблемами и неприятностями: прокуратура с момента своего создания избежала системы двойного подчинения и действовала в составе Наркомюста РСФСР.

П. Соломон, между тем, полагает, что, «хотя средства на текущие расходы прокуратуры и поступали из бюджета республиканской прокуратуры, местные власти часто предоставляли в распоряжение своих прокуратур дополнительные денежные фонды». И признает, что основным мотивом подобных действий местных властей было поддержание добрых отношений с неподчиненными им прокурорами¹³.

Сюжет этот крайне сложен, и, как показывает наш опыт исследования вопросов финансирования прокуратуры в 1930-е гг., требует предельной конкретности и учета всех обстоятельств¹⁴.

Однако материальное стимулирование – не единственный способ влиять на работника. Особое место в то время занимали идеологические соображения и методы воздействия. Историк-правовед совершенно прав, утверждая, что местные партийно-советские работники играли решающую роль в назначении судей и следователей, поэтому от лояльности индивида зависело получение им работы или пребывание в должности. Однако зарплату в 1,5 млн при стоимости писчего пера в 1 тыс. руб. никак нельзя назвать привлекательной. Конечно, в середине 1920-х гг. могло не быть и такой зарплаты, но речь идет о специфической сфере деятельности. Документы свидетельствуют, что судебно-следственные участки и местные прокуратуры испытывали недостаток не то что в квалифицированных, а вообще в любых работниках. Так, в прокуратуре Курска в начале 1933 г. работало 13 человек, а к лету количество работников сократилось до 11-ти¹⁵. П. Соломон неоднократно подчеркивает, что текучесть судебно-прокурорских кадров была едва ли не основной проблемой: в начале 1930-х гг. ее уровень среди следователей достиг 40 % в год¹⁶.

Факторы, влиявшие на характер взаимоотношений работников юстиции с представителями местных властей, на наш взгляд, намного сложнее, чем амбиции зарвавшихся чиновников, стремившихся манипулировать судьями и прокурорами. Местным юристам приходилось сталкиваться с позицией «различных советских органов, смотревших на юстицию как на орган второстепенной важности»¹⁷. Однако судьи и прокуроры далеко не всегда послушно выполняли «руководящие указания». Стремление действовать по «букве закона» (пусть даже в вульгарном его понимании, поскольку иного не позволял культурно-образовательный уровень), а зачастую и попытки защитить права отдельных граждан приводили к конфликтам с местными исполкомами¹⁸.

Возникали и конфликты с партийным начальством. Так, в июне 1920 г. в Курской губернии по постановлению Старооскольского уездного бюро РКП(б) был отстранен от должности и арестован

судья 3-го участка В.Т. Зыбенко, который настаивал на справедливом рассмотрении дела по обвинению члена Ольшанского волостного исполкома Овсянникова, местного начальника милиции Садовникова и бывшего председателя Ольшанского волостного ревкома Солодченко в дискредитации Советской власти. В своей жалобе, направленной в Наркомюст, Зыбенко прямо утверждает, что его отстранение и арест были обусловлены тем, что все трое обвиняемых были членами РКП(б) и занимали ответственные посты, непосредственно контролируемые уездным партийным комитетом¹⁹.

С 1922 г. борьбу с советскими и партийными чиновниками, допускаящими беззаконие и злоупотребление властью, повели прокуроры. Доказательством того, что они доставляли немалое беспокойство местным функционерам, служит появление в местных газетах следующих указаний: «Совершенно иным должен быть подход органов юстиции к тем работникам низового аппарата, которые совершили тот или иной проступок в силу своей неопытности, неумения ориентироваться в сложной обстановке классовой борьбы»²⁰.

В 1929 – 1930 гг. прокуроры пытались противодействовать нарушению принципа добровольности вступления в колхоз и экспроприации собственности середняцких хозяйств, что признавало высшее прокурорское руководство. В докладе «О работе Управления Прокуратуры Республики за 1929 – май 1930 г.» сказано: «Часть прокуроров, безусловно, оказалась на высоте положения, не останавливаясь перед тем, чтобы идти против местного влияния»²¹.

Можно утверждать, что местные работники юстиции не действовали, слепо подчиняясь диктату местной власти и выполняя ее волю, однако к середине 1930-х гг. борьба с партийно-советской бюрократией, облеченной властью, была ими безнадежно проиграна.

Рассматривая сюжет об использовании уголовного правосудия в качестве средства обеспечения всеобщей коллективизации, П. Соломон утверждает, что масштаб репрессий был сужен благодаря местным судебным-прокурорским работникам, которые оказали сопротивление применению на практике закона «о пяти колосках» в случаях, когда считали это несправедливым²². Стремление судей смягчить последствия применения суровых уголовных законов он объясняет тем, что «введение суровых наказаний за конкретные преступления вступали в противоречие с системой ценностей судебного-прокурорских работников и с их пониманием проблемы справедливости и целесообразности»²³.

Нельзя не отметить присущего автору западного понимания влияния системы ценностей на формирование мотивов поведения личности в конкретной ситуации. Дело, однако, не в том, что экстремизму и жестокости сталинских законов сопротивлялось чувство гражданской справедливости судей и прокуроров. Прекрасно ориентируясь в российской истории, П. Соломон, тем не менее, не учитывает характера воздействия революционных изменений на

российского обывателя начала XX в., лишенного либерального понимания свободы (а большинство судебно-прокурорских работников 1920 – 1930-х гг. являлись как раз рядовыми обывателями, а не профессиональными юристами).

Очень точно эту мысль выразил А.Н. Сахаров: «Миллионные массы вошли в революцию в середине 1920-х годов: поднялись к новой жизни глухие углы, забурлили каждая деревня, каждая фабрика; там, где прежде не было ни белых, ни красных и лишь скоротечно прошумела буря междоусобицы, в революцию вошел обыватель»²⁴. Для российского обывателя «судейские» всегда были «начальством», способным как благополучно разрешить ситуацию, так и испортить жизнь. Теперь бывшие землепашцы сами оказались на месте «начальников», и это произошло благодаря революции.

На протяжении 1920-х гг. новое государство широко тиражировало идеи народовластия, смычки города и деревни, нового советского народного правосудия, которые укоренились в сознании прокуроров и судей. Сама советская реальность сформировала у судебно-прокурорских работников понимание справедливости и целесообразности, в которое не вписывался тотальный террор против крестьян. Многие низовые судьи и прокуроры сами были выходцами из этой среды, она была им гораздо понятнее, чем когорта столичных начальников.

Пожалуй, наиболее спорным представляется нам мнение П. Соломона о подготовке юридических кадров. В юстиции проблема кадров обострялась тем, что здесь революционный энтузиазм не мог компенсировать отсутствия профессиональных знаний.

Отсутствие должного образования, естественно, сказывалось на профессиональной компетентности работников. В апреле 1922 г. Курский губернский отдел юстиции вынужден был издать циркуляр, предписывающий отзываться от занимаемой должности судей, «которые не в состоянии по малоразвитости и неподготовленности самостоятельно писать приговоры и решения»²⁵. Значительная часть постановлений следственных комиссий по уголовным делам пестрела формулировками о прекращении дел об убийствах «вследствие обнаружения виновного»²⁶.

П. Соломон правильно оценивает состояние кадров юстиции в 1920 – 1930-е гг., дает оценку безуспешным попыткам большевиков решить кадровые проблемы при помощи выдвиженцев и соцсовместителей (так называли активных рабочих, которые привлекались для работы в судах и прокуратурах на общественных началах). Однако нельзя согласиться со следующим. Объясняя, почему в 1920 – 1930-х гг. большевики не смогли создать эффективную систему высшего юридического образования, П. Соломон подчеркивает, что многие члены партии были убеждены в постепенном отмирании права в условиях социализма, а главное – что политическое руководство не понимало отличия юстиции от других областей государ-

ственного управления²⁷.

Прежде всего – что значит «многие члены партии»? Если речь идет о рядовых членах партии или даже о губернских и областных руководителях, то их позиция ничего не могла изменить: развитие системы высшего образования являлось прерогативой центральной, правительственной власти. Что касается высшего руководства, то для выработки подходов к высшему юридическому образованию принципиальной можно считать позицию лидеров государства, наркомов юстиции и руководства Наркомпроса. Один из исследователей российской правовой системы Р. Уортман отмечает: «Владимир Ленин, юрист по образованию, рассматривал буржуазное право как инструмент старого государственного строя, и после 1917 г. советская власть превратила суд в свое собственное послушное орудие»²⁸. С этим нельзя не согласиться, поскольку организационные и правотворческие усилия по созданию судебной системы в 1918 – 1922 гг. однозначно свидетельствуют о переходе большевистской верхушки к прагматическому восприятию права. Споры шли не о том, нужно право или нет, а о том, в каком качестве оно нужно. Что касается Сталина, то П. Соломон сам утверждает, что в начале 1930-х гг. проявился «растущий интерес Сталина к праву во всех его проявлениях»²⁹. Наркомпрос вряд ли сознательно тормозил развитие именно юридического образования. Скорее, ведомству просто не хватало ресурсов.

Можно ли винить в этой неудаче Наркомюст? Для Д.И. Курского, в течение 10-ти лет возглавлявшего наркомат, проблема нехватки квалифицированных кадров была едва ли не самой болезненной. В сентябре 1918 г. он затребовал сведения о кадровом составе, и, проанализировав данные 3 267-ми судов, пришел к выводу, что «профессиональные судьи составляют сравнительно ничтожный процент»³⁰. Позиция наркома Н.В. Крыленко основывалась не на том, что судьям и прокурорам не нужно специальное образование, а на том, что политические цели для них должны стоять выше всего остального. Оппонент Крыленко, А.Я. Вышинский, по словам П. Соломона, «едва ли не раньше всех остальных разгадал, в какой форме потребуется Сталину право и как он станет его использовать»³¹. А как можно использовать право с полуграмотными юристами?

Как видим, ни одна из влиятельных сил не была заинтересована в провале высшего юридического образования. Тем не менее, П. Соломон прав: до конца 1930-х гг. оно так и не сложилось. Более того, провал высшего юридического образования произошел на фоне высоких темпов развития высшего технического образования. Почему? Истоки надо опять же искать в исторической ситуации.

Дореволюционное юридическое сообщество враждебно вос-

приняло Советскую власть, а большевистское право для старых юристов было концептуально неприемлемо, и они принципиально не сотрудничали с большевиками. Речь идет, разумеется, о юристах «с именем» и влиянием, а без них оставшиеся на местах работники с профессиональным юридическим образованием, пришедшие на советскую службу кто по убеждению, кто от безысходности, не могли сформировать новую профессиональную среду. А кто как не она может определить, чему и как учить на юридических факультетах? Ведь даже самая могущественная партия не в состоянии определить, что такое, например, налоговое право при новом строе.

Помимо вопроса, что и как преподавать, очевиден другой вопрос – кто будет преподавать? Инженерное образование имеет прикладной характер. Кроме того, большевики были не в состоянии изменить научные концепции в математике, физике или геометрии. Позволим себе предположить, что преподавать математику при новом, пусть даже чуждом индивиду строе, можно с небольшими потерями для личностной самооценки, а это значит, что готовить новых инженеров вполне могли старые преподавательские кадры. С юридическим образованием дело обстояло совершенно иначе.

Преподавать старое право в новом государстве бессмысленно, а преподавать новое право для преподавателя, не принявшего новый общественный уклад невозможно. Да и преподавать-то поначалу было нечего: революционная ломка общественной системы потребовала столь же революционного изменения правовых концепций, советское правоведение нужно было создавать заново. Безусловно, свой вклад в теорию советского права внесли Д.И. Курский, П.И. Стучка, Н.В. Крыленко и иные работники Наркомюста тех лет. Однако говорить о серьезных занятиях юридической наукой государственными чиновниками такого уровня, да еще и в условиях не устоявшейся государственной системы, можно лишь с большой долей допущения. В большей степени в этой связи можно говорить о М.М. Рейснере, однако и ему не удалось создать собственной научной школы.

Так или иначе, нам кажется очевидным: даже если бы большевики проявили серьезный, «государственный» подход к делу организации высшего юридического образования – они просто не смогли бы его организовать в столь короткие сроки в силу отсутствия, прежде всего, интеллектуальных ресурсов.

Большевиков нельзя обвинить в том, что они не пытались исправить ситуацию и поднять образовательный уровень работников системы. У П. Соломона есть фактическая неточность. Он пишет: «К середине 1920-х годов многие губернские суды поощряли деятельность краткосрочных юридических курсов для работников суда и прокуратуры. Обычно эти курсы продолжа-

лись три месяца. В 1926 г. Наркомат юстиции добился разрешения организовать Высшие юридические курсы»³². На самом деле Высшие юридические курсы для подготовки высшего персонала юстиции открылись в Москве постановлением СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г.³³ Кроме того, организовывалось десять областных юридических курсов для подготовки народных судей и следователей, с годичным сроком обучения.

В 1924 г. при губернских судах были образованы экспертные комиссии, которые должны были экзаменовывать кандидатов в народные судьи, имеющих стаж работы в органах юстиции менее трех лет³⁴.

Однако и курсы, и экспертные комиссии столкнулись с теми же проблемами: нехваткой квалифицированных профессионалов и ужасающей безграмотностью слушателей, уже работавших в системе юстиции.

Помимо анализа советского уголовного правосудия, автор задается интереснейшими вопросами. Например, как влияли отдельные персонажи на формирование судебной политики, какова роль права в советской системе, каковы его взаимоотношения с политической действительностью. Автор детально разрабатывает сюжет о том, что для большевистского руководства «уголовно-правовое измерение представляло собой арену борьбы за определение роли и предназначения права»³⁵.

В целом книга П. Соломона, несомненно, внесла большой вклад в изучение советской государственности и социально-политических реалий сталинской эпохи, она серьезно улучшила историографическую ситуацию, подтолкнув российских исследователей к разработке наиболее «узких» мест данной проблематики.

Примечания

¹ *Solomon P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge (Mass.), 1996.

² *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 92.

³ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 79.

⁴ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 53.

⁵ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 55. Л. 19, 21.

⁶ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

⁷ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 62. Л. 22.

⁸ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1-Л. Д. 59. Л. 34.

⁹ Там же. Л. 133.

¹⁰ *Крыжан А.В.* Материальные условия трудовой деятельности работников местных учреждений советской юстиции в 1918 – 1924 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 5(49). С. 61.

¹¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 46. Л. 89, 102, 113.

¹² Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 353. Л. 69.

¹³ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 93.

¹⁴ *Крыжан А.В.* Финансирование и материальное обеспечение местных органов и учреждений юстиции Советской России в 1918 – 1930-е гг. // Экономический журнал. 2015. № 2(38). С. 122–130.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 66. Л. 1.

¹⁶ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 122.

¹⁷ О суде и наших юристах // Курская правда (Курск). 1920. 12 дек.

¹⁸ *Крыжан А.В.* Взаимодействие местных органов юстиции с советскими, партийными и чрезвычайными органами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. № 4(35). Вып. 3. С. 116–120.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 81. Л. 104–109.

²⁰ *Гуревич Я.* Органы юстиции на новом этапе (ко II съезду работников юстиции ЦЧО) // Коммуна (Воронеж). 1932. 23 июня.

²¹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 24. Л. 137.

²² *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 137.

²³ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 436.

²⁴ *Сахаров А.Н.* 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 41.

²⁵ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 38. Л. 39.

²⁶ ГАКО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

²⁷ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 32.

²⁸ *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 11.

²⁹ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 152.

³⁰ *Курский Д.И.* Избранные статьи и речи. М., 1958. С. 61, 62.

³¹ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 152, 153.

³² *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 32, 33.

³³ Об открытии юридических курсов: Постановление СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г. // Собрание узаконений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1923. № 1. Ст. 9

³⁴ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1112. Л. 10.

³⁵ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 10.

Автор, аннотация, ключевые слова

Крыжан Анна Викторовна – канд. ист. наук, доцент Регионального открытого социального института (Курск)
kryjhan@mail.ru

В статье в контексте современной историографической ситуации анализируется книга историка права и государства П. Соломона «Советская юстиция при Сталине» (Москва, 2008). Основное внимание уделено подходам и выводам П. Соломона применительно к местным учреждениям

юстиции Советской России и СССР в 1920 – 1930-х гг. В статье оценивается, как П. Соломон анализирует влияние партийно-советского руководства на деятельность местных судей и прокуроров, рассматривает столкновение системы ценностей судебно-прокурорских работников с советской политической повседневностью, оценивает кадровую проблему и неудачную попытку организации высшего юридического образования. Автор статьи обращает внимание на одностороннее, «западное» понимание автором поднятых проблем, недостаточность предпринятого исторического анализа эпохи. По мнению автора статьи, это помешало известному историку учесть всю палитру обстоятельств, повлиявших на противоречивые результаты работы советского правосудия в первые послереволюционные десятилетия.

Советская Россия, Народный комиссариат юстиции, местные учреждения юстиции, судебная система, судейский корпус, прокуратура, юридическое образование, история государства и права, историография, П. Соломон

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kryzhan A.V. Finansirovanie i materialnoe obespechenie mestnykh organov i uchrezhdeniy yustitsii Sovetskoy Rossii v 1918 – 1930-e gg. *Ekonomicheskii zhurnal*, 2015, no. 2(38), pp. 122–130.
2. Kryzhan A.V. Materialnye usloviya trudovoy deyatel'nosti rabotnikov mestnykh uchrezhdeniy sovetskoy yustitsii v 1918 – 1924 gg. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 5(49), p. 61.
3. Kryzhan A.V. Vzaimodeystvie mestnykh organov yustitsii s sovetskimi, partiynymi i chrezvychaynymi organami. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika*, 2007, no. 4(35), vol. 3, pp. 116–120.
4. Sakharov A.N. 1930: god “korenno go pereloma” i nachala Bolshogo terrora. *Voprosy istorii*, 2008, no. 9, p. 41.

(Monographs)

5. Solomon P.H. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge (Mass.), 1996. 520 p.
6. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 10.
7. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 32.
8. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, pp. 32, 33.
9. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin].

Moscow, 2008, p. 53.

10. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 79.
11. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 92.
12. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 93.
13. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 122.
14. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 137.
15. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 152.
16. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, pp. 152, 153.
17. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, 2008, p. 436.
18. Wortman R.C. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [Rulers and Judges: The Development of a Russian Legal Consciousness]. Moscow, 2004, p. 11.

Author, Abstract, Key words

Anna V. Kryzhan – Candidate of History, Senior Lecturer, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)
kryzhan@mail.ru

Taking into account the current historiographic context, the author of the article analyzes the book “The Soviet Justice under Stalin” (Moscow, 2008) by P. Solomon, a researcher of the history of State and Law. The article highlights P. Solomon’s approach and conclusions concerning local institutions of justice in Soviet Russia and the USSR in the 1920s – 1930s. The author views how P. Solomon analyzes the influence of the Bolshevik party and Soviet government’s leadership upon the local judges and prosecutors performing their duties, examines the clash between the legal employees’ system of values and soviet political routine practices, assesses the human resources problem and the failure to launch the higher legal education project. The author of the article criticizes the researcher’s somewhat one-sided, ‘pro-western’ treatment of the discussed issues and insufficiency in his historical analysis of that period. It is argued that due to this the well-known scholar did not succeed in showing a whole range of circumstances that led to controversial results in the work of Soviet justice system over a few decades after the Russian revolution of 1917.

Soviet Russia, People’s Commissariat of Justice, local institutions of justice, judicial system, judiciary, prosecutors, legal education, history of State and Law, historiography, P.H. Solomon

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 25.03.16
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru